

Ф. ПОПОВ

ГК 651

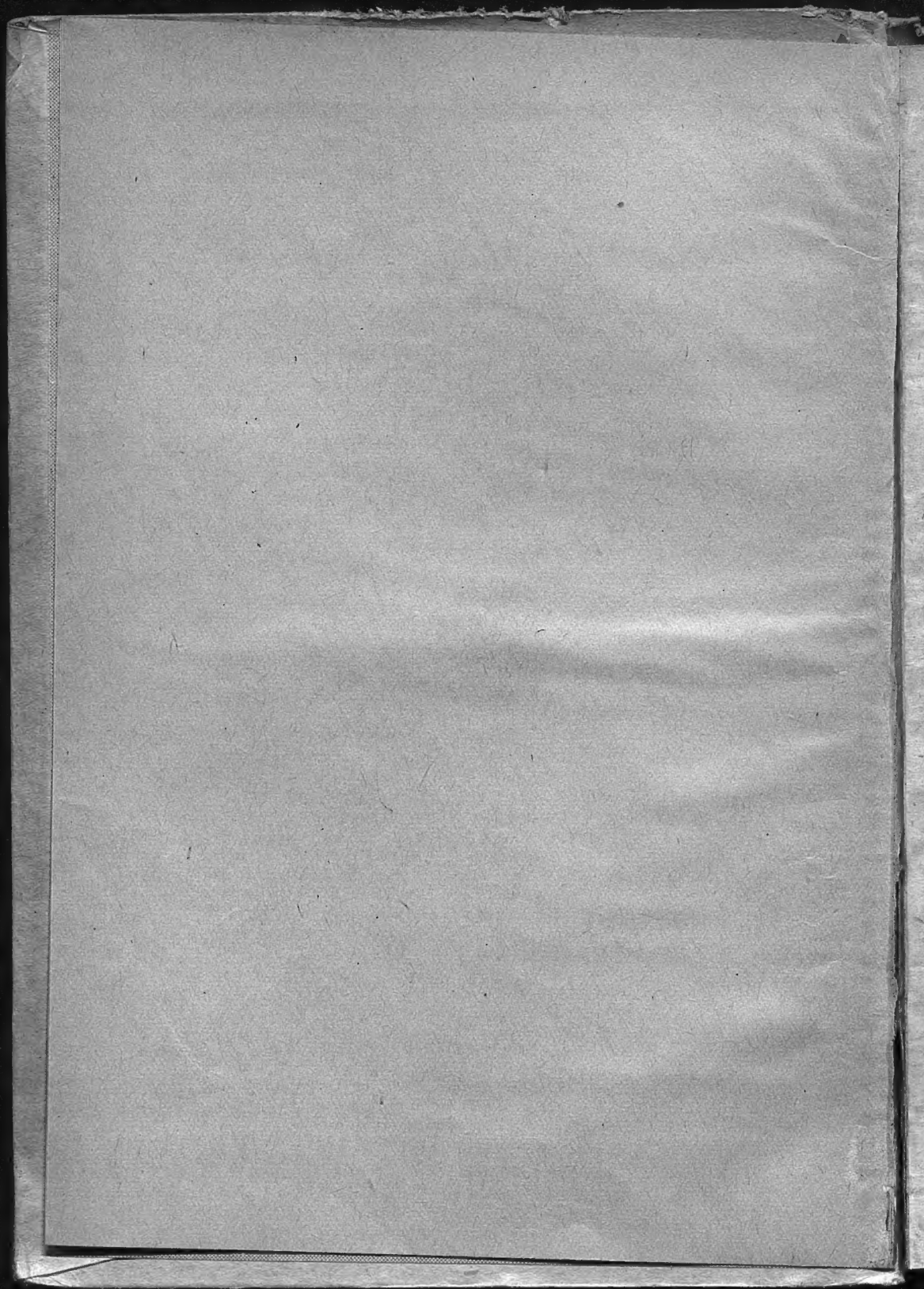
П 785₂

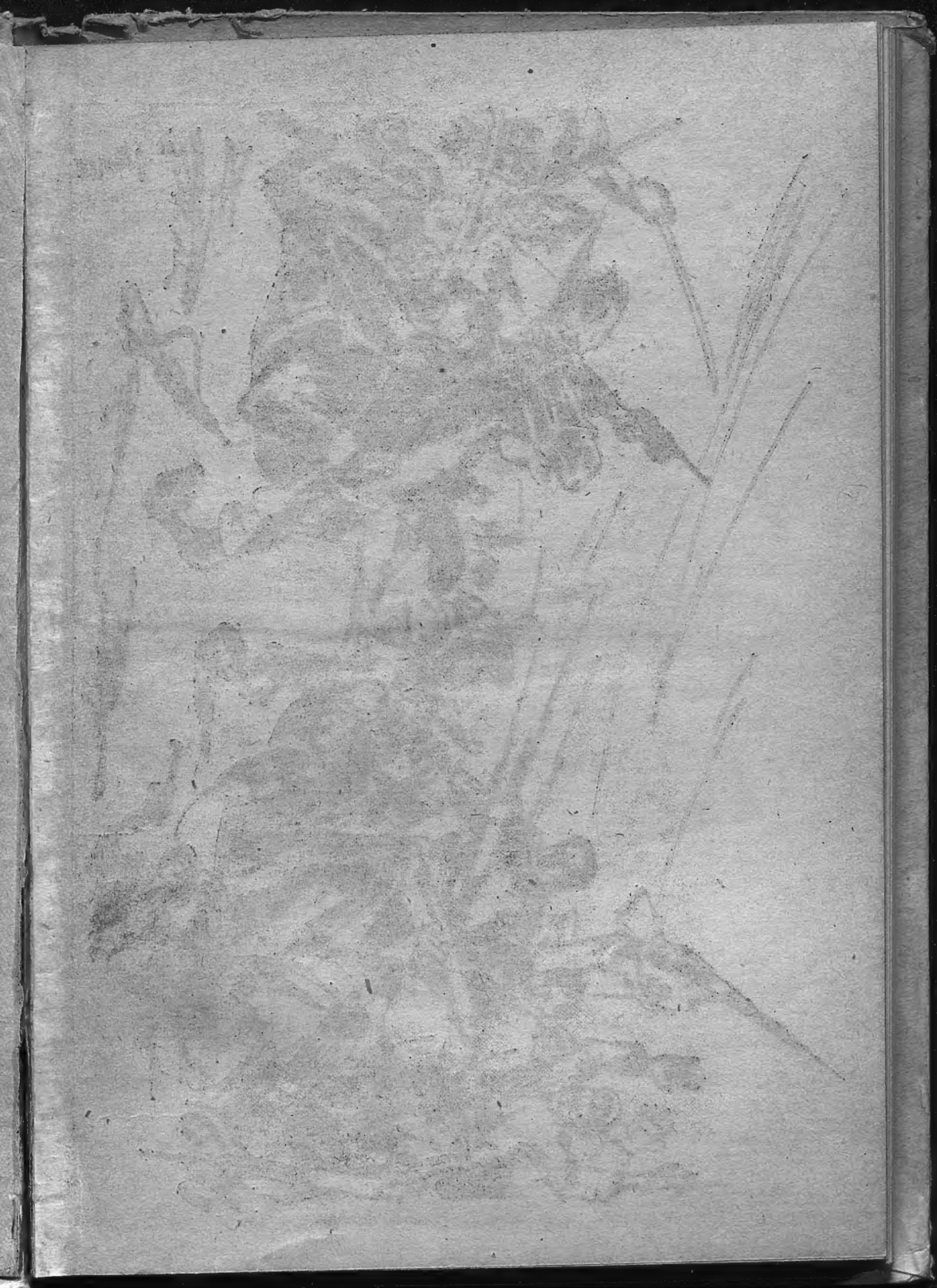
Дутовщина

ИСПАРТ КУЙБЫШЕВСКОГО КРАЙКОМА ВКП(б)

Ф. ПОПОВ

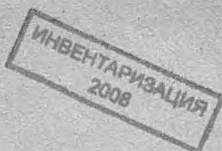
ДУТОВЩИНА

2-е ИЗДАНИЕ

КУЙБЫШЕВСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1935 КУЙБЫШЕВ

17 1986
«Дутовщина» — контрреволюционное движение на территории Оренбургского края в 1917 — 1919 гг. и возглавлявшееся атаманом Оренбургского казачьего войска А. И. Дутовым.

Дутовщина — не отдельный или случайный эпизод, это определенный этап борьбы российской и международной контрреволюции против Советов, против диктатуры пролетариата.

Книга насыщена фактами из истории борьбы с дутовщиной и заслуживает внимания всех, кто интересуется историей гражданской войны.

ГК 651
П 785₂ P

с.с.р.
8795

282471

557
35

282471

Куйбышевское краевое издательство.

Редактор Р. Гурвич. Техред П. Лышников. Корректор издательства Е. Николаева. Художники: В. Попов, А. Любимов.

Слана в набор 10 VIII—1935 г. Подписана к печати 15/XI—1935 г. Тираж 5010 экз. Авт. л. 783. Изд. л. 575. Формат 72×105 1/32. Знаков в бум. л. 120320. Инд. VI—П—86. Крайгаз № 2455. Уполномоченный крайлита Г—486. Цена 2 руб. Переплет 50 коп.

Тип. им. Мяги треста «Полиграфкнига», г. Куйбышев, заказ № 1451

СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ ДУТОВЩИНЫ

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИЕЙ И КОНТРРЕ- ВОЛЮЦИЕЙ

В течение двух лет, с первых дней Октябрьской революции и почти до конца 1919 года, в Оренбургских степях шла ожесточенная гражданская война. На одной стороне баррикады стоял пролетариат, который в союзе с беднейшим крестьянством, под руководством закаленной в боях коммунистической партии, с оружием в руках защищал завоевания Октябрьской революции и отстаивал существование советской власти. На другой стороне баррикады было казачество, главным образом его верхушечная часть, руководимая монархическим офицерством во главе с атаманом Дутовым и боровшаяся за восстановление старых дореволюционных порядков.

В течение двухлетней борьбы, почти всегда при помощи извне, контрреволюции не раз удавалось захватывать значительные части территории Оренбургского края. Но каждый раз под напором революционных сил контрреволюция вынуждена была отступать, пока она не была разбита окончательно.

Гражданская война в Оренбургском крае возникла сразу же после Октябрьской революции. Что именно Оренбургский край (так же, как и другие казачьи окраины) стал одним из очагов контрреволюции,— в этом нет никакой случайности.

«Еще в начале Октябрьского переворота,— писал т. Сталин в 1919 году,—наметилось некоторое географическое размежевание между революцией и контрреволюцией. В ходе дальнейшего развития гражданской войны районы революции и контрреволюции определились окончательно. Внутренняя Россия с ее промышленными и культурно-политическими центрами—Москвой и Петроградом, с однородным в национальном отношении населением, по преимуществу русским, превратилась в базу революции. Окраины же России, главным образом южная и восточная, без важных промышленных и культурно-политических центров, с населением в высокой степени разнообразным в национальном отношении, состоящим из привилегированных казаков-колонизаторов, с одной стороны, и неполноправных татар, башкир, киргиз (на востоке)... и других мусульманских народов, с другой стороны,—превратились в базу контрреволюции».

«... Кто же другой мог быть,—спрашивает т. Сталин,—оплотом деникинско-колчаковской контрреволюции, как не исконное орудие русского империализма, пользующееся привилегиями и организованное в военное сословие,—казачество, издавна эксплуатирующее нерусские народы на окраинах?»¹

Таким образом корни контрреволюционного движения в казачьих окраинах, в том числе и дубовщины, кроются в социально-экономической структуре окраин. Привилегии и льготы, которые предоставляло царское правительство казачеству, способствовали росту хозяйств определенных слоев ка-

¹ «Правда» № 293, 27. XII. 1919. Цит. по кн. С. Рабинович, История гражданской войны. Партиздат, М. 1933, стр. 170—171.

зачества, превращая довольно значительный слой его в кулаков и зажиточных, владевших огромными земельными наделами. Они держали в кабале бедняцко-середняцкую часть местного неказачьего населения т. е. крестьян, или как их называли казаки, «иногородних», а также неполноправных мусульманских народов.

КАЗАЧЕСТВО — ОПОРА РУССКОГО САМОДЕРЖАВИЯ

Для того чтобы лучше и яснее понять движущие силы казачьей контрреволюции и те причины, которые лежали в основе ее, необходимо хотя бы бегло, в самых общих чертах, познакомиться с прошлым оренбургского казачества.

Оренбургское казачье войско было образовано русскими царями в середине XVIII столетия с целью завоевания и подчинения русскому самодержавию народов, населявших земли вдоль юговосточной границы тогдашнего Московского государства, с целью продвижения в Среднюю Азию.

«Всем среднеазиатским странам и землям.—писал Петр I,—оная киргиз-кайсацкая орда есть ключ и врата». Так оценивал значение Оренбургского края для завоевательных целей русского самодержавия один из самых ярких представителей российского первоначального капиталистического накопления.

Вполне понятно, что самодержавие не замедлило поставить у этих «врат» своего часового в лице созданного вначале Уральского, а позже и Оренбургского казачьего войска. К середине XIX столетия оренбургское казачество представляло уже солидную силу, и по приказу царского правительства оно вместе с другими казачьими войсками начало завоевательные походы в Среднюю Азию. Около трех десятков лет продолжалась борьба царских войск с народами Средней Азии. К восьмидесятым

годам XIX столетия было закончено завоевание Средней Азии царским правительством. После этого роль оренбургских казаков коренным образом изменилась. Если раньше они несли исключительно гарнизонную службу, то теперь, в мирной обстановке, они начали заниматься сельским хозяйством.

Это не значит, что роль казачества как военной силы и опоры самодержавия на этом кончилась. Наоборот, эта роль, пожалуй, даже выросла. Имея крепкую экономическую базу, будучи воспитанным в патриотическом духе и организованным в военное сословие при постоянном наблюдении и руководстве офицерства, — казачество всегда являлось наиболее верной и надежной опорой русского самодержавия. С первого дня зарождения революционного движения в России казачество активно участвует в подавлении возникавших в стране забастовок и революционных восстаний.

Конечно, и казачья масса не была однородной по своему экономическому положению. Наряду с кулацкими и зажиточными хозяйствами в станицах среди казаков имелись и бедняки, крепко закабаленные кулаками. Но в силу исторически сложившихся причин (о которых речь будет ниже) бедняцкий слой казачества был тоньше, чем в крестьянстве, и более крепко скован кулацким влиянием и своеобразными традициями, чем беднота в крестьянских деревнях. Чтобы превратить некогда вольное и свободлюбивое казачество в верных слуг самодержавия, царское правительство предоставило ему ряд льгот и преимуществ, тем самым способствуя экономическому росту казачьих хозяйств.

Оренбургское казачество было очень щедро наделено землей. Эта щедрость царскому правительству ничего не стоила, ибо земля, которой наделялось казачество, была отнята у башкирских и киргизских трудящихся, оттесненных в глубь безводных степей. Наделение земель казаков происходило по числу душ мужского пола. Душевой надел был

установлен в 30 десятин удобной земли, из них 6 десятин лугов, с заменой в случае надобности одной десятины лугов двумя десятинами степи. Фактически же душевые земельные наделы во многих станицах были более крупные. В станице Благословенной душевой земельный надел составлял 32,2 десятины, в Павловской — 34,3, в Мертвецовской 48,3, в пос. Прохладном — 70, в Кваркенской станице — 45, в Таналыкской — 63,6, в Верхнезубочистенской — 95,7 и т. д.

Предоставив казакам такие огромные земельные наделы, царское правительство позаботилось и о будущем своих верных слуг. Каждой станице отводились еще добавочные запасные участки — одна треть всего станичного надела. Эти участки находились в распоряжении войскового начальства, и из них отводилась земля по мере роста населения мужского пола. Помимо этого станицы получали еще по 300 десятин земли на каждую имевшуюся церковь.¹

Таким образом казачество было гарантировано от малоземелья, ибо по мере естественного прироста населения в станицах оно наделялось землей не за счет уменьшения душевых наделов, а за счет запасных фондов. Этим и объясняется то, что через много лет после наделения казаков землей, к началу империалистической войны, средний душевой надел в Оренбургском казачьем войске был все еще очень велик — 27,1 десятины на душу мужского пола,² а в многоземельных степных районах земельные наделы были значительно крупнее. При этом в руках войскового начальства было еще много запасных земель.

¹ С. А. Девяткин, Землепользование Оренбургской губернии, Оренбург 1927, стр. 119.

² Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1913 г. Часть гражданская, Оренбург 1914, стр. 11.

КАЗАКИ И «ИНОГОРОДНИЕ»

Обладая столь крупными земельными наделами и пользуясь различными льготами и преимуществами, зажиточная часть казачества держала в экономической кабале и всячески эксплуатировала бедняцко-середняцкую часть крестьянского населения («иногородних»). А условия для такой эксплуатации в Оренбургском крае были весьма благоприятны.

Обилие земли в Оренбургском крае издавна притягивало сюда переселенцев из малоземельных губерний. Переселенцы оседали главным образом на так называемых офицерских участках. Эти участки раздавались офицерам во время размежевания казачьих земель, а потом были закреплены за ними в потомственную собственность.

В результате этой переселенческой волны среди казачества осело много пришлых крестьян, разместившихся в различных районах как большими сплошными массивами, так и мелкими гнездами. Предоставленное законом право купли не-казачьим сословием домов и других строений в казачьих станицах открыло пути для проникновения в казачьи станицы крестьянского населения. Приобретавшее в станицах оседлость крестьянство имело право пользоваться общим выгоном для домашнего скота наравне с казачьим населением. Однако землей крестьяне не наделялись, а могли лишь арендовать ее у казачьих земельных обществ или у отдельных казаков.

Наряду с этим в пределах Оренбургской губернии имелись также значительные массивы коренного крестьянского населения. Это население являлось потомками тех крестьян, которые еще в XVI веке и позже приходили сюда из внутренних губерний и селились на башкирских землях (так называемые припущенники) или были насильно переселены помещиками, удельным ведомством и пра-

вительством на захваченные башкирские земли. Территория, населенная потомками этих крестьян, получила впоследствии наименование гражданской, в отличие от казачьей.

Таким образом, экономическое положение отдельных групп (казаки, «иностранцы») населения Оренбургского края было чрезвычайно разнородным. Чтобы показать существовавшее глубокое различие экономического положения, с одной стороны, казачьего, а с другой — крестьянского населения, приведем несколько примеров и цифр.

Прежде всего рассмотрим земельное обеспечение этих двух групп населения. К 1905 году в Оренбургской губернии насчитывалось 167 819 дворов (хозяйств, объединенных родственным признаком), из них 94 128 дворов крестьянских и 73 691 казачьих. Резкую разницу в земельном обеспечении каждой из этих групп показывает следующая таблица:

	Казаки	Крестьяне
Число хозяйств в процентах к общему количеству	43,9	56,1
Количество наделенной удобной земли в процентах к общему количеству	71,8	28,2

Эти цифры¹ очень наглядно показывают разницу в земельном обеспечении казачества и крестьянства и в особых разъяснениях не нуждаются. Следует заметить при этом, что в приведенные цифры наличия земли у казаков не вошло 1 095 928 десятин земли, находившейся в общем пользовании казачьего и башкирского населения.

Особенно красноречивы данные о землевладении, если взять средние цифры подворного владения земель. Так, на крестьянский двор в среднем приходилось земли не больше 20 десятин, а на казачий — 67,4, не считая земли общего пользования. По от-

¹ Здесь и дальше цифры о количестве наделенной земли у различных групп населения приводятся по сборнику Центрального статистического комитета: Статистика земледелия 1905 г., вып. 45. Оренбургская губерния, СПб. 1907.

дельным районам эти цифры колеблются. Так, в Оренбургском уезде на казачий двор в среднем приходилось удобной земли 56,8 десятины, а на крестьянский—21,9 десятины, в Орском уезде соответственно 60,2 и 15,5 десятины, в Челябинском—49,6 и 25,6, в Троицком—70,5 и 4,1, а в Верхнеуральском—93,1 и 0,23.

Земля, как известно, была распределена не поровну на каждое хозяйство. В одних хозяйствах земли было больше, в других меньше, в третьих ее совсем не было. Чтобы уяснить, в какой степени обеспечены были землею отдельные слои указанных выше групп населения в Оренбургской губернии, рассмотрим некоторые цифры.

Несмотря на обилие земли в Оренбургской губернии, там, оказывается, уже к 1905 году 9216 крестьянских хозяйств (9,8 процента к общему количеству крестьянских хозяйств) имели наделной удобной земли не более одной десятины на двор. Среди казачьего же населения таких ничтожных наделов не было совсем.

Затем мы возьмем группу, имевшую наделной земли не более 5 десятин на двор (в эту группу включим и те 9216 дворов, которые имели земли не более десятины). Оказывается, что к 1905 году в Оренбургской губернии 11 781 крестьянский двор (12,5 процента) имел не более 5 десятин наделной земли на двор. 5234 двора (5,6 процента) имели земли от 5 до 10 десятин на двор, а всего имевших наделной земли до 10 десятин на двор было в 1905 году 17 015 дворов (18,1 процента), т. е. почти пятая часть крестьянского населения имела земли совершенно недостаточно, если принять во внимание общие условия землепользования в Оренбургской губернии.

Что же касается казачьего населения, там, оказывается, только 766 дворов (1,1 процента) имели наделной земли до 10 десятин на двор. По сравнению с крестьянским населением (17 015 дворов,

или 18,1 процента)—это совершенно мизерная цифра. Теперь рассмотрим более высокую группу по владению надельной землей. Владевших землею от 10 до 20 десятин имелось 15 345 (16,4 процента) крестьянских дворов, а если к этому прибавить первую группу, то выходит 34,5 процента, т. е. более одной трети всех крестьянских дворов имело надельной земли не более 20 десятин на двор.

Перейдем теперь к казачьему населению. Там группа имевших надельной земли от 10 до 20 десятин опять-таки составляет ничтожную кучку—1523 двора, или 2 процента к общему количеству казачьих дворов, а с первой группой общее количество казачьих дворов, владеющих не более 20 десятин на двор, составляет всего лишь 3,1 процента (2289 дворов).

Наиболее многочисленную группу крестьянского населения составляли те крестьянские хозяйства, которые имели надельной земли от 20 до 30 десятин на двор. Таких хозяйств (дворов) имелось 51 302, или 54,4 процента общего количества крестьянских дворов. И наконец, остальные 10 466 дворов (11,1 процента)—наиболее обеспеченные землей—владевшие от 30 десятин на двор и выше.

Но если по крестьянскому населению наибольшее число хозяйств владело от 20 до 30 десятин, то совершенно иную картину представляло казачье население. В казачьем населении только 1173 двора (1,5 процента) владели от 20 до 30 десятин на двор, а владевших от 30 до 40 десятин также незначительное количество — 3715 дворов (5,1 процента). Основная же масса казачьих хозяйств имела надельной земли гораздо больше 40 десятин на двор. Вот цифры:

Казачьих хозяйств, владевших на двор от 40 до 50 десятин, было 10 151 (13,7 процента), но самую большую группу составляли хозяйства, имевшие земли от 50 до 100 десятин на двор. Таких дворов было 50 156, или 68,1 процента к общему количе-

ству всех казачьих дворов. Наконец, еще более мощные хозяйства, владевшие свыше 100 десятин на двор (до 1000 десятин), составляли очень солидную цифру—6257 дворов, или 8,5 процента.

Конечно, в течение 12 лет, прошедших с 1905 года до начала революции, кое-что изменилось. Но в основном картина осталась та же, соотношения в земельном обеспечении между отдельными группами населения остались те же. Более того, за этот промежуток времени процесс обезземеления беднейшего крестьянства шел еще быстрее, а с другой стороны, рос слой кулацких хозяйств. Таким образом к началу революции и гражданской войны противоречия между бедняцкими слоями, с одной стороны, и верхушечными слоями крестьянства и казачества—с другой, еще более обострились.

Разумеется, на основании цифр только о землевладении нельзя делать выводов о мощности хозяйств, о состоянии групп хозяйств,—бедняцких, середняцких и кулацких. Но во всяком случае приведенные цифры весьма красноречиво говорят о наличии, с одной стороны, большого процента малоземельного крестьянского населения, а с другой—весьма сильной группы крупных кулацких хозяйств, в особенности на казачьей территории. Общее обеспечение земель казачьего населения было намного выше обеспечения крестьянского населения.

Повторяем, к началу революции картина землевладения мало изменилась. Попрежнему у казачества было много земли, а у крестьянского населения земли нехватало. К 1917 году среднее обеспечение удобной землей казачьего населения составляло 9,4 десятины на едока, в то время как норма обеспечения земель населения так называемой гражданской территории была в три с лишним раза ниже—всего 2,9 десятины на едока. Но не везде крестьяне имели и эту норму. Вот несколько конкретных примеров:

В Черкасской волости (взяты волости в грани-

цах 1922 года) крестьяне владели в среднем не более 0,7 десятины удобной земли на едока, в то время как казачье население этой волости имело от 4,3 до 7,2 десятины на едока; в Таналыкской волости соответственно от 0,97 до 2,8 и от 12,4 до 42,2 десятины и т. п.

Таковыми же нищенскими по сравнению с казачьими наделами владела большая часть крестьян «гражданской территории», т. е. тех волостей, которые были заселены исключительно крестьянством. Так, в Петровской волости крестьяне имели на едока удобной земли всего лишь 1,3 десятины, в Спаской—1,7, в Александровской—2,5 и т. д., нигде не превышая 3 десятин на едока.¹

БЕДНОТА В КАБАЛЕ У ПОМЕЩИКОВ И КУЛАКОВ

Как мы уже говорили, на казачьей территории Оренбургской губернии проживало не мало «иногороднего» населения. Это население, будучи наименее обеспечено землей, не могло кормиться на тех нищенских наделах, которые оно имело, и вынуждено было арендовать землю у кулацко-зажиточной части казачества. Еще большая зависимость крестьянского населения была в пределах «гражданской территории». Там крестьянство было еще менее обеспечено землей и всецело зависело от помещичьих, банковских, казенных и удельных земель.

Насколько крестьянство «гражданской территории» было закабалено помещиками, банками и пр., показывает следующая справка. К 1917 году наделные крестьянские земли гражданской территории составляли всего лишь 57 процентов общей земельной площади, а остальные 43 процента земли принадлежали помещикам, казне, банкам и пр. Крестьянству совершенно недостаточно было имев-

¹ С. А. Девяткин, Землепользование Оренбургской губернии, стр. 121 и 122.

шейся надельной земли, и оно арендовало ее у помещиков, банков и казны. Удельный вес арендуемой земли по отношению к надельной местами доходил до 91 процента.¹

Сказанное здесь не означает, конечно, что все крестьянство, с одной стороны, и все казачество — с другой, были однородны по своему экономическому уровню. Как крестьянство, так и казачество заключали в себе три группы: бедняцкую, середняцкую и кулацкую. Разница была лишь в том, что, во-первых, общий экономический уровень казачьего населения был выше по сравнению с крестьянством, а во-вторых, кулацко-зажиточная группа казачьего населения была гораздо больше, чем эта же группа крестьянского населения. А численность группы бедняцких хозяйств крестьянского населения намного превышала такую же группу казачьего населения.

Однако было бы большой ошибкой предполагать на основании одних только цифр о землепользовании, что процент бедноты среди казачьего населения был совершенно ничтожным. Это не так. Правда, количество бедноты среди казачьего населения было, несомненно, гораздо меньше, чем среди инородного крестьянства или, скажем, среди крестьянства смежной губернии — Самарской. Но все же и среди казачества бедноты было гораздо больше, чем это может показаться на первый взгляд.

В нашем распоряжении имеются цифры о рабочем скоте и посевах, которые дают некоторое представление о количестве бедноты в казачьем населении. Цифры эти относятся к 1902 году, но это сущности не меняет, ибо соотношение групп хозяйств по экономическому уровню, несомненно, мало изменилось или совсем не изменилось и к 1917 году, тем более, что к этому времени на казачье хозяйство оказала свое влияние мировая война.

Общее количество казаков-домохозяев в 1902 го-

¹ С. А. Девяткин, Землепользование Оренбургской губернии, стр. 116, 117 и 127.

ду было 65 971. Из этого количества 23 процента хозяйств, как отмечал войсковой агроном, не имели рабочего скота «для вполне самостоятельной обработки посевной площади», совершенно не имели рабочего скота 8 процентов. Часть хозяйств первой категории пользовалась для обработки посевов наемным рабочим скотом, а другая, менее значительная часть, вместе с безлошадными составляла третью категорию хозяйств: не имеющих собственной запашки. Таких хозяйств было 11 процентов.¹

Если эти цифры взять по отделам (казачье население было разделено на три отдела — нечто вроде уездов), то получается такая картина:

О т д е л ы	Хозяйств, не имеющих достаточно рабочего скота для обработки посева	Безлошадных хозяйств	Хозяйств, не имеющих собственной запашки
в п р о ц е н т а х			
1. Оренбургский	28,6	10,03	13,26
2. Верхнеуральский.	25,7	7,80	11,90
3. Троицкий	17,4	7,80	10,60
В среднем по всем отделам	23,0	8,00	11,00

Из приведенных цифр видно, что 8 процентов казачьих хозяйств в 1902 году не имели лошадей, а 11 процентов совершенно не имели запашки. Делать отсюда вывод, что именно эти 8 или 11 процентов казачьих хозяйств являлись бедняцкими, — рискованно. У нас нет бесспорных данных, чтобы сделать такое заключение. Однако мы можем смело утверждать, что значительная часть из этих 8 процентов безлошадных казачьих хозяйств была именно бедняцкая. Дело в том, что по казачьим тради-

Отчет войскового агронома по объезду земель Оренбургского казачьего войска летом 1902 г. Оренбург 1903, стр. 21.

циям каждый казак должен иметь своего строевого коня. «Казак без коня,— говорит пословица,— что солдат без ружья», «казак голоден, а конь его сыт». Следовательно, большая часть из приведенных выше 8 процентов безлошадных была по-настоящему голодна, если не смогла завести даже коня. Помимо этого соображения наш вывод подтверждается и тем, что войсковой агроном приводит эти цифры как отрицательное явление.

Но и этими цифрами количество бедноты не ограничивается. Количество хозяйств, не имевших посева, составляло 11 процентов, при этом туда входили и 8 процентов безлошадных. Не приходится сомневаться, что часть, пожалуй, даже большая часть тех хозяйств, которые хотя и имели рабочий скот, но не имели посева ($11 - 8 = 3$ процента), также, вероятно, состояла из бедноты.

Таким образом и в среде самого казачьего населения в 1902 году были определенные слои бедноты, хотя и значительно меньше, чем в крестьянском населении. Однако к началу революции и гражданской войны количество бедноты среди казачества, несомненно, выросло. Годы империалистической войны естественно должны были отразиться на маломощном хозяйстве, оставленном на попечение женщин, и классовое расслоение за эти годы шло ускоренным темпом. Наряду с этим как на казачьей, так и на гражданской территории было значительное количество совершенно безземельных крестьян, батрачивших на помещиков и кулаков. После гражданской войны, когда началось наделение земель безземельного крестьянства, таких хозяйств оказалось в губернии около 9 тысяч.

ОБСТАНОВКА К НАЧАЛУ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Таким образом к моменту Октябрьской революции в Оренбургской губернии имелась весьма сложная обстановка, переплетение разнородных интере-

сов различных групп населения, вытекавших из экономического положения этих групп.

Наличие мощного слоя кулацко-зажиточного населения, особенно на казачьей территории, с одной стороны, многочисленных групп безземельного и малоземельного бедняцкого населения на казачьей территории и в особенности на гражданской — с другой, и наконец, наличие значительного батрацкого пролетариата (еще по переписи 1897 года в губернии числилось 11 445 хозяйств, имеющих по одному батраку, 3423 хозяйства — по 2 и 3 батрака и 527 хозяйств, имевших от 4 до 10 батраков) чрезвычайно обострило классовые противоречия. Октябрьская революция, отнимавшая у многоземельной эксплуататорской части населения (в особенности казачьего) главный рычаг эксплуатации — землю — и наделявшая за счет земель нетрудового пользования безземельное и малоземельное бедняцко-средняцкое крестьянство, естественно встретила резко враждебное отношение со стороны кулацко-зажиточного казачества.

Эти слои казачества представили благодарный материал для контрреволюции, возглавляемой атаманом казачьего войска А. И. Дутовым.

То обстоятельство, что опорой для контрреволюции представляли зажиточные слои казачества, т. е. военного сословия, значительно облегчало задачу руководителей контрреволюции, в особенности на первых порах, когда советская власть еще не вполне окрепла. Это же обстоятельство усложняло и затягивало борьбу с контрреволюцией, ибо последняя имела в своем распоряжении значительные кадры хорошо обученного военного искусству войска.

С другой стороны, батрацкие и бедняцкие слои, видевшие в Октябрьской революции единственный путь избавления от помещичьей и кулацкой эксплуатации, активно поддерживали советскую власть. Сначала, когда гражданская война еще не разверну-

лась в широком масштабе, когда Дутов с помощью эсеров и меньшевиков захватил в Оренбурге власть и начал сколачивать силы контрреволюции, — революционная активность батрацко-бедняцких слоев крестьянства и их ненависть к старому проявлялась нередко в форме захвата помещичьих имений. При этом беднота не останавливалась и перед захватом лесных участков казачьего войска. Уже в половине ноября 1917 года газеты сообщали о многочисленных фактах самовольной порубки войскового и помещичьего леса крестьянами. Одновременно с этим крестьяне тех районов, где были помещичьи имения, осуществляли революционный захват этих имений. Так, в начале декабря крестьяне села Сухомлиново, Никольской волости, захватили имения бр. Деевых, Соколова и др. Характерно при этом, что имущество не было растащено. Крестьяне сами поставили охрану и выбрали специальных уполномоченных для описи имущества.¹

По мере развития и обострения гражданской войны еще более обострялись классовые противоречия в деревне между кулацкими и батрацко-бедняцкими элементами. Все контрреволюционное, антисоветское, кулацкое направлялось к Дутову, являясь опорой и базой контрреволюции. Все революционное — батраки и беднота, подвергавшиеся жестокой эксплуатации, — устремлялось в красные отряды, боровшиеся против контрреволюции.

Эта ожесточенная и длительная гражданская война окончилась победой революции, победой пролетариата и трудящегося крестьянства, боровшихся под руководством коммунистической партии.

¹ «Южный Урал». № 70, 8 (21). XII. 1917.

ПЕРВЫЙ ЭТАП ДУТОВЩИНЫ

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ВОЙСКОВОЙ КРУГ

До августа 1917 года в Оренбурге существовала одна объединенная организация РСДРП, куда входили и большевики и меньшевики.

Острые разногласия между большевиками и меньшевиками возникли весьма поздно, в апреле—мае 1917 года.

Причины столь долгого мирного сожительства большевиков и меньшевиков надо искать в самом составе объединенной организации, т. е. в составе тех слоев населения, откуда вербовались члены организации. Оренбург не обладал крупной промышленностью. Следовательно, там не было и сколько-нибудь значительных кадров настоящего фабрично-заводского пролетариата, прошедшего длительную школу классовой борьбы. За исключением рабочих железнодорожных мастерских и еще одного-двух предприятий, пролетариат Оренбурга был распылен в мелких кустарных мастерских, причем многие рабочие этих мастерских являлись недавними выходцами из деревни.

Кадры объединенной партийной организации вербовались из этих слоев. Но и таких рабочих в объединенной организации было мало. Ее основной костяк состоял из интеллигенции и мещанского элемента. Не случайно поэтому, что меньшевики имели в организации численный перевес, а наличие в их руках печатного органа организации давало им большие преимущества.

Только в августе 1917 года произошло окончательное размежевание большевистской и меньшевистской организации. К меньшевикам ушли непролетарские элементы — служащие и мещане. В большевистской организации осталось около 60 человек, но это были подлинные пролетарии, подлинные большевики. Эта группа немедленно начала борьбу за пролетарские массы, за крепкую организацию.

Боевая работа немногочисленной, но твердой, дисциплинированной и крепко связанной с пролетарскими массами большевистской организации вскоре дала значительные результаты. Рабочие оренбургских предприятий и солдаты местного гарнизона очень скоро поняли разницу между меньшевиками и большевиками. Авторитет меньшевиков в массах начинает быстро падать. Наоборот, большевики охватывают своим влиянием все более широкие слои рабочих и солдат.

Но контрреволюция, возглавляемая кучкой высшего черносотенного офицерства Оренбургского казачьего войска, тоже не дремала. Учитывая все растущую революционную активность трудящихся, возглавляемую большевиками, казачья офицерская верхушка решает противопоставить ей активность контрреволюции. С целью создания для этого соответствующего центра в октябре созывается чрезвычайный войсковой круг (закрылся 16 октября 1917 года). Составленный исключительно из офицеров и кулацких элементов казачества, войсковой круг быстро показал себя защитником самой оголтелой контрреволюции. С первого же заседания круг запретил

слово «товарищ» в обращении казаков между собой. При обсуждении текущего момента круг проявил резко отрицательное отношение к существовавшим тогда в войсках солдатским и казачьим комитетам.

При обсуждении вопроса о контрреволюционной авантюре генералов Корнилова и Каледина чрезвычайный круг всецело стал на сторону этих черносотенных генералов. В специальной резолюции по этому вопросу круг заявляет:

«Если над генералом Корниловым как верховным главнокомандующим будет суд, то требовать суда верховного и гласного, с участием присяжных заседателей, а не военно-революционного.

Все сведения и сообщения Временного правительства о генерале Каледине как о мятежнике круг считает неправильными и неимеющими никаких оснований; (круг) выражает уверенность, что впредь подобных ошибок и выпадов против казачества Временное правительство не допустит».

Угрозой звучит заключительная фраза резолюции: «Оскорбление Дона (Каледина) круг считает оскорблением всего казачества».¹

Круг целиком одобрил планы полковника Дутова по сколачиванию сил контрреволюции, вручил ему атаманскую булаву — знак власти — и организовал войсковое правительство во главе с тем же Дутовым. В состав войскового правительства были избраны следующие лица:

Войсковой атаман — он же глава правительства — полковник Дутов, до этого войсковой старшина и председатель совета союза казачьих войск.

Помощник войскового атамана — полковник Половников, до этого начальник штаба Оренбургского казачьего войска.

Начальник штаба войска — Сычев В. А., войсковой старшина, начальник штаба 1-й Туркестанской казачьей дивизии.

¹ «Южный Урал» № 15, 10 (23) X. 1917. Слова в скобках мои. — Автор.

Члены войскового правительства: Шангин, Рудаков, Выдрин, Копытин, Репников, Богданов и войсковой секретарь Завалишин.

С первых же дней Дутов и его правительство начали готовить контрреволюционные силы для борьбы с революцией.

Эсеры, меньшевики, кадеты и прочие контрреволюционные группы образовали вместе с атаманом Дутовым единый фронт против большевиков. Этот союз понадобился соглашателям потому, что к этому времени пролетарская масса окончательно отошла от них, прочно примкнув к большевикам.

Таким образом накануне Октябрьской революции пролетарские массы Оренбурга и значительная часть солдатского гарнизона всецело шли за большевиками. Однако как раз наиболее революционная часть гарнизона Дутовым была заранее под различными предлогами разоружена. В то же время Дутов лихорадочно стягивал в Оренбург наиболее контрреволюционно настроенные тыловые казачьи части, состоящие из пожилых казаков, большей частью из зажиточных слоев казачества.

КОМИТЕТ СПАСЕНИЯ... ОТ РЕВОЛЮЦИИ

Как только в Оренбурге было получено сообщение о происшедшем в центре перевороте и взятии власти большевиками, местные представители Временного правительства (губернский комиссар Архангельский и др.) совместно с Дутовым и представителями эсеров-меньшевистских «общественно-демократических организаций» ввели военное положение с целью не допустить захвата власти большевиками.

С введением военного положения власть фактически была сосредоточена в руках войскового атамана Дутова.

Через некоторое время после введения военного положения, по инициативе меньшевиков и эсеров,

при городской думе состоялось совещание «общественных деятелей». Это совещание решило создать при городском и земском самоуправлении «комитет спасения родины и революции». В этот комитет вошли эсеры, меньшевики, народные социалисты, кадеты и представители других контрреволюционных групп. Во главе комитета встал правый эсер Барановский.

Инициаторы создания комитета следующим образом формулировали его задачи: «объединить вокруг себя все слои населения и все общественные организации для самозащиты и борьбы с насилием и погромами, с какой бы стороны они ни были».¹

В действительности комитет с первого же дня стал орудием в руках черносотенной военщины, которой нужна была «социалистическая» вывеска для прикрытия своей контрреволюционной сущности.

Сделавшись полновластным диктатором, Дутов в первую очередь стал принимать меры к тому, чтобы не допустить захвата власти большевиками как в самом Оренбурге, так и в соседних городах. Получив сообщение, что в Челябинске большевики готовятся к захвату власти, Дутов послал туда сотню казаков и приказал мобилизовать станицы Челябинского уезда.

Но у Дутова были более обширные планы, чем удержание власти только в пределах Оренбургской губернии. Не успев стать диктатором, он уже мечтает о более широких завоеваниях. Для борьбы с саратовскими большевиками он посылает в Саратов целую казачью дивизию и с целью координации действий непрерывно держит связь с атаманом Уральского казачьего войска.

Оренбургская буржуазия, выдвинувшая Дутова в качестве защитника своих классовых интересов от пролетарской революции, оказывала ему существенную материальную помощь. Уже в первые дни буржуазия собрала по подписке более двух миллио-

¹ «Южный Урал» № 49, 19 (23). XI. 1917.

нов рублей и организовала сбор вещей для обмундирования формируемой армии.

Одновременно Дутов продолжал стягивать в Оренбург верные ему казачьи части, юнкеров и офицерство.

Для того чтобы легче было разгромить революционных рабочих, идущих за большевиками. Дутов закрывает большевистскую газету «Пролетарий» и арестовывает одного из виднейших руководителей большевистской организации, редактора «Пролетария» т. А. Коростелева. Но Дутов все еще чувствовал себя не вполне уверенно и под напором революционных масс вынужден был освободить т. Коростелева.

Большевики не сложили оружия и продолжали вести энергичную работу в солдатских и пролетарских массах. Но в некоторых выборных органах пролетариата и солдат, избранных ранее, все еще преобладали эсеро-меньшевистские элементы. Чтобы выбить соглашателей из этих органов, большевистская организация повела кампанию за пере выборы ротных и полковых комитетов, а также Совета солдатских депутатов оренбургского гарнизона.

Эта кампания проходила всецело под большевистскими лозунгами и увенчалась полным успехом. Ротные и полковые комитеты, а также солдатский Совет во второй половине ноября были переизбраны, причем во всех этих органах абсолютное большинство получили большевистские элементы. Оказавшись в меньшинстве, эсеры и меньшевики покинули Совет солдатских депутатов.

Видя все растущие симпатии пролетарских и солдатских масс к большевикам, Дутов и его комитет решают одним ударом покончить с «большевистской опасностью». В ночь с 19 на 20 ноября¹ по приказу комитета спасения были арестованы шестеро наиболее видных большевиков: А. Коростелев, С. Кичигин, И. Лобов, И. Д. Мартынов, М. М. Макарова и

¹ Здесь и далее даты по новому стилю.

В. И. Мискинов. Извещая население об аресте большевиков, комитет спасения выдвинул следующие мотивы этого ареста:

«1. Устные призывы перечисленных лиц к восстанию против Временного правительства. 2. Распространение ими же соответственных воззваний в среде местного гарнизона и рабочих. 3. Обнаружение вагона с ручными гранатами, прибывшего на станцию Оренбург из Казани без указания получателя. 4. Сведения о движении эшелонов большевистских войск из Ташкента на Оренбург. 5. Заявление, сделанное губернскому комиссару прибывшим из Петрограда большевиком Цвиллингом о том, что он командирован для организации новой власти и что боевые действия большевики считают открытыми».¹

Арестованных большевиков Дутов отправил в наиболее реакционные станицы, надеясь, что кулацкая казачья масса самосудом покончит с большевистскими вожаками. Вместе с этим по распоряжению Дутова клуб большевиков был закрыт, а во избежание могущих быть митингов в цирке у дверей его был поставлен военный караул. Однако при наличии революционно настроенного солдатского гарнизона Дутов не мог себя чувствовать совершенно спокойно.

Учитывая это, Дутов решил под предлогом роспуска солдатского гарнизона по домам разоружить и таким образом «обезвредить» наиболее революционные воинские части. Еще 20 ноября газеты сообщили о предстоящем роспуске солдат 1899—1900 годов, а в конце ноября комитет спасения постановил распустить всех солдат местного гарнизона до 1905 года призыва включительно. Еще раньше, как мы говорили уже, Дутов постепенно распускал гарнизон и под предлогом роспуска разоружал большевистски настроенные части.

«Операция разоружения гарнизона, — сообщает в своих воспоминаниях А. Коростелев, — позволила

¹ «Южный Урал» № 49, 10 (23). XI. 1917.

Дутову и его союзникам, меньшевикам и эсерам, подготовиться к борьбе с растущим большевистским движением. Противостоять роспуску революционизирующегося гарнизона у нас не было никакой возможности. Удержать солдатскую массу в казармах в то время, как она рвалась в деревню, было невысказано. Да если бы и была с нашей стороны сделана такая попытка, то она легко могла бы быть использована против нас Дутовым... Естественно, что при этой обстановке нашей задачей являлось дальнейшее разложение боеспособной силы дутовского гарнизона и распропагандирование солдат».¹

Большевистская работа в массах давала свои плоды. Насколько большевики уже в тот момент пользовались симпатиями пролетарских и солдатских масс, показывает следующий характерный эпизод: 23 ноября на базаре за противобольшевистскую агитацию солдаты арестовали сотрудника газеты «Оренбургский край» и доставили его в Совет солдатских депутатов.²

Однако роспуск солдат по домам и в то же время стягивание в Оренбург казачьих частей сделали свое дело. Солдатский гарнизон, служивший опорой большевиков, быстро растаял. Вооруженные же силы контрреволюции значительно усилились. Но это, разумеется, не остановило борьбы большевиков, за которыми стояли пролетарские массы Оренбурга. Арест большевиков вызвал сильнейшее недовольство рабочих, справедливо увидевших в этом акте усиление похода контрреволюции против рабочего класса. На другой день после ареста в комитет спасения явилась делегация от Совета рабочих депутатов и профорганизаций с требованием освобождения арестованных. Дутовцы ответили отказом. Тогда Совет рабочих депутатов и большевистский комитет решили призвать рабочих к всеобщей забастовке.

¹ Сб. «Пролетарская революция в г. Оренбурге», Оренбург 1927, стр. 53.

² «Южный Урал» № 50, 11 (24) XI. 1917.

Рабочие единодушно поддержали решение Совета о политической забастовке, с целью борьбы с дутовщиной. Первыми начали бастовать рабочие главных мастерских Ташкентской железной дороги и депо. К ним присоединились рабочие мастерских Орской железной дороги, кожевники и ряд других предприятий.

Созданный центральный стачечный комитет вместе с Советом рабочих депутатов обратились к трудящимся Оренбурга со специальной декларацией о целях и задачах забастовки. В этой декларации Совет рабочих депутатов и центральный стачечный комитет так объясняли причину забастовки:

ПОЧЕМУ МЫ БАСТУЕМ?

Граждане! Образовавшийся в городе Оренбурге комитет с атаманом Дутовым захватил в свои руки власть в городе Оренбурге, мобилизовал и вооружил казаков, сеет темные слухи о погроме в городе и волнует население, с ужасом ждущее следующего дня. В ночь на 7 (20) ноября по приказу атамана Дутова арестованы председатель Совета рабочих депутатов А. Коростелев и члены исполнительного комитета Мартынов, Макарова, Кичигин и другие. Арестованы они только за то, что разоблачили открыто перед всем народом контрреволюционные действия Дутова и всей его шайки. У рабочих нет гарантии, что аресты не будут продолжаться и что не будут приняты дальнейшие меры к насилию над Советом и рабочей партией. Мы использовали все пути к мирному разрешению конфликта. На наше требование освободить товарищей Дутов ответил, что аресты будут еще продолжаться. Мы не можем допустить, чтобы над нашими товарищами учинялось насилие, и поэтому Совет рабочих депутатов на общем собрании 9 (22) сего ноября постановил объявить в городе Оренбурге всеобщую забастовку рабочих, призвать всех рабочих не выходить на работу до тех пор, пока наши товарищи не будут освобождены... В последствиях забастовки повинны не мы, а насильники Дутовы, Архангельские и Барановские. Пусть они несут всю ответственность, если город окажется в критическом положении. Мы требуем освобождения арестованных товарищей. Призываем всех рабочих города Оренбурга ради общего рабочего дела присоединиться немедленно к забастовке. Пусть замрет вся городская жизнь и пусть дутовская шайка насильников убедится в силе и организованности рабочего класса.

Все рабочие, бросайте работу и посылайте своих представителей в центральный стачечный комитет (Караван-сарай).

Оренбургский совет рабочих депутатов.
Центральный стачечный комитет.

Вполне понятно, что Дутов и его подручные предприняли ряд мер, чтобы подавить это мощное выступление пролетариата. Уже 24 ноября губернский продовольственный комитет объявил о прекращении выдачи хлеба бастующим железнодорожникам, а 28 ноября в газетах было опубликовано решение комитета спасения, который, «признавая возникшую ныне забастовку протеста против ареста большевиков преступной и недопустимой», предложил администрации бастующих предприятий ни в коем случае не платить рабочим за время забастовки.

Но эти попытки сломить революционное выступление рабочих и взять их измором не увенчались успехом. Рабочие продолжали бастовать, и расчеты дутовского комитета спасения не оправдались. Арест большевиков, являвшихся руководителями и вождями оренбургского пролетариата, не только не внес в среду рабочих «успокоения», на что надеялся Дутов, а наоборот, вызвал небывалую революционную активность и привел к всеобщей политической забастовке. Арест еще более сплотил вокруг большевиков пролетарские массы и окончательно разоблачил в глазах рабочих предательскую роль меньшевиков и эсеров.

СОЗДАНИЕ РЕВКОМА И ЕГО РАЗГРОМ

Для руководства борьбой против оренбургской контрреволюции Совнарком командировал П. А. Кобозева. 24 ноября 1917 года т. Кобозев тайно приехал в Оренбург. На совещании большевистского комитета с активом т. Кобозев информировал местных большевиков о мерах, предпринимаемых для ликвидации дутовщины.

Оренбургские большевики в свою очередь информировали т. Кобозева о положении в Оренбурге. Выяснилось, что Дутов располагал следующими силами, готовыми к вооруженной борьбе против пролетарской революции: юнкерское училище, школа прапорщиков, старшие классы двух кадетских корпусов, ударный батальон Керенского, два запасных казачьих полка, легкая батарея, смешанный полк в 4 тысячи штыков.¹

В общем у Дутова насчитывалось примерно 6—7 тысяч хорошо вооруженного войска. Кроме того он продолжал стягивать казаков из станиц. Тем не менее оренбургские большевики, по предложению т. Кобозева, решили организовать военно-революционный комитет, который должен был заняться практической подготовкой и руководством вооруженного восстания против дутовщины для захвата власти.

В эту же ночь, т. е. с 24 на 25 ноября, Кобозев покинул Оренбург и выехал в Самару. На другой день председатель комитета спасения Барановский дал распоряжение об аресте т. Кобозева. Но было уже поздно. Кобозев в это время договаривался с самарским ревкомом о посылке вооруженных сил для борьбы с дутовщиной.

27 ноября в Оренбурге было созвано собрание Совета рабочих депутатов совместно с представителями оставшихся еще некоторых частей гарнизона и представителями от предприятий. На собрание явились лидеры меньшевиков, эсеров и офицерство с целью сорвать создание военно-революционного комитета. Собрание открыл С. М. Цвиллинг и он же сделал доклад о текущем моменте. Обрисовав положение в Оренбурге, т. Цвиллинг выдвинул вопрос о создании военно-революционного комитета, который должен предъявить ультиматум комитету спасения о передаче власти и аресте Дутова.

¹ А. Закурдаев, Борьба за власть в Оренбурге, рукопись, архив Истпарта.

Вполне понятно, что это предложение было встречено эсерами и меньшевиками в штыки. Они всячески старались сорвать создание ревкома, прибегая для этого к демагогии и грязной клевете на большевиков и Октябрьскую революцию и, наконец, к запугиванию и угрозам. Однако соглашатели не имели успеха. Абсолютным большинством собрание постановило немедленно создать ревком. В знак протеста меньшевики, эсеры и другие представители контрреволюции демонстративно покинули собрание. Оставшееся большинство приступило к выборам ревкома. Решено было ввести в него трех человек от рабочих и трех от военных. От рабочих избрали тт. С. М. Цвиллинга, А. М. Бурчак-Абрамовича, П. М. Челышева; от военных в ревком вошли тт. А. Я. Закурдаев, Попов и Гаврилов. Председателем ревкома избрали т. Цвиллинга.

Сразу же после выборов военно-революционный комитет открыл свое первое и единственное заседание. Обсудив текущий момент, ревком признал наиболее целесообразным осуществить захват власти с помощью оставшихся революционных частей местного гарнизона. Ревком выработал следующий приказ по гарнизону:

ПРИКАЗ ПО ОРЕНБУРГСКОМУ ГАРНИЗОНУ

№ 1

14 (27) сего ноября по постановлению общих собраний Совета солдатских и рабочих депутатов, полковых, ротных и командных комитетов образован в городе Оренбурге военно-революционный комитет с передачей ему всей власти в городе и гарнизоне.

1. Исполнять только те приказы военного начальства, которые будут утверждены военно-революционным комитетом.

2. Выбрать в каждой роте и команде 15 ноября по одному надежному человеку для связи с военно-революционным комитетом и всем выбранным явиться в военно-революционный комитет (Караван-сарай) к 7 часам вечера 15 ноября для получения инструкций.

3. Назначить к начальнику гарнизона товарища вольноопределяющегося Попова.

Исполнению подлежат только те приказы по гарнизону, под которыми имеется подпись комиссара Попова.

Председатель военно-революционного комитета, мл. унтер-офицер Цвиллинг:

Товарищ председателя, вольноопределяющийся Попов.
Секретарь Абрамович.

Однако этот приказ не увидел света. Контрреволюция теперь почувствовала себя достаточно сильной и решила разделаться с ревкомом и с большевиками. Не успел вновь избранный ревком закончить первое свое заседание, как здание каравансарая, где происходило собрание, было окружено юнкерами и казаками с пулеметами.

Ворвавшись в здание, дутовцы арестовали весь состав вновь избранного ревкома и многих из числа присутствовавших на собрании, но еще не ушедших домой,— всего более 100 человек. Окружив арестованных густой цепью юнкерского и казачьего конвоя, их повели в комитет спасения, подвергнув дорогой зверским избиениям и издевательствам.

Тов. Цвиллинг и еще несколько человек были отправлены в казачьи станицы, часть арестованных выпустили, а около 25 человек были заключены в тюрьму. С теми, которые были арестованы ранее, в руках дутовщины оказалось свыше 30 человек — вся руководящая и наиболее видная часть оренбургской организации большевиков.

Этот разгром большевистской организации и военно-революционного комитета контрреволюционный комитет спасения мотивировал таким образом:

«14 (27) ноября с. г. собрание Совета солдатских депутатов совместно с полковыми, ротными и командными комитетами в составе приблизительно одной пятой всего количества членов упомянутых организаций имело суждение о создавшемся в городе положении. Вопреки мнению исполнительного комитета и президиума Совета солдатских депутатов, собрание... постановило предъявить местным правительственным органам и комитету спасения ро-

дины и революции ряд требований, в том числе требование демобилизации казачьих частей и передачи власти Советам рабочих и солдатских депутатов.

Осведомившись об этих требованиях, комитет спасения родины и революции постановил пресечь вкоре попытку большевиков зажечь братоубийственную войну на территории города».¹

Такими методами эсеро-меньшевистский комитет спасения, находившийся в услужении у Дутова, «пресекал» революционную активность пролетариата и солдат. Весьма яркая иллюстрация к демагогии меньшевиков и эсеров о «чистой демократии» и прочих атрибутах соглашательства!

РАБОЧИЙ ОТВЕТ ДУТОВЩИНЕ

Арест большевиков сильно ослабил партийную организацию. В городе осталась небольшая группа большевиков, состоящая главным образом из рабочих железнодорожных мастерских и депо. Все же оставшиеся большевики не опускали рук. Вновь был создан комитет, и на место арестованных вставали новые товарищи.

Стачечный комитет последний раз предъявил Дутову требование об освобождении арестованных большевиков. Но Дутов, окрыленный первыми успехами, цинично ответил, что часть большевиков он выпустит из тюрьмы, но без голов.

Стало совершенно ясно, что предъявлением требований, не подкрепленных реальной силой, добиться ничего не удастся. При сложившейся обстановке в Оренбурге в руках рабочих оставалось одно средство борьбы с дутовщиной — всеобщая стачка. К этому средству и решено было прибегнуть.

Многие предприятия, в том числе и железнодорожные мастерские, бастовали с момента ареста первой группы большевиков. Однако забастовку вели

¹ «Южный Урал» № 54, 16 (29). XI. 1917.

не все предприятия. В частности на железной дороге некоторые группы рабочих, как например машинисты, продолжали работать.

Большевики поставили вопрос в стачечном комитете о снятии с работы всех рабочих предприятий города и железной дороги. Это предложение было единодушно принято. Работавшие предприятия одно за другим останавливались. Город замирал...

Бастующие рабочие предъявляли Дутову и его своре, помимо требования об освобождении большевиков, еще требования о роспуске казачьих частей, о снятии казачьей охраны в городе и на линии железной дороги. Таким образом рабочие предъявляли те же требования, какие были выработаны арестованным военно-революционным комитетом.

Это мощное выступление рабочих нанесло дутовщине серьезный удар. Особо чувствительно сказывалась забастовка на железной дороге. Несмотря на то, что дутовские офицеры часто насильно, под угрозой нагана, сажали машинистов на паровоз, все же движение было парализовано, паровозы один за другим выходили из строя, а чинить их было некому.

Дутовцы широко применяли метод угроз и запугивания, чтобы заставить рабочих выйти на работу. Газеты были полны всяких клеветнических выпадов против рабочих и угроз по их адресу. То же самое, разумеется, делала и администрация дороги. Начальник Ташкентской дороги в специальном обращении к оренбургским железнодорожникам грозил: «...уклоняющиеся от работы будут увольняться и предаваться суду. Списки уклоняющихся составляются, и мера эта будет проведена в самые ближайшие дни».

Но и такие угрозы не помогли. Рабочие продолжали бастовать. Движение на железной дороге было парализовано. Комитет спасения решил тогда пригласить штрейкбрехеров и в воззвании обратился к населению города с мольбой: «Граждане города

Оренбурга! Все, кто знает слесарное ремесло, кто умеет исполнять обязанности паровозных машинистов, кочегаров,— все идите на помощь железной дороге».

Но и на этот призыв «граждане» не откликнулись, и «на помощь железной дороге» никто не явился.

В самом городе почти ни одно предприятие не работало.

Авторитет власти комитета спасения и Дутова был подорван даже в глазах обывателя. Попытки дутовцев хватать рабочих с квартир и силой заставлять работать окончательно провалились. Рабочие героически держали подлинный единый фронт против контрреволюции.

Убедившись в безрезультатности попыток насильно заставить рабочих работать, Дутов выпустил для уговоров забастовщиков своих верных помощников — меньшевистских и эсеровских вожаков. Эти последние шлялись по предприятиям, по рабочим квартирам, собирали специальные собрания бастующих. Они распространяли всякие провокационные слухи и сплетни, чтобы воздействовать на рабочих и заставить их склониться перед Дутовым. Но все эти старания меньшевиков оказались тщетными, рабочие были непоколебимы.

Наконец, исчерпав все средства, Дутов послал в станицу Сакмарскую к находившимся там в заключении большевикам (А. Коростелев и др.) парламентаря. Дутов предлагал «мир». Условия его были таковы: большевики должны прекратить борьбу против контрреволюции и объявить стачку законченной, взамен чего арестованным обещано «помилование». Знаменательно, что в качестве дутовского парламентаря приезжал один из меньшевистских лидеров. Большевики, разумеется, посмеялись над этим предложением, и меньшевистский курьер уехал ни с чем.¹

¹ Сб. «Пролетарская революция в г. Оренбурге», стр. 56;

Героическая борьба рабочих продолжалась около трех месяцев, до тех пор, пока Дутов не бежал из Оренбурга. Несмотря на то, что забастовщики получили некоторую материальную помощь от рабочих Самары, Челябинска, Бузулука и других городов, все же они переносили невероятные лишения и нужду. Однако рабочие стойко продолжали начатую борьбу, учитывая величайшее политическое значение своего выступления и зная, что бороться с контрреволюцией можно лишь общими силами.

Забастовка не была прекращена и после побега из тюрьмы всех арестованных большевиков. Как известно, формальным поводом к всеобщей забастовке послужили аресты большевиков и забастовка началась с требования рабочих об их освобождении. Поэтому меньшевики и эсеры решили использовать побег большевиков из тюрьмы и начали новую демагогическую кампанию за прекращение забастовки.

— Раз забастовка вызвана, — говорили меньшевистские вожаки, — требованием об освобождении арестованных, то в связи с их побегом этот мотив теперь отпадает. Во имя чего же бастовать дальше?

Меньшевики, понятно, прекрасно понимали, во имя чего объявлена забастовка. Они прикидывались столь наивными для того, чтобы легче обмануть рабочих и заставить их смириться перед Дутовым.

Однако демагогия меньшевиков была быстро разоблачена большевиками. Рабочие не прекратили забастовки и решили вести ее до полной победы над дутовщиной и установления советской власти. На третьем делегатском съезде рабочих Ташкентской железной дороги, собравшемся в Оренбурге, но демонстративно покинувшем его и перенесшем свои работы в Бузулук, т. е. на советскую территорию, эсеровская и меньшевистская фракции также пыта-

лись поставить вопрос о прекращении забастовки на железной дороге. Однако съезд дал этой предательской попытке жестокий отпор. В своем постановлении, принятом 29 декабря 1917 года, съезд заявил:

«Всеобщая забастовка рабочих и служащих в г. Оренбурге и на линии Ташкентской и Орской железных дорог, кроме требования освобождения арестованных шайкой атамана Дутова товарищей, теперь, после освобождения арестованных их собственными усилиями, не теряет своего первоначального смысла и значения. Контрреволюционное движение в Оренбургской губернии еще не подавлено. Дутов с его приспешниками продолжает мерами насилия, лжи и клеветы держать в плену население Оренбурга. Однако его собственные насилия над рабочими и солдатами вносят разложение в среду самих мобилизованных казаков. Под влиянием всеобщей забастовки и дутовских насилий казачество не только колеблется, оно уже отвертывается от своих контрреволюционных вождей, и с каждым днем в нем растет стремление к соединению с революционными рабочими и солдатами. При таких условиях ликвидация забастовки в настоящий момент сыграла бы на руку контрреволюции, она ввергла бы широкие рабочие массы в отчаяние, способное отрывать рабочих от революционной борьбы за окончательное торжество задач революции. Такая ликвидация была бы преступлением перед революцией и интересами рабочего класса. Поэтому третий делегатский съезд Ташкентской железной дороги, учитывая то обстоятельство, что против захватной власти дутовской шайки уже мобилизованы вооруженные силы революционных войск и пролетариата, что силы эти немедленно будут двинуты для беспощадного подавления контрреволюционного мятежа,—призывает всех бастующих рабочих, мастеровых и служащих продолжать забастовку до окончательной победы над врагами рабочего класса.

Делегатский съезд зовет всех пролетариев Ташкентской дороги твердо стоять на революционных аванпостах, крепче сплотиться под красными знаменами революции, объединившими всех рабочих, солдат и беднейших крестьян.

Против непреклонной воли народа бессильны происки контрреволюционеров. Они будут сметены с лица земли Великой революцией.

Третий делегатский съезд шлет братский привет всем бастующим.

Да здравствует революция и ее рабоче-крестьянское правительство!»

И забастовка была продолжена, несмотря на колоссальные лишения, которые терпели забастовщики, несмотря на притеснения и угрозы со стороны власти. Забастовщикам угрожали судебной расправой, неоднократно им объявлялось об увольнении и т. п. Так, в первых числах января 1918 года дутовский «комиссар дороги на правах начальника» решил взять бастующих рабочих на испуг. В своем приказе, весьма широко распубликованном, комиссар писал:

«Мастеровые и рабочие депо выходят на работу в 7 часов утра 29 декабря (11 января 1918 года) по обычному гудку. Не исполнившие этого приказа по распоряжению комитета спасения родины и революции будут уволены от службы и преданы суду».¹

Но и подобными угрозами Дутову не удалось сломить сопротивления рабочих.

ПОБЕГ ИЗ ТЮРЬМЫ АРЕСТОВАННЫХ БОЛЬШЕВИКОВ

Всеобщая забастовка рабочих, направленная против Дутова и комитета спасения родины и революции, наносила контрреволюции неисчислимый вред. Эта забастовка по сути дела связала Дутова по ру-

¹ «Южный Урал» № 85, 29. XII. 1917 (11. I. 1918).

кам и ногам, не дала ему возможности серьезно закрепиться в Оренбурге и подготовиться к борьбе против Советов. Однако оставшиеся на воле большевики, а с ними и все рабочие учитывали, что без вооруженной борьбы Дутов власти не отдаст. Следовательно, нужно было немедленно готовиться к вооруженной схватке с дутовщиной и попытаться использовать момент наибольшего ослабления дутовщины в результате забастовки.

Наиболее значительная по количеству группа большевиков после арестов осталась в железнодорожных мастерских (около 30 человек). Эта группа естественно сделалась руководящим центром для всех революционных рабочих города. В начале декабря эта группа приступила к созданию подпольной Красной гвардии. Начальником будущих отрядов Красной гвардии был избран т. Левашев, его помощниками тт. К. Н. Котов, Панарин и Калинин. Этот штаб разбил город на районы, в каждый из них был в свою очередь назначен организатор и руководитель Красной гвардии, которые и должны были приступить к вербовке красногвардейцев.

Вербовка пошла успешно. Вскоре было сформировано несколько небольших отрядов, которые по ночам проходили обучение за городом, на глухих окраинах.

Большие трудности встретили большевики в снабжении красногвардейцев оружием. Единственный источник, где можно было достать оружие,—это воинские части Дутова. Подпольная организация установила связь с солдатами 105 и 238-го полков. Там оказалось много сочувствующих большевикам солдат. С их помощью достали несколько винтовок и бомб на первый случай.

Но этого оружия было весьма недостаточно. Послали в Бузулук к т. Кобозеву, который организовывал там силы для ликвидации дутовщины. Посланные тт. Калинин и Кравченко ухитрились привезти из Бузулука 89 винтовок, три пулемета и

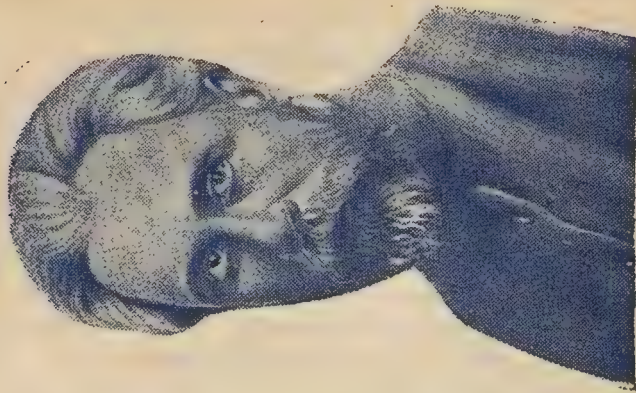

С. М. Цвиллинг.

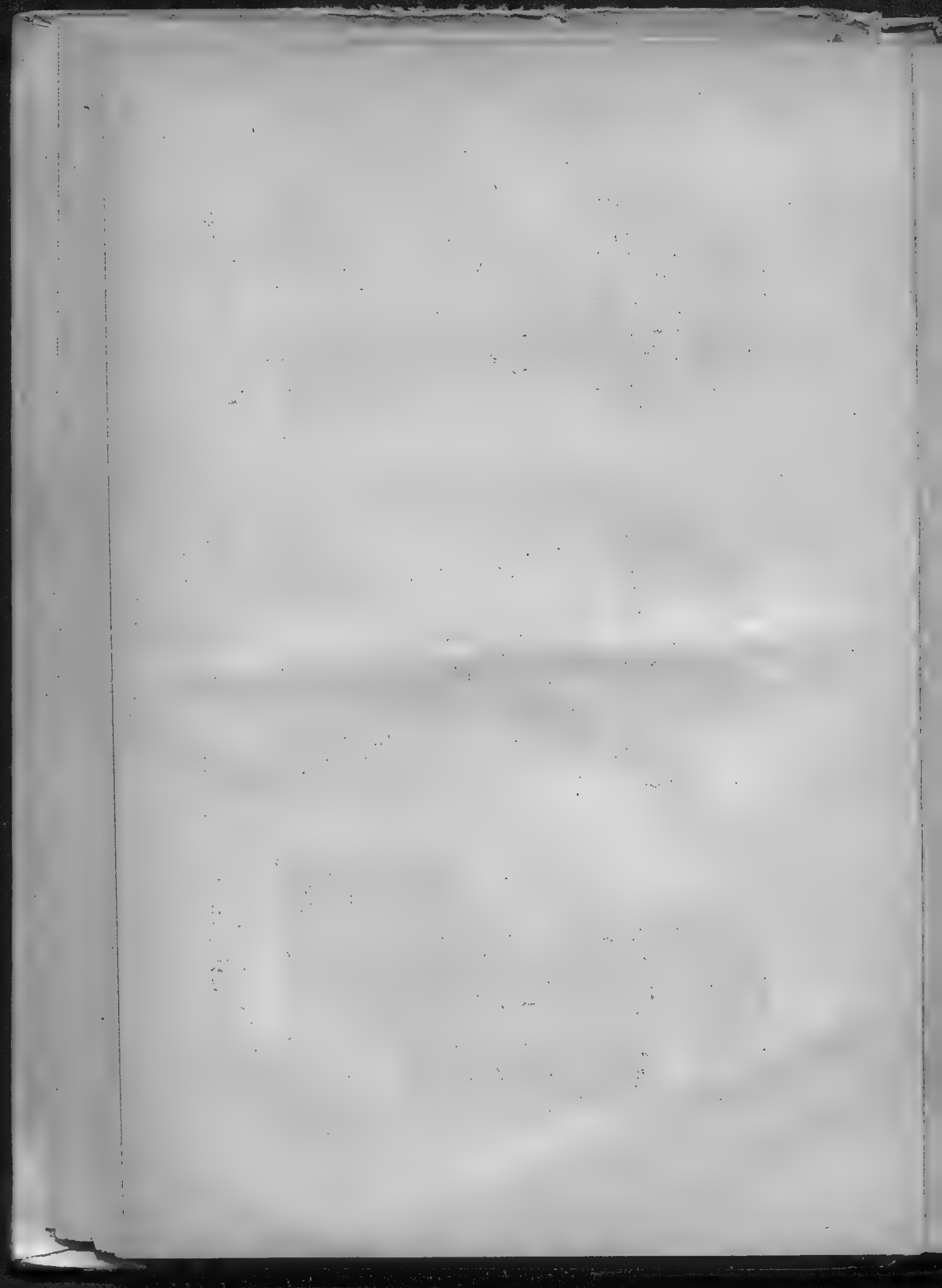
Активнейшие работники оренбургской партийной организации, руководившие борьбой против дутовщины.

А. А. Коростелев.

П. А. Кобозев.

некоторый запас патронов. Оружие было спрятано в тендере паровоза, в воде, а патроны и пулеметные ленты в угле. Дутовские офицеры хотя и производили тщательный осмотр каждого поезда, приходившего из Бузулука (сообщение вначале не было прервано, так как с фронта возвращались солдаты и требовали их пропуска; в воинских поездах ездила и частная публика), все же не обнаружили оружия, запрятанного в тендер.

С созданием Красной гвардии силы большевиков увеличились. Положение же противника было серьезным в связи с дезорганизацией и разрухой, которые внесла в его ряды всеобщая забастовка и не прекращавшаяся ни на минуту деятельность большевиков. Даже в казачьих частях нашли себе почву недовольство Дутовым и симпатии к большевикам.

Интересен в этом отношении отчет делегации войскового круга (декабрь 1917 года), посетившей части 4 и 13-го казачьих полков.

«Стрелковые части требуют,—передавала делегация о своих разговорах с рядовыми казаками,—чтобы был организован малый съезд, в который вошли бы представители трудового казачества...

2 и 4-я сотни 4-го полка, а также 2-я сотня 13-го полка выражают недоверие войсковому атаману Дутову... за то, что он произвел мобилизацию казаков, увеличил караулы и внес раскол в казачью среду.

Далее стрелковые части 2 и 13-го полков требуют упразднения школы прапорщиков, военного училища и роспуска белой гвардии, отмены жалованья казакам, охраняющим Орскую железную дорогу, освобождения из тюрьмы большевиков».¹

Подобные настроения, разумеется, были и в других казачьих частях. Только системой террора и существовавшей в казачьих частях жестокой дис-

¹ «Южный Урал» № 75, 14 (27). XII. 1917.

циплиной Дутову удавалось удерживать эти части в известных границах. Все же некоторые полки Дутов вынужден был распустить по домам.

В станицах также казачество разбилось на два враждебных лагеря—сторонников советской власти и сторонников Дутова—и митинговало.

Еще ярче недовольство дутовщиной и симпатии к большевикам проявлялись в рабочем населении города, в солдатском гарнизоне и в рядах крестьянства. Происходившие в начале декабря выборы в Учредительное собрание по Оренбургу дали большевикам более 20 тысяч голосов—37 процентов всех участвовавших в выборах.¹ И это в то время, когда почти весь актив большевистской организации был заточен в тюрьму, когда большевики находились по сути дела на нелегальном положении, когда всю силу своей власти контрреволюция обрушила на революционную часть населения и когда эсеры и меньшевики, пользуясь некоторыми связями в рабочих кругах, вели ожесточеннейшую демагогическую кампанию против большевиков.

Насколько сильна была ненависть пролетарских элементов к дутовщине, можно судить хотя бы по такому факту. В начале января 1918 года на улице неизвестный солдат, как подчеркивала эсеровская газета, «при пассивном отношении собравшейся публики», сорвал погоны с проходившего офицера.²

Сам по себе этот факт (а подобные факты не были единичным явлением) не имеет большого значения. Но в то же время—это весьма яркое свидетельство настроения трудящихся и особенно солдат.

Приехав в деревни после демобилизации, революционно настроенные солдаты явились лучшими и наиболее авторитетными агитаторами против ду-

¹ «Южный Урал» № 64, 1(14). XII. 1917.

² «Южный Урал» № 84, 25. XII. 1917 (7. I. 1918).

товщины. И если даже в казачьих станицах большевистские идеи находили себе почву, то в крестьянских селах симпатии трудящегося крестьянства были всецело на стороне большевиков. Это было чрезвычайно ярко выявлено во время предвыборной кампании в Учредительное собрание, проходившей в деревне в декабре. Один из эсеровских разъездных агитаторов на страницах «Южного Урала» вынужден был с горечью признать, что деревня находится всецело под влиянием большевиков.

«Ясно теперь,— с ужасом констатировал эсеровский агитатор,— что выборы 10 (23) декабря пройдут с огромным успехом для большевиков. Ясно это хотя бы по тем митингам, которые предшествовали выборам.

На этих митингах совершенно невозможно говорить не-большевику... Ни меньшевики, ни народники, ни социалисты-революционеры их (крестьян) не удовлетворяют».¹

В общем к началу января обстановка в Оренбурге и в губернии была далеко не в пользу Дутова. Он опирался почти исключительно на офицерство и юнкеров. Неизбежность катастрофы дутовской авантюры чувствовали даже и его сторонники, в рядах которых возникли сомнения, колебания и растерянность. В связи с этим тюремная администрация ослабила даже режим заключенных большевиков, что дало возможность последним при содействии подпольной парторганизации и Красной гвардии подготовить побег из тюрьмы.

Побег был совершен 25 декабря 1917 года. За несколько дней до побега заключенным передали с воли несколько револьверов и бомб. Вечером заключенные обезоружили внутреннюю охрану, заперли ее в одну из камер и вышли из тюрьмы. За стенами тюрьмы заключенных ждал бывший наготове отряд Красной гвардии.

¹ «Южный Урал» № 73, 19. XII. 1917.

Освобожденные разошлись по квартирам рабочих, а на следующий день наиболее видные большевики перебрались в Бузулук.

Всего из тюрьмы бежало 36 большевиков, т. е. все товарищи, арестованные в разное время; в том числе и те, которые были вначале увезены в станицы, а потом снова привезены в тюрьму.

Этот смелый побег нанес огромный моральный удар дутовщине, а в ряды рабочих внес бодрость и уверенность. Теперь парторганизация, Красная гвардия и бузулукские советские отряды могли действовать более решительно, не боясь расправы Дутова над заложниками.

ДУТОВ ИГРАЕТ В «ДЕМОКРАТИЮ»

В начале своей карьеры «спасителя родины и революции» Дутов и его окружение весьма старательно играли в «демократию».

Белое движение официально возглавлял не Дутов, а эсеров-меньшевистский комитет спасения родины и революции.

Между эсерами и меньшевиками, с одной стороны, и Дутовым — с другой, существовало полное согласие. Дутов охотно выступал с демагогическими заявлениями на тему о «демократии и народовластии». Даже общий режим в Оренбурге в это время значительно отличался от того, который был введен впоследствии, при втором приходе Дутова.

На первый взгляд все это может показаться странным и непонятным. Но странного здесь ничего нет.

Это была дипломатическая игра Дутова, вести которую его заставили сложившиеся обстоятельства.

Важнейшие из них заключаются в следующем:

1. В этот начальный период борьбы, по признанию самих дутовцев, «единственной почти опорой

власти были офицеры, юнкера и добровольцы».¹ А так как этих сил было совершенно недостаточно для борьбы с Советами, Дутов должен был изображать из себя «демократа», пламенного борца за «народовластие», чтобы легче было ввести в заблуждение казачью массу и втянуть ее в борьбу против советской власти.

2. Возвращавшиеся с войны фронтовики, особенно молодых возрастов, были настроены против надоевшей им какой бы то ни было войны, а тем более войны против большевиков, давших им мир. В рядах бывших фронтовиков из среды беднейшего казачества было немало и прямых сторонников большевиков. Они в станицах всячески боролись против попыток кулацких и офицерских элементов организовать активную помощь Дутову.

3. Среди оставшейся в Оренбурге небольшой части солдатского гарнизона было естественное недоверие к царскому полковнику Дутову, который весьма туманно формулировал свои цели. Впоследствии почти весь гарнизон был распропагандирован большевиками, и поэтому он являлся прямой угрозой Дутову.

4. Грандиозная политическая забастовка оренбургских рабочих, целиком шедших за большевиками, показала Дутову силу организованного выступления пролетариата, для подавления которого у самого Дутова не было сил. Эта забастовка расшатала дутовский режим.

Вот основные причины заигрывания Дутова с соглашательскими партиями, его игры в «демократию», сторонником которой он себя объявил. Но эта игра была вынужденной, и Дутов прятался за эсеро-меньшевистскую ширму только потому, что таким путем было легче одурачить массы. В дальнейшем, как только Дутов почувствовал в своих руках си-

¹ См. Н. Филиппов, Год испытаний, «Оренбургский казачий вестник» № 1, 1. I. 1919.

лу, он бесцеремонно выбросил за борт и эсеров и тем более меньшевиков, как негодный хлам, и открыл свое подлинное лицо.

А пока что, пользуясь активной помощью верных слуг — эсеров и меньшевиков, — Дутов делал отчаянные попытки укрепить свое положение.

Не забыл Дутов и те казачьи части, которые не прибыли еще с фронта германской войны. Казачьи части, как известно, были крепче спаяны дисциплиной, своеобразными традициями, в них даже и после революции еще было сильно влияние командного состава.

На эти казачьи части Дутов и обратил свое внимание.

На правах войскового атамана он в конце декабря разослал командирам казачьих частей следующую директиву:

Войсковой атаман
Оренбургского
казачьего войска
16 декабря 1917 г.
№ 19127.
г. Оренбург.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

В настоящее время, как вам известно, на фронте и внутри России благодаря всеобщему разложению создалось невыносимое положение для казаков.

Большевики, не желающие помириться с существованием свободного казачества, стараются разложить его однородную массу и для достижения своих целей не брезгают никакими средствами.

Вверенному мне войску грозит смертельная опасность, и в такое время, когда России в действительности уже нет, я считаю своей священной обязанностью собрать в войско всех находящихся на фронте казаков и в случае надобности всеми мерами отстаивать казачество.

С этой целью, прилагая при сем выписку из постановления войскового круга от 13 сего декабря, считаю долгом сообщить вам следующее:

Вам как командиру части надлежит принять все меры к тому, чтобы казаки прибыли каким угодно порядком в свой округ.

Для этого необходимо увеличить норму отпускных казаков, уволить на льготу, не дожидаясь прихода из войска сменной

команды, тех казаков, которые подлежат замене. Имеющееся в части казенное имущество надлежит сдать в ближайшие склады или продать, сдав деньги в соответствующее казначейство. Что касается здоровых лошадей, то их под видом слабосильных следует отправить в войско. Представляется крайне необходимым, чтобы казаки прибыли в войско с оружием.

Некоторые из строевых частей, как например, первая, восьмая батареи и несколько сотен 15-го полка, прибыли вооруженными в Донскую область.

Если вы с частью находите затруднительным и опасным прибыть в свое войско, то следует направиться в ближайшую казачью область.

Во всяком случае всех возвратившихся в войско казаков войсковое правительство не будет считать дезертирами.

Все это однако должно делаться так, чтобы не навлечь никаких подозрений со стороны тех организаций, в состав коих входит вверенная вам часть.

Разумеется, я не могу вам указать всех способов, при помощи которых казаки могут прибыть с оружием в свое войско или другие казачьи области, и это всецело предоставляется вашей опытности, знанию, умению и инициативе, но во всяком случае, если части придется разоруживать, то необходимо принять все меры к тому, чтобы это происходило на какой-либо казачьей территории и чтобы в сдаче оружия и имущества были даны квитанции соответствующих войсковых начальств.

Прошу принять уверения в совершенном моем к вам уважении и таковой же преданности.

А. Дутов:

Это письмо любопытно во всех отношениях. Дутов особенно настаивал на том, чтобы казачьи части, если они не смогут пробраться в Оренбург, шли на территорию ближайшего казачьего войска. Он знал, что начальство «ближайшего казачьего войска» окажет соответствующую помощь оренбургским казачьим частям.

Верхушка казачества, учитывая рост влияния большевиков, заранее условилась между собой о выступлении против большевиков в случае их попытки совершить переворот и о взаимной помощи друг другу.

Однако краткость времени, усталость и нежелание бывших фронтовиков ввязываться в новую войну, брожение в станицах, серьезное сопротивление пролетариата и ряд других обстоятельств не дали Дутову возможности сколотить сколько-нибудь значи-

тельные силы. Этим и объясняется, что весьма слабые еще в организационном отношении советские отряды довольно быстро сумели выбить Дутова из Оренбурга.

СТЯГИВАНИЕ КРАСНОГВАРДЕЙСКИХ СИЛ В БУЗУЛУК

Приехавший из Петрограда чрезвычайный правительственный комиссар П. А. Кобозев вначале не имел никаких вооруженных сил. Ему пришлось организовывать эти силы из рабочих Самары, Челябинска, Уфы и других городов, формировать части, укреплять их командным составом, чтобы создать более или менее сильный кулак для борьбы с дутовщиной.

На первых порах было чрезвычайно трудно овладеть отрядами, оставшимися от прежних волжских частей, часто еще с контрреволюционным командным составом. Тов. Кобозев вспоминает, что сначала ему пришлось взять из Сызрани в качестве вооруженной силы отряд гвардейских уланов 120 человек. В Кинеле командир отряда, поручик Штрэнге, отцепил от поезда т. Кобозева вагон со снарядами и патронами и стал агитировать за то, чтобы солдаты дальше не ехали. Только с помощью кинельских железнодорожников удалось арестовать этого агента Дутова.

В Бузулуке имевшийся там небольшой гарнизон стараниями контрреволюционного офицерства еще раньше был разоружен. Только с приездом туда т. Кобозева гарнизон вновь был вооружен, а старый командный состав был заменен выборным.

Наряду с этим т. Кобозев развернул работу по созданию отрядов Красной гвардии из железнодорожных рабочих станции Бузулук. В ближайших городах, как например: Самара, Златоуст, Челябинск, Уфа, местные партийные организации и органы революционной власти также приступили к фор-

мированию частей для борьбы с дутовщиной. Эти части постепенно начали стягиваться в Бузулук.

Для того чтобы объединить все эти отряды и подчинить единому руководству, был создан штаб. Командующим всеми вооруженными силами был назначен б. штабс-капитан Масальский, а его помощником — поручик Керсон.

Однако с количественным увеличением советских военных сил в Бузулуке увеличивались и трудности. На местах в то время еще не везде молодая советская власть успела укрепиться, органы новой власти только еще создавались, контрреволюционные силы оказывали Советам яростное сопротивление. Поэтому военные части, концентрируемые в Бузулуке, испытывали большую нужду в продовольствии, обмундировании и вооружении. Чтобы одеть особо остро нуждающихся в обмундировании красногвардейцев, т. Кобозеву пришлось даже выдать им красные халаты, которые направлялись в адрес эмира бухарского и в связи с событиями застряли в Бузулуке.

Советское правительство принимало ряд мер для ликвидации дутовщины. Ближайшим к Оренбургу городам, где уже укрепилась советская власть, была дана директива сформировать отряды для борьбы с Дутовым. В. И. Ленин чрезвычайно внимательно следил за событиями в Оренбурге. В начале декабря, когда к нему явились оренбургские железнодорожники, В. И. выслушал их, подробно расспросил о положении в Оренбурге и направил в штаб с такой запиской:¹

В Ш Т А Б

П о д в о й с к о м у и л и А н т о н о в у

Податели — товарищи-железнодорожники из Оренбурга. Требуется экстренная военная помощь против Дутова. Прошу обсудить и решить практически поскорее. А мне черкнуть, как решите.

Ленин.

¹ АОР, ф. 130, сер. Б — 1917, д. 35, л. 1.

НАЧАЛО ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Боевые действия против дутовщины начались во второй половине декабря 1917 года. Первая вооруженная стычка произошла в районе 14 и 15-го разъездов. Отряды Дутова взорвали там два небольших железнодорожных моста. Тов. Кобозев поехал со специальным эшелоном восстановить разрушенные мосты. После того как два моста были восстановлены, эшелон двинулся дальше. Вскоре впереди показалась цепь. Как потом оказалось, это был отряд юнкеров, которых Дутов выслал против красных.

Отряд красных, находившийся в поезде т. Кобозева, и железнодорожные рабочие в свою очередь рассыпались в цепь. Началась ружейная и пулеметная перестрелка.

Красные быстро израсходовали запасы патронов. Это грозило большими осложнениями. Тов. Кобозев отцепил паровоз, сам стал за машиниста и, имея на паровозе пулемет, двинулся в атаку. Подошедши к цепи противника, т. Кобозев открыл по ней пулеметный огонь. Противник, не ожидавший этого, отскочил.

Один из пулеметчиков на паровозе был ранен, паровоз отошел к своему составу. Оправившийся противник вновь начал наступать. Тов. Кобозев еще два раза повторил атаку на паровозе, но уже с меньшим успехом, причем был ранен второй пулеметчик.

Цепь противника упорно насаждала и уже начала окружать наших бойцов. В это время на помощь т. Кобозеву прискакала артиллерия. Несколькими очень удачными выстрелами она внесла панику в ряды противника, и он отступил. Одновременно возникла паника в отряде т. Кобозева, и он отступил к Бузулуку.

Эта первая стычка показала, что красные отряды, недавно сформированные и не имеющие крепкого командного состава, не готовы еще для решительного наступления на Оренбург. Нужно было

укрепить дисциплину, которая еще далеко не была на должной высоте, нужно было выдвинуть надежный командный состав и, наконец, необходимо было увеличить красные отряды количественно.

Первая неудача в борьбе с дутовщиной сыграла для советских отрядов свою положительную роль. Слабые стороны были учтены и, насколько это было возможно, устранены. Одновременно в Челябинск отправился т. Цвиллинг для формирования новых отрядов. При помощи челябинской и екатеринбургской парторганизаций вскоре были сформированы два крупных отряда. Один отряд, численностью до 1500 человек, был сформирован из рабочих пермских заводов. Командовал им рабочий Борчанинов. Второй отряд в 800 человек был составлен из моряков Балтийского флота, находившихся в Челябинске. Этим отрядом командовал бывший мичман Павлов.

Помимо этого в Бузулук были присланы отряды, сформированные из самарских и иващенковских рабочих. Иващенковские рабочие привезли с собой несколько вагонов снарядов и патронов, а из Казани было прислано 50 пулеметов.

Таким образом к началу января 1918 года в распоряжении т. Кобозева было около 2 тысяч человек пехоты, четыре батареи легких 3-дюймовых орудий, мортирный дивизион и два аэроплана.¹

На 4 января было назначено общее наступление на Оренбург. За два дня до этого наступления т. Кобозев послал комитету спасения и Дутову следующий ультиматум:

«Если через 24 часа вы не передадите обратно захваченную вами власть в надежные руки Советов рабочих, солдатских, крестьянских, казачьих и железнодорожных депутатов, то я принужден буду внешней воинской силой восстановить народоправие в Оренбурге»...²

¹ М. Шаратов, Борьба с дутовщиной, рукопись, архив Истпарта.

² АОР, ф. 130, серия 13. — 1917, оп. 1, д. 13, л. 15 и 16.

Никакого ответа на этот ультиматум не последовало. В ночь с 3 на 4 января красные начали наступление. Состав советских частей, ведущих наступление, был следующий:

1. Самарский отряд в 300 человек, составленный из красногвардейцев — рабочих завода им. Масленникова, командовал отрядом т. Гавриленко.

2. Такой же по количеству отряд из рабочих Перми, Мотовилихи и Иващенко (Чапаевск).

3. Отряд самарских анархистов, под командой Карасика и его помощника Голя, в 550 человек.

4. Бузулукский смешанный отряд, куда входила прибывшая из Сызрани кавалерия (120 сабель), рота пехоты в 200 человек и 150 человек Красной гвардии.

5. Отряд артиллерии, командиром которой и наводчиком был Ходаков.

6. Казанский отряд в 200 человек, составленный частью из солдат казанского гарнизона, а частью из красногвардейцев.

7. Челябинский смешанный отряд в 300 человек под командованием Елькина.

8. Наконец, в состав наступающих входил технический вспомогательный поезд под командой Федотчева, для восстановления разрушаемого дутовцами пути, и санитарный поезд.

Помимо этого у красных было два аэроплана.

Наступление велось обычным в первый период гражданской войны способом: на поездах. Впереди на паровозе, несколько защищенном самодельной «броней», двигался т. Кобозев, за ним ремонтно-вспомогательный поезд, затем шли различные отряды и артиллерия.

Ночью на 4 января все наши эшелоны были сосредоточены на станции Новосергиевка, последней станции, находившейся в руках красных. Следующая станция (Платовка) была в руках Дутова.

С рассветом эшелоны красных во главе с «броневым» поездом двинулись к Платовке. Верст за 10 до Платовки красные встретили первую заставу

белых, состоявшую из юнкеров. Под огнем пулеметов красных частей застава стала уходить к Платовке. У Платовки дутовский отряд пытался задерживать красных, но не выдержал натиска и отступил к станции Переволоцк. Вскоре станция Переволоцк была занята красными, а белые отступили к станции Сырт.

Дав небольшой отдых своим частям, т. Кобозев приказал двигаться дальше, на станцию Сырт. Здесь произошел более серьезный бой, чем на предыдущих станциях. Обе стороны ввели в дело артиллерию. Однако и здесь белые вынуждены были отступить. Передовые эшелоны красных заняли 16-й разъезд и подошли к станции Каргала. К вечеру прибыла артиллерия. По неприятелю был открыт артиллерийский и пулеметный огонь.

Однако и этому, столь удачно начатому наступлению не суждено было закончиться успешно. В то время как на подступах к ст. Каргала разгорался бой, в тылу у красных казаки станицы Донецкой, а затем и Малеевки открыли враждебные действия против красных. Между станциями Каргала и Переволоцк казаки подпилили телеграфные столбы и в некоторых местах испортили путь.

Поскольку белые действовали в тылу и могли отрезать путь к отступлению, красные стали отходить назад. В некоторых частях возникла паника, которая распространилась почти на весь участок до Бузулука. Эшелоны красных откатились к Новосергиевке и Бузулуку.

Одной из главнейших причин неудачи второго наступления на Оренбург явилось отсутствие руководства частями со стороны штаба, во главе которого стояли бывшие офицеры Масальский и Керсон. Тов. Кобозев все время находился на броневике, непосредственно руководя боевыми операциями на передней линии, и сам участвовал в сражениях. Когда же был отдан приказ об отступлении, Масальский потребовал отправки в первую очередь его эше-

лона. Этим он усилил панику. А когда последний эшелон с т. Кобозевым прибыл в Бузулук, Масальского и весь его штаб нашли в штабном вагоне совершенно пьяными.

Все это отрицательно подействовало на отряды и усилило развал. Некоторые наименее устойчивые части самовольно покинули фронт. Сам Масальский со своими приближенными пытался учинить расправу над т. Кобозевым. Этому помешали отряд бузулукской Красной гвардии и только что прибывший матросский отряд под командованием т. Павлова. Масальский был отстранен от исполнения обязанностей начальника штаба и командира отряда. На его место был назначен Павлов.

ВЗЯТИЕ ОРЕНБУРГА СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ

Вторая неудача красных под Оренбургом чрезвычайно осложнила обстановку в районе Кинель—Бузулук. Контрреволюция делает отчаянные усилия, чтобы внести разложение в ряды советских войск, создать хаос, анархию и тем ослабить большевиков. В районе Кинель—Бузулук—Новосергиевка скопилось около 10 тысяч солдат, возвращающихся с фронта. Эта масса голодных фронтовиков требовала паровозов для отправки через фронт, а дать паровозы для отправки к Дутову — значило сознательно ослабить свои силы и материальные средства и усилить противника. Под влиянием контрреволюционных элементов фронтовики иногда совершали всяческие бесчинства, самовольно захватывали паровозы, силой оружия, заставляя машинистов вести состав.

Дутов учел все эти обстоятельства. Его агенты распространяли листовки, в которых они призывали бывших фронтовиков «заставить Кобозева прекратить борьбу за власть» и «бросить всякое посягательство на Оренбург и на казачьи земли».

Обстановка требовала укрепления сил красных под Оренбургом количественно и качественно и принятия быстрых мер для ликвидации дутовщины.

В половине января 1918 года в Бузулук стали прибывать из соседних городов вновь сформированные воинские части. Свежие пополнения, большой процент рабочих в отрядах, смена негодного командования и ряд других мероприятий, проведенных большевиками, внесли, успокоение в отряды и подняли дисциплину. Тов. Кобозев и новое командование отдали приказ о новом наступлении на Оренбург.

К моменту этого последнего наступления на Оренбург (23 января) красное командование имело в своем распоряжении около 3 тысяч человек пехоты, до 200 человек кавалерии, 6 батарей (2 гаубичных и 4 трехдюймовых) и 2 аэроплана.¹

Наступление повели так же, как и в первый раз: эшелонами. Впереди шел разведывательный паровоз, а за ним состав с отрядом петроградских матросов, прибывших с Павловым, самарский отряд, кавалерия и пулеметчики, бузулукский отряд, артиллерия и ее прикрытие, санитарный и вспомогательный поезд, штаб и его охрана, авиация и тяжелая артиллерия.

К 26 января эшелоны красных, преодолевая энергичное сопротивление белых и исправляя разрушаемый казаками путь, продвинулись к станции Сырт. Весь день 27 января шел упорный бой. Только 28-го станция Сырт была занята красными; белые отступили к станции Кургала.

Так же как и при первом наступлении, в тылу у красных белые производили набеги на железную дорогу, разрушали путь и всячески стремились вызвать в рядах красных панику. В течение нескольких дней наступающие на Оренбург красные отряды не

¹ М. Шарапов, Борьба с дутовщиной, рукопись, архив Истпарта.

имели связи с Новосергиевкой и Бузулуком. Но эти отряды были уже настолько дисциплинированы и стойки, что утеря связи с тылом не отразилась на их боеспособности.

Исключительную выдержку и героизм проявили при этом наступлении рабочие вспомогательного поезда под начальством т. Федотчева. 27 января при жесточайшем снежном урагане рабочие вспомогательного поезда более чем в двадцати местах починили взорванный неприятелем путь и несколько мостов.

На станции Каргала белые держались до 30 января. В этот день после упорного боя красные заняли Каргалу, а белые отступили к Оренбургу.

Убедившись в бесполезности дальнейшей борьбы, Дутов в ночь на 1 февраля покинул Оренбург. С отрядом в 300 человек (преимущественно офицерство и добровольцы) он направился в Верхнеуральск. Другой отряд под командованием полковника Лесовицкого ушел на Уральск. Весь прочий состав дутовской армии скрылся до поры до времени по своим станциям.

Утром 1 февраля в Оренбург вошли красные. Рабочие Оренбурга, истощенные почти трехмесячной героической борьбой с дутовщиной, с великим ликованием встретили советские отряды.

Вновь был создан ревком во главе с т. Цвиллингом. Оренбург стал советским.

Тов. Панарин.

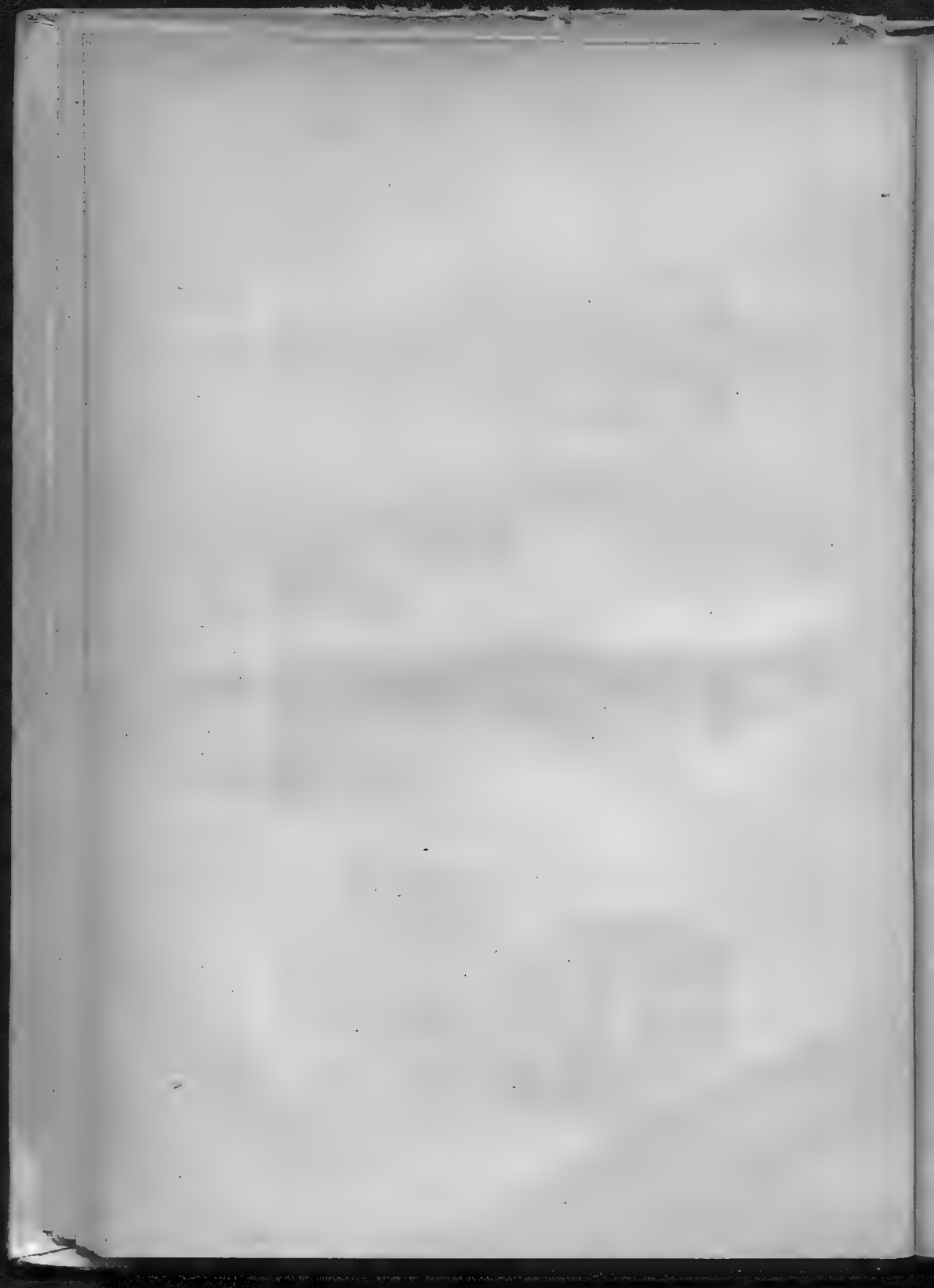

К. Котов.

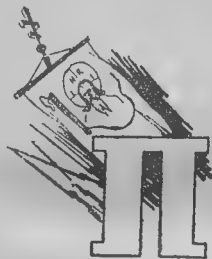
Тов. Левашев.

Штаб созданной большевиками подпольной Красной гвардии.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТАНИЦАХ ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1918 ГОДА

ПОСЛЕ ИЗГНАНИЯ ДУТОВА ИЗ
ОРЕНБУРГА

После изгнания Дутова из Оренбурга в чрезвычайно тяжелом положении оказался район города Троицка. Здесь еще с первого момента возникновения в Оренбурге дутовщины контрреволюция концентрировала силы, чтобы отсюда вести наступление на Челябинск.

К первым числам февраля, т. е. в то время, когда Дутов потерпел крах в Оренбурге, белые сосредоточили в районе Троицка довольно значительные силы — до 2 тысяч человек с артиллерией и пулеметами.

В связи с угрозой Троицку и Челябинску из Оренбурга туда спешно отправили два эшелона пехоты и артиллерию.

Вскоре были отправлены по своим городам и те части Красной гвардии, которые были присланы соседними городами на помощь Оренбургу.

Таким образом в самом Оренбурге остались лишь местные отряды Красной гвардии, весьма малочисленные по количеству и плохо обученные.

С этими силами ревком не мог окончательно ликвидировать контрреволюцию.

Разъехавшись по станицам, белогвардейцы не остались пассивными, а развернули там широкую контрреволюционную агитацию против Советов, организуя отряды и т. п.

Непрерывно прибывающие с фронта казаки привозили с собой оружие, часть которого шла на вооружение контрреволюционных отрядов. За счет офицерских и кулацких элементов, прибывавших с фронта, рос и количественный состав этих отрядов. Вскоре контрреволюция перешла к активным действиям.

Уже в начале марта 1918 года председатель ревкома т. Цвиллинг получил ультиматум от «партизанского отряда офицеров» с требованием в трехдневный срок сдать власть, а в ночь под 9 марта белые сделали набег на Оренбург, успешно отраженный красногвардейскими частями. В эти же дни, пользуясь ослаблением красных в Орске, отправивших отряд на помощь Оренбургу, белоказаки из Новоорской станицы решили произвести налет на Орск. Налет не состоялся только потому, что белогвардейцы встретили сопротивление со стороны революционной молодежи — фронтовиков.

Характерно при этом то обстоятельство, что вначале, под нажимом станичных контрреволюционных кругов, сформированный отряд вышел по направлению на Орск.

И уже в пути революционные элементы разложили отряд.

Отряд разделился на две части — сторонников похода против большевиков и активных противников похода.

Спор между этими группами вылился в вооруженное столкновение, после которого отряд возвратился в свою станицу.¹

¹ М. Шарапов, Борьба с дугловщиной.

БОРЬБА В РАЙОНЕ ТРОИЦКА ВЕРХНЕУРАЛЬСКА

Однако белогвардейская активность проявлялась в это время не только под Оренбургом и Орском. Как уже говорилось выше, к моменту взятия Оренбурга красными, в районе Троицка — Верхнеуральска сосредоточились довольно крупные белогвардейские силы. В связи с приходом в Верхнеуральск Дутова со своим отрядом положение в этом районе осложнилось. По рассказам перебежчиков; у Дутова был план захватить Катав-Ивановский завод и Белорецкую узкоколейку и отсюда предпринять наступление на перерез Самаро-Златоустовской железной дороги.¹

Таким образом создавалась угроза Челябинску и другим крупным пунктам Урала. Предпринятые вначале попытки т. Блюхера, руководившего в то время борьбой против Дутова в Южном Урале, наступления к Троицку для освобождения его от контрреволюционного окружения и наступления к Верхнеуральску не имели успеха.²

Дутов же, прибыв в Верхнеуральск, развил здесь широкую работу по сколачиванию контрреволюционных сил. Он созвал войсковой круг прежнего состава, избравший его атаманом. Так же как и в первый раз, круг объявил Дутова главой войскового правительства и вынес решение о мобилизации всего казачества для борьбы против советской власти.

В самом Верхнеуральске решено было приступить к формированию двух конных полков. Но все эти планы Дутова и его союзников потерпели поражение. Бывшие фронтовики русско-германской войны категорически отказались подчиниться решению круга о мобилизации. Дутову не удалось сформировать из мобилизованных ни одной сотни.

¹ И. Подшивалов, Гражданская борьба на Урале (1917—1918 г.), ГВИЗ, М. 1925, стр. 115.

² Там же, стр. 116—117.

Тогда он вынужден был объявить набор добровольцев. На его призыв отозвались лишь кулацко-зажиточные элементы казачества и офицеры. Офицерство вступало в дутовские отряды, а их отцы деятельно помогали этим отрядам, предоставляя свой транспорт для перевозки оружия, боеприпасов, провизии, фуража и пр.

Все же окончательно укрепиться в Верхнеуральске и сделать его базой для дальнейшей борьбы Дутову не удалось. Красногвардейский отряд, сформированный из рабочих южноуральских заводов, в конце марта повел наступление против Дутова. Когда отряд подошел к самому Верхнеуральску, там восстали против Дутова рабочие. Общими усилиями Дутов был изгнан и из Верхнеуральска.

Через несколько дней Дутов, немного оправившись, вновь пытался овладеть Верхнеуральском. Но находившийся там красногвардейский отряд вместе с верхнеуральскими рабочими дал ему могучий отпор и отбил наступление.

После этих неудач Дутов меняет тактику и с небольшим конным отрядом переходит к партизанской войне. Некоторое время он оперировал в районе Верхнеуральск—Троицк, производя налеты на советские отряды и даже на железнодорожную линию Троицк—Полетаево.

Своими налетами Дутов наносил значительный вред красным и препятствовал установлению и укреплению советской власти в районах Троицк—Верхнеуральск. В связи с этим на борьбу с Дутовым были брошены значительные силы красных, которые к концу апреля взяли дутовские группы в кольцо. Однако, несмотря на то, что советские отряды неоднократно имели успех в многочисленных стычках с отрядами Дутова, последнему все же удалось прорваться из кольца. Но красные, в особенности конница Каширина, не прекратили дальнейшее преследование Дутова. Неудачи и в связи с ними ослабление связей с определенными

группами населения повлекли за собой ослабление Дутова, который вынужден был оставить этот район и с небольшим отрядом направился в район Иргиза. Начавшаяся весенняя распутица, бурный разлив рек не дали возможности красным вести дальнейшее преследование Дутова. Поэтому в мае он без особых помех углубился в Тургайские степи, где и оставался до половины июня.

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ НАЛЕТЫ В РАЙОНЕ ОРЕНБУРГ—ИЛЕЦК—ИЛЕЦКИЙ ГОРОДОК

Одновременно с событиями под Верхнеуральском белогвардейское движение разрасталось и в других казачьих районах. Особенно усилилось контрреволюционное движение в треугольнике Оренбург—Илецк—Илецкий городок. В районах последних двух пунктов белогвардейцы сколотили довольно значительные силы. Белогвардейские отряды систематически совершали налеты на железную дорогу, разрушали пути, мосты и нарушали нормальное железнодорожное сообщение со Средней Азией.

Для ликвидации белогвардейских отрядов в район Илецка был отправлен отряд в 300 человек под командой т. Цвиллинга. Этот отряд, очистив от белогвардейцев станицу Мертвецовскую, повел наступление на станицу Изобильную. Однако бой под Изобильной окончился разгромом нашего отряда. В этом бою погиб и сам т. Цвиллинг.

Одновременно с этим другие отряды белогвардейцев в ночь на 4 апреля совершили налет на Оренбург. Этот налет был произведен по инициативе группы офицеров и кулаков станицы Красногорской.

Выбрав начальником отряда войскового старшину Н. В. Лукина, эта группа разослала гонцов в соседние станицы с приглашением принять участие в набеге. На это приглашение откликнулись такие

же группы из станиц Островной, Вязовской и Неженской.

Белогвардейцы решили организовать три группы партизанских отрядов: 1) восточная группа в районе станиц Островной, Вязовки, Красноярской и Неженской; 2) северная — со стороны Бердской и Донецкой станиц; 3) Зауральная, охватывающая станицы Верхне- и Нижнепавловскую, Дедуровскую и др.

Подготовительная работа белогвардейцами велась постепенно, и отдельные организаторы стягивались из различных станиц в Форштадт (казачье предместье Оренбурга).

Однако это были весьма незначительные группы, силами которых нельзя было и мечтать о серьезной борьбе с советским Оренбургом. Поэтому организаторы налета решили силой заставить принять участие в налете и тех казаков, которые не желали вести борьбу с Советами. С этой целью основная группа белогвардейских инициаторов разделилась на несколько отрядов, которые непосредственно перед общим наступлением на Оренбург совершили налеты на многие станицы и под угрозой расправы вынудили некоторую часть казаков выступить на Оренбург. Вот несколько фактов, весьма ярко характеризующих методы, к которым прибегали белогвардейцы с целью заставить казаков вступить в борьбу с Советами.

Станица Неженская в ночь на 4 апреля была внезапно окружена белогвардейцами. Под угрозой расправы они заставили часть казаков выступить вместе с ними на Оренбург.¹

В станице Сакмарской выступление части казаков произошло под давлением кулацких элементов, руководимых председателем станичного правления и приехавшими офицерами. Протестовавшие против выступления казаки были жестоко избиты, а некоторым пришлось скрываться.²

¹ «Известия оренбургского губисполкома» № 52, 14, IV. 1918.

² Там же, № 53. 16. IV. 1918.]

Кулаки и офицеры ночью созвали собрание казаков и сообщили, что Оренбург уже взят, что повсеместно началось восстание и что если казаки Сакмарской станицы не выступят, то они будут перебиты восставшими других станиц. Таким путем некоторое число казаков было взято в белогвардейский отряд.

То же было и в станице Островной. Кулацко-офицерская группа станицы Красногорской, организовав отряд, ночью явилась в Островную, окружила ее и, угрожая неподчинявшимся расстрелом, потребовала присоединения казаков к выступлению на Оренбург.¹

Таковыми же методами действовали белогвардейцы и в других станицах. Сколотив наспех несколько отрядов, белогвардейцы назначили одновременное наступление на Оренбург всех трех отрядов. Однако к назначенному сроку к городу подошел лишь один отряд под командованием Лукина со стороны Неженки, а несколько позже в город ворвался еще один отряд из станицы Благословенной.

Передовая разведка лукинского отряда сняла красногвардейскую заставу за Форштадтом: в Форштадте к отряду присоединились ранее находившиеся там белогвардейские группы. После этого белогвардейцы ворвались в помещение б. юнкерского училища на Форштадтской площади, где был размещен красногвардейский отряд. Перебив караул, озверевшие и пьяные налетчики ворвались в здание, и там началось поголовное истребление красногвардейцев, не успевших взяться за оружие, и оставшихся там ночевать семей некоторых красногвардейцев.

Во время этого дикого кровавого налета в юнкерском училище белогвардейцы зарубили 129 человек, в том числе шестерых детей и несколько женщин.

¹ «Голос трудового казачества» № 11, 1. IV: 1918.

После того как налет был отбит, в здании юнкерского училища нашли груды человеческого мяса. В этой грудке лежали детские трупы, изрубленные пополам, женщины с вырезанными грудями и вспоротыми животами и т. п.

Почти одновременно с нападением на юнкерское училище такое же нападение было произведено на отряд красногвардейцев, находившийся в духовном училище. Там нападение произвели казаки станицы Благословенной.

К утру большая часть города оказалась в руках казаков. С боем была взята губернская тюрьма, из которой казаки выпустили находившееся там контрреволюционное офицерство.

Однако вскоре события приняли иной оборот. Красногвардейцы, рабочие и члены партии собрались в железнодорожном депо и оттуда повели наступление против казаков. Под натиском красных казаки отступили, взяв с собой захваченное оружие и боеприпасы.

Для белогвардейских организаторов налет не прошел даром. При отступлении отряда в станице Неженской Лукин был задержан казаками и доставлен в штаб Красной гвардии.

Там он был расстрелян.

Этот налет, сопровождавшийся многочисленными актами зверских расправ над рабочими, красногвардейцами и их семьями, хотя и кончился неудачно для белых, несомненно сыграл для них роль пробного шара. Белогвардейцы убедились, что без солидной подготовки они не могут рассчитывать на серьезные успехи. К этой подготовке они немедленно и приступили.

ОБЪЕДИНЕНИЕ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ СИЛ

Одновременно с налетом на Оренбург, 3 апреля, в станице Нижнеозерной собрался так называемый «съезд делегатов объединенных низовых станиц».

То, что контрреволюция решила сделать базой своей деятельности именно низовые станицы, т. е. станицы, расположенные по Уралу ниже Оренбурга, — явление не случайное. Этот район как раз наиболее густо был населен зажиточным казачеством, и контрреволюция рассчитывала найти в этих станицах активную поддержку своим антисоветским планам. С другой стороны, этот район удобен был для контрреволюции и в стратегическом отношении. Он граничил с землями Уральского казачьего войска. Таким образом оренбургская контрреволюция имела в своем тылу союзников, ибо в кулацко-зажиточных группах уральского казачества контрреволюция находила себе благоприятную почву.

Съезд в Нижнеозерной состоял исключительно из офицерства и крупных кулаков низовых станиц, объединенных общим стремлением к свержению советской власти. Как впоследствии сообщала белогвардейская газета, этот съезд, не прерывавший свою работу до самой осени 1918 года, «поставил своей задачей наблюдать за общим ходом военных операций, объявлять мобилизации казаков, принимать меры по их содержанию, снаряжению и вооружению... На съезде лежали также заботы по пропаганде восстания в станицах».¹

Таким образом съезд являлся центром, который направлял всю борьбу против Советов.

Для оперативного руководства боевыми действиями при съезде был образован «главный штаб фронтов».

С момента создания этого центра контрреволюции борьба белогвардейщины против Советов приняла планомерный характер. Разрозненные до тех пор белогвардейские отряды, действовавшие каждый сам по себе, получили общее направление и руководство.

¹ Н. Филиппов, Год испытаний, «Оренб. каз. вестник» № 1, 1. I. 1919.

Уже 6 апреля съезд, на котором присутствовали представители от контрреволюционных групп 15 станиц,¹ приступил к разработке плана общего наступления на Оренбург.

Наступление было назначено в ночь с 9 на 10 апреля. Непосредственно на Оренбург должны были наступать белогвардейские группы из станиц: Павловской, Донгузской, Елшанской, Чернореченской, Дедюревской, Николаевской, Рычковской, Городищенской, Краснохолмской, Кардаиловской, Подстепенской и Красноярской.

Для руководства этой группой в станице Павловской решено было организовать «малый съезд» из делегатов общего съезда. Малый съезд в свою очередь должен был создать штаб отряда и назначить командный состав.

Съезд дал задания каждой станице выставить определенное количество конных и пеших казаков.

Эти станицы должны были выставить следующие силы:²

	станция	200	конных и	200 пеших
1. Павловская	»	100	»	100
2. Дедюревская	»	100	»	100
3. Никольская	»	100	»	150
4. Городищенская	»	150	»	150
5. Краснохолмская	»	60	»	60
6. Кардаиловская	»	—	»	50
7. Подстепенская	»	—	»	50
8. Красноярская	»	100	»	100
9. Чернореченская	»	25	»	25
10. Рычковская	»	25	»	25

Станицы, расположенные по Илеку: Буранная, Новоилецкая, Линеvская, Изобильная, Мертвецовская, Ветлянская, Григорьевская, Филипповская и Богуславская, должны были взять Илецк

¹ Станицы: Белогорская, Линеvская, Филипповская, Чесноковская, Рассыпная, Подстепенская, 1-я Зубочистенская, 2-я Зубочистенская, Кардаиловская, Нижнеоверная, Городищенская, Краснохолмская, Рычковская, Дедюревская, Татищевская.

² Протоколы съезда, стр. 7—9.

(Илецкую Защиту) и таким образом обеспечить наступление на Оренбург по линии железной дороги со стороны Ташкента. Общее руководство действиями этих станиц было возложено на командующего «южным фронтом» и военный совет при нем.

Для того чтобы отрезать Оренбург со стороны Самары, станицы Татищевская, 1-я и 2-я Зубочистенская, Белогородская, Чесноковская, Алексеевская, Донецкая и Переволоцкая должны были занять станции Переволоцкую и Общий Сырт. Станцию Платовку было поручено захватить станциям Рассыпной и Нижнеозерной, к уральским казакам была обращена просьба съезда занять Новосергиевку.¹

Командование всеми этими фронтами было вручено войсковому старшине 1-го округа Красноярцеву.

Несмотря на весьма тщательную подготовку к захвату Оренбурга, белогвардейцам на этот раз все же не удалось его взять. Объясняется это тем, что планы контрреволюционного съезда встретили в среде трудового казачества весьма сильное противодействие. В некоторых станицах трудовая часть казачества не позволила местным кулакам и офицерам вести какую бы то ни было работу по сколачиванию белогвардейских сил; в других — вооруженные казаки, в особенности бывшие фронтовики, угрожали белогвардейцам оружием. В связи с этим 22 апреля съезд уполномочил начальника левого бережного отряда, подьесаула Ф. А. Богданова, неприсоединявшиеся к белогвардейцам и противодействовавшие им станицы «разоружить, нужный фураж для конского состава и продукты для людей реквизиовать».²

Но и в сформированных белогвардейцами отрядах не все обстояло благополучно. Попавшая под большим нажимом в эти отряды часть рядового

¹ Протоколы съезда, стр. 7—9.

² Там же стр. 13.

казачества не проявляла большой охоты подчиняться офицерству и воевать с Советами.

В конце апреля съезд вынужден был принять даже специальное постановление:

В этом постановлении съезд, выразив «полное доверие» офицерам, обещает, что «не может быть больше позорных выдач или обид офицерству» и призывает казачество «слиться в одну дружную семью».¹

У нас нет сведений о выдачах офицеров в руки красных, кроме факта выдачи Лукина, и «обид», которые причинялись контрреволюционному офицерству.

Но, повидимому, эти антиофицерские настроения были сильны, поскольку съезд специально занимался этим вопросом.

В самой резиденции съезда и штаба, в станице Нижнеозерной, трудовое казачество весьма враждебно было настроено по отношению к штабу.

Съезд в одном из своих решений отмечает вмешательство казаков в компетенцию суда при штабе и даже самого штаба, в связи с чем съезд решил перебраться в станицу Кардаилловскую.

БЕЛЫЙ ТЕРРОР И РЕПРЕССИИ ЗА ОТКАЗ ОТ УЧАСТИЯ В ВОЙНЕ

Однако сопротивление революционной части казачества мероприятиям контрреволюционного съезда не приостановило лихорадочной деятельности этого съезда по организации антисоветских сил. Путем террора главари контрреволюционного движения продолжали проводить мобилизацию, и к половине мая съезд объединял уже 27 станиц первого округа.

Неудача наступления на Оренбург вызвала усиление террора и репрессий белогвардейского штаба

¹ Протоколы съезда, стр. 15.

по отношению к тем, кто не подчинялся распоряжениям этого штаба. Так, 19 апреля съезд постановил создать при главном штабе военно-полевой суд, которому было предписано руководствоваться царскими законами, изданными в 1869 и 1885 г. Нужно заметить, что съезд в данном случае только узаконил то, что было уже введено штабом в порядке приказа.

Через несколько дней, 29 апреля, съезд вновь возвращается к вопросу о военно-полевом суде и принимает нечто вроде положения об этом суде. Преданию военно-полевому суду подлежали все «вносящие раздор, не исполняющие распоряжения начальства, трусы» и т. д. Белогвардейским главарям, повидимому, показалось слишком скучным отыскивать в царских законах соответствующие пункты для того, чтобы расправляться с неудобными лицами. Поэтому в положении о суде было сказано: что полевые суды в своих решениях должны «руководствоваться своею совестью» и могут выносить только два решения: «или смерть виновному или оправдание невиновному», причем «решения этих судов не требуют никаких утверждений». Месяц спустя, к этому положению было принято новое дополнение, по которому военно-полевым судам предоставлено право «наказывать виновного розгами до пятидесяти ударов».

Компетенции этого «суда» подлежали дела не только казаков, находившихся в повстанческих отрядах (т. е. военных), но и иногородних, т. е. крестьян, живущих на территории казачьего войска.

Введением военно-полевого суда, отданного, понятно, всецело в руки офицерства, главари движения надеялись вконец подавить малейшее сопротивление или даже выражение недовольства войной против Советов бедняцких слоев казачества и бедняцко-середняцкого крестьянства («иногородних»).

Но помимо «судебных» расправ с революционно-настроенным населением белогвардейцы применяли

ряд других методов «воздействия» на непокорных. Протоколы съезда пестрят пунктами постановлений о конфискации имущества «большевиков», при этом большевиками считались все те, кто отрицательно относился к войне против Советов. В специальном решении «об имуществах семей, виновных в принадлежности к партии большевиков, как скрывшихся, так и тех, которые понесли наказание за это», говорится:

«Имущество семейств казаков и иностаничников, проживающих в казачьих селениях, если главы означенных семейств принадлежали к большевистским партиям и ныне они скрылись или понесли наказание по суду, предоставить право станичным обществам реквизировать».¹

Но съезд не ограничивался этими мерами. Впоследствии, когда Оренбург находился в руках белогвардейцев, он начал практиковать исключение из войскового сословия казаков тех станиц, которые были до последнего времени нейтральными, и даже лишение их права пользования землей. Так, в одном из протоколов съезда записано:

«Об исключении из войскового сословия и выселении с территории войска станиц Мамалаевской и Капитановской ввиду явного уклонения их от объединения станиц и до сего времени остающихся позорно нейтральными.

Большинством 43 человек против трех при пяти воздержавшихся станицы Мамалаевскую и Капитановскую, как явно уклоняющиеся от объединения казачьих станиц и находящиеся донныне в позорном нейтралитете, считать исключенными из войскового сословия с сего же числа с лишением прав на пользование войсковой землей с сего 1918 года о чем и объявить по войску».²

¹ Протоколы съезда, стр. 91.

² Там же, стр. 224.

БОРЬБА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЧАСТИ КАЗАЧЕСТВА ПРОТИВ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

Все эти меры не могли окончательно подавить противодействие белогвардейцам со стороны тех казаков, которые не хотели вести борьбу против советской власти. Если даже судить по официальным материалам съезда, многие станицы почти целиком (за исключением кулаков и офицерства) либо держали «нейтралитет» в борьбе, либо активно боролись против мероприятий контрреволюционного съезда по организации сил.

Так, собрание казаков Краснохолмской станицы 5 мая в ответ на требование присоединиться к белогвардейцам постановило объявить «нейтралитет». Однако этот «нейтралитет» в действительности означал поддержку советской власти; ибо станица (ее бедняцко-середняцкая часть), отказав в посылке делегата на съезд объединенных станиц, послала делегатов на съезд в Оренбург, созданный советской властью, а все распоряжения белогвардейского штаба решила не исполнять, считая их «провокаторскими».¹

Подобный же «нейтралитет» объявили жители Красноярской станицы. Кулаки и офицеры этой станицы присоединились к белогвардейцам. Остальное общество не только не пошло за ними, но и всячески боролось против попыток офицерства организовать отряд.

В протоколе съезда записаны любопытные данные о положении в Красноярской станице. «На борьбу с большевиками от названной станицы,—читаем в протоколе,—выступила отдельная организованная группа. Между тем часть общества осталась якобы нейтральной или воздерживающейся от выступления. Вот эта-то нейтральная часть общества, вместо того, чтобы поощрить выступившую органи-

¹ Протоколы съезда, стр. 23.

зацию словами или уступить имеющиеся у нее винтовки, не может даже переносить этого выступления и всячески старается подавить его...»

Урядник Уральского войска Адрианов проездом у нейтрального станичного правления слышал возгласы: «Если уральцы не перестанут ездить по нашей земле, то мы их будем расстреливать».¹

Таким образом революционно настроенная часть казачества не только не желала воевать против советской власти, но, как видно из протоколов белогвардейского съезда, всячески противодействовала белогвардейцам, недвусмысленно угрожая оружием. Не редки были случаи, когда революционная часть той или иной станицы выступала с оружием против тех элементов, которые пытались организовать отряд для борьбы с советской властью. Так например, жители Верхнекраснохолмской станицы, как констатировал съезд, «открыто восстают против казаков, выступивших на борьбу с большевиками»,² а в станице Городищенской 400 жителей подписали приговор об аресте офицеров и казаков, ведущих борьбу против советской власти.³

В станицы, где революционная часть казачества боролась против белогвардейцев, штаб посылал карательные отряды. Иногда этим отрядам удавалось сломить сопротивление бедноты и под угрозой кровавой расправы заставить вступить в отряд. Но часто карательные отряды получали вооруженный отпор. Так например, 4 мая в станицу Никольскую прибыл отряд с целью заставить казаков выступить против советской власти. Отряд согнал в школу под конвоем всех бывших фронтовиков, и там офицер пытался убедить их выступить против Советов. Казаки остались глухи к этой агитации. Тогда офицер приказал арестовать

¹ Протоколы съезда, стр. 44—46.

² Там же, стр. 40.

³ Там же, стр. 76.

«зачинщиков». Однако фронтовики не дали арестовать своих товарищей.¹

Такой же отряд 5 мая произвел налет на Красноярскую станицу и после непродолжительного боя занял ее.²

Таким путем белогвардейцы заставляли казаков идти в свои отряды. Вполне понятно, что сформированные подобным образом отряды, хотя и густо разбавленные офицерскими и кулацкими элементами, не всегда могли служить надежной опорой белогвардейцам. Наоборот, попавшие в белогвардейские отряды революционные элементы делали все возможное, чтобы помочь красным. Полковник Лазарев в июне докладывал съезду о том, что на правобережном фронте кто-то умышленно испортил оружие и пулемет.³

Были и другие факты сознательной работы революционных казаков против белогвардейцев. Иногда революционная агитация помогала вывести из строя целые группы. Так, казаки, назначенные от станицы Рассыпной для разрушения железнодорожного пути, отказались выполнить приказ штаба и ушли домой. Казаки станицы Рычковской под влиянием революционных казаков решили даже отозвать с фронта сформированный ими отряд.

БОРЬБА В КРАСНОХОЛМСКОМ РАЙОНЕ

Были станицы, которые в течение очень долгого времени стойко боролись против белогвардейцев. Из таких станиц заслуживают быть особо отмеченными Краснохолмская и Красноярская. В этих станицах были большевистские группы бывших фронтовиков, возглавлявшие борьбу трудового казачества против белогвардейцев.

Еще в марте белогвардейцы, готовя поход на

¹ «Голос трудового казачества» № 29, 29. V. 1918.

² Там же, № 42, 13. VI. 1918.

³ Протоколы съезда, стр. 69.

Оренбург, начали формировать в Красноярской станице отряд. Белогвардейскую организацию там возглавлял подъесаул Богданов. Когда Богданов увидел, что фронтовиков привлечь в свой отряд ему не удастся, он начал принудительную мобилизацию казаков младших возрастов, не бывших еще на военной службе, а потому мало еще разбивавшихся в политической обстановке.

Однако фронтовики взяли молодежь под свою защиту и не дали белогвардейцам взять ни одного молодого казака.

После этого станичное общество окончательно разделилось на две враждебные друг другу группы. Большинство, состоявшее из трудовых казаков, шло за большевистской группой фронтовиков. Меньшинство же, состоявшее из зажиточных, главным образом стариков, шло за белогвардейцами и возглавлялось станичным атаманом.

Для того чтобы более успешно бороться с белогвардейцами, революционная часть казачества организовала свой станичный совет, который руководил в дальнейшем всей борьбой с белогвардейцами и фактически выполнял функции ревкома.

Из зажиточных казаков Богданову удалось сколотить небольшой отряд, который был им отправлен в поселок Никольский. Богданов предполагал пополнить отряд в станице Городищенской и поселке Никольском. Красноярские фронтовики, узнав об этом, отправили в Городищенскую станицу телеграмму с призывом не давать Богданову ни одного казака, а отправленному в Никольский отряду было дано приказание вернуться в Краснохолмскую.

Цель ревкома была достигнута. Отряд из Никольска вернулся и распался. Сам Богданов был задержан в Краснохолмской станице. Казаки выпоролы его нагайками, сорвали с него погоны и выпроводили из станицы.

Таким образом затея белогвардейцев — организовать наступление на Оренбург со всех сторон — по-

терпела крах. Набег произвели офицерско-кулацкие элементы станиц Красногорской, Благословенной, Неженской, Вязовской и Островной. Но благодаря тому, что Богданову не удалось сформировать отряд и произвести удар на Оренбург с югозападной стороны, как было условлено, оренбургским большевикам сравнительно легко удалось отбить нападение. Если бы красноярские и краснохолмские фронтовики не воспрепятствовали белогвардейской мобилизации, весьма возможно, что 4 апреля белогвардейцам удалось бы закрепиться в Оренбурге.

После изгнания белогвардейского агента из Красноярской и Краснохолмской станиц фронтовики и их ревком еще более усилили свою деятельность по организации отпора контрреволюции, причем эту деятельность они распространили и на соседние станицы и поселки. В противовес белогвардейскому съезду в Нижнеозерной фронтовики созвали в Краснохолмской свой съезд представителей из окружающих станиц с целью объединения фронтовиков и революционной части казачества левого берега Урала.

На съезде присутствовало около 40 человек из станиц и поселков: Краснохолмской, Городищенского, Никольского, Чесноковской, Красноярской и ряда других.

Съезд еще более способствовал сплочению революционных сил казачества Краснохолмского района. С этого времени во многих станицах района белогвардейцы уже не могли открыто проводить мобилизации казачества и занимались вербовкой в свои отряды почти нелегально.

Для того чтобы получить оружие и установить связь с советским Оренбургом, фронтовики Краснохолмской посылали туда своих представителей. Однако этим товарищам не удалось прорваться к Оренбургу через кольцо белогвардейщины. Один из них, Давыдов Павел, был белогвардейцами расстрелян, а другому удалось бежать.

Несмотря на острый недостаток оружия, краснохолмские фронтовики совместно с фронтовиками соседних станиц деятельно готовились к вооруженной борьбе с контрреволюцией. Во многих поселках и станицах были созданы боевые группы, готовые выступить против белогвардейщины. Они вели пропаганду и среди казаков тех отрядов, которые белогвардейцам удавалось сформировать, а также среди населения. Они выпустили даже листовку, в которой объясняли сущность белогвардейского движения и разоблачали лицо главарей этого движения и офицерства.¹

Работа краснохолмцев не была безрезультатна. Охваченные их влиянием станицы не давали белогвардейцам мобилизовать казаков. В белогвардейских отрядах также начала сказываться агитация краснохолмцев. В начале мая с фронта от одного из отрядов в Краснохолмскую приезжали даже делегаты для переговоров о совместных действиях против белогвардейского штаба.² Белогвардейский штаб и съезд, находившиеся в это время в станице Кардаиловской, учтя опасное соседство с краснохолмцами, вынуждены были в начале мая «по стратегическим соображениям» переехать в станицу Линевскую.

Одновременно с этим белогвардейский штаб решил ликвидировать «большевистское гнездо» в Краснохолмской. 4 мая карательный отряд пытался захватить станицу Краснохолмскую. Однако краснохолмцы успешно отразили нападение отряда, и последний позорно бежал, потеряв 2 убитыми и 2 ранеными.³

31 мая белогвардейский съезд обсуждает вопрос о борьбе с краснохолмцами и решает вновь «командировать отряд конных казаков с оружием под общей командой опытного офицера, которому пору-

¹ Материалы Истпарта, ф. VII, д. 13, стр. 7.

² Там же.

³ П. Безукманов, Воспоминания, рукопись, архив Истпарта.

чить окружить станицу и предъявить ей требование выдать все винтовки и главарей».¹

В ночь на 3 июня карательный отряд пытался захватить Краснохолмскую, но вновь был отбит фронтовиками.

После этой неудачи отряд отправился в Красноярскую станицу. Окружив ее со всех сторон, белогвардейцы потребовали прислать к ним делегацию для переговоров. Фронтовики послали двух делегатов, одного из которых белогвардейцы зарубили, а другого отпустили для сообщения об этом фронтовикам.

Возмущенные фронтовики открыли по белым стрельбу. Бой длился несколько часов. Так как у фронтовиков вышли все патроны, они вынуждены были прекратить сопротивление. В этом сражении фронтовики потеряли убитыми и ранеными 23, а белогвардейцы — 18 человек.

Захватив станицу, белые начали производить там расправу. Более 20 человек было расстреляно, а другая группа в несколько десятков человек жестоко выпорота нагайками. После экзекуций казаков погнали к присяге на «верность» Дутову и отправили на фронт против красных.

Вскоре после разгрома красноярцев такая же участь постигла и краснохолмцев. Вокруг Краснохолмской были стянуты значительные силы белых, которые отрезали сообщение краснохолмцев с окружающими станицами. На помощь краснохолмцам сумел пробиться лишь отряд в 35 человек из Городищенской станицы. Фронтовики были окружены, у них вышли все патроны. Дальнейшая борьба была невозможной, и они решили сдаться.

Часть наиболее активных фронтовиков сумела скрыться и пробраться к красным. Все остальные попали в руки белых, которые подвергли их жесточайшим пыткам.

¹ Протоколы съезда, стр. 66 — 67.

* * *

Борьба революционной части казачества станиц Краснохолмской, Красноярской, Городищенской и других, находившихся все время в окружении белогвардейских отрядов, имела огромное значение. Здесь был создан по сути дела разъединяющий барьер между оренбургским и уральским казачеством. Этот барьер не давал возможности контрреволюционным группам низовых станиц перерезать железнодорожный путь в районе станций Переволоцк и Сырт. Благодаря самоотверженной борьбе революционного казачества Краснохолмского района в тылу у белогвардейцев руки белого штаба были связаны. Постоянная угроза с тыла не давала возможности белым окружить Оренбург плотным кольцом.

Но если значительная часть казачества шла за контрреволюционным съездом и оказывала ему помощь, то так называемые «иногородние», за исключением кулацких элементов, совершенно не поддерживали контрреволюционное движение и активно помогали Советам в их борьбе с дутовщиной. Характерным для настроения бедняцко-средняцких слоев «иногородних» крестьян является постановление общего собрания «разночинцев крестьян и мусульман» поселка Звериноголового. Это собрание, совершенно необычайное по количеству присутствовавших на нем (1150 человек), в своем постановлении заявило:

«1) Ввиду того, что некоторые казаки данного поселка и окружающие дутовские агенты вербуют партизанские отряды для борьбы с советской властью и под угрозой пытались получить крупную сумму денег с разночинцев Звериноголового поселка на содержание дутовских банд,— в выдаче таких денег дутовцам отказывать, а впредь... как можно мешать набору отрядов.

2) Обязать носить оружие и приобрести всякого рода оружие для борьбы с дутовскими бандами

и давать им отпор и самое ожесточенное сопротивление...

3) Не подчиняться казачьему звериноголовскому совету до тех пор, пока он не будет стоять на платформе советской власти, а не дутовской, как сейчас он стоит, и не удалит тех лиц, которые вербовали партизанские отряды.

4) Так как казачий съезд состоит из дутовцев, образовать совет крестьянских и мусульманских депутатов, который будет стоять на платформе советской власти...

...6) Поручить произвести совету запись в боевую советскую дружину...

7) Послать делегатов в соседние крестьянские советы солдатских депутатов».¹

Это постановление является типичным для настроений «иногородней» бедноты. Оно знаменательно еще и тем, что русская и татарская беднота, несмотря на раздуваемую кулаками национальную рознь, объединилась для борьбы с дутовщиной.

Со второй половины мая сопротивление бедняцкой части казачества мероприятиям белогвардейского штаба значительно возрастает. Начавшиеся полевые работы требовали присутствия казаков дома, на пашне. Поэтому в станицах все настойчивее начали говорить о мире, о посылке к большевикам мирной делегации. Под напором таких настроений съезд вынужден был 26 мая поставить на своем заседании вопрос о примирении. Однако белогвардейские вожаки предприняли маневр, чтобы обмануть жаждавших мира казаков и свалить вину за продолжение войны на большевиков. Вместо переговоров с советской властью о подчинении ей съезд выработал свои требования, которые поручено было делегации предъявить Оренбургскому совету. Важнейшие пункты этого требования сводились к следующему:

¹ «Голос трудового казачества» № 7. 25. IV. 1918.

«1. Оренбургский губернский исполнительный комитет советов рабочих и крестьянских депутатов признает согласно последовавшему распоряжению Совета народных комиссаров автономию Оренбургского казачьего войска и неприкосновенность его территории.

2. Исполнительный комитет гарантирует созыв войскового съезда в городе Оренбурге. Съезд должен восстановить нарушенные работы войскового самоуправления.

3. Исполнительный комитет ни в какие дела казачьего самоуправления вмешиваться не должен.

4. Полное прекращение преследования казаков.

5. Оренбургское войско со своей стороны признает центральную власть советов народных комиссаров.

6. Никаких посягательств на права населения города Оренбурга и Оренбургской губернии войско иметь не будет, а равно не будет вмешиваться в деятельность существующих там учреждений.

7. Ввиду ненормальности работ в общественных учреждениях теперь же предоставить право городскому и крестьянскому населению произвести свободные выборы должностных лиц общественных учреждений.

8. Для спокойствия населения—полное разоружение Красной гвардии и армии впредь до организации охраны города вновь избранными общественными учреждениями».¹

Главарь белогвардейского движения заранее учитывали, что подобные «мирные предложения», требующие не что иное, как «полное разоружение Красной гвардии и армии» (при оставлении оружия у белогвардейцев), будут отвергнуты, а это дало бы в их руки некоторый козырь при новых мобилизациях. Однако через два дня съезд и это свое постановление отменил. Отмена была мотивирована тем, будто бы большевики эвакуируют Оренбург.

¹ Протоколы съезда, стр. 52—53.

Разумеется, ни о какой эвакуации советского Оренбурга в тот момент не могло быть и речи. Это был один из маневров главарей белогвардейского движения.

Криками о полном «разгроме» большевиков белый штаб надеялся удержать на фронте казаков, вселить в них надежду на близкое падение советской власти.

Но помимо этого есть серьезные основания предполагать, что отмена решения о начале переговоров с большевиками вызвана была тем, что штаб получил сообщение о предполагаемом выступлении чехословацких войск.

Это подтверждает один из активных участников событий в Краснохолмской станице. Этот товарищ в своих воспоминаниях сообщает, что в дни, когда белый штаб отменил свое решение о переговорах с советской властью, краснохолмский революционный штаб перехватил почту белого штаба. В этой почте революционный штаб обнаружил секретное сообщение белого штаба начальникам отдельных белогвардейских отрядов и «фронтов» о предполагаемом выступлении чехословацких войск.¹

Краснохолмский революционный штаб пытался послать с этим сообщением своих курьеров в Оренбург. Но белогвардейцы очень зорко следили за Краснохолмской станицей, и ее курьерам не удалось прорваться сквозь белогвардейские заставы.

Полученное белогвардейцами сообщение о выступлении чехословацких войск послужило причиной резкого изменения тактики белого штаба. С этого времени он развил бешеную агитацию против большевиков, возводя на советскую власть неслыханную клевету и стремясь таким образом подготовить почву для нажима на Оренбург одновременно с выступлением контрреволюции в других частях Советской республики.

¹ Архив Истпарта, ф. VII, д. 13, стр. 9.

Итак, с первых же дней после взятия советскими войсками Оренбурга он оказался во вражеском кольце. Оренбургским большевикам пришлось находить, не выпуская из рук винтовки, организовывать и укреплять советскую власть. Перед оренбургскими рабочими и передовым отрядом рабочих — большевистской организацией — встали сложнейшие и ответственные задачи. Нужно было ликвидировать многочисленные гнезда контрреволюции в станицах. Одновременно нужно было налаживать производство в Оренбурге, ибо буржуазия приостановкой работы различных заводов и предприятий стремилась оказать помощь контрреволюции и дезорганизовать жизнь в Оренбурге.

В этой ожесточенной схватке с контрреволюцией рабочие показали высокие образцы классовой сознательности и революционной дисциплины.

В апреле оренбургские железнодорожные мастерские в невероятно тяжелых условиях отремонтировали 13 паровозов¹ и тем самым дали возможность поддерживать непрерывную связь центра Советской республики со Средней Азией.

Невероятные трудности, которые приходилось преодолевать оренбургским большевикам, увеличивались еще в связи с предательской деятельностью верных союзников Дутова — меньшевиков. Формально они заявили о своем «нейтралитете» в борьбе советской власти с контрреволюцией. В действительности они вели бешеную борьбу против революционной власти и всеми доступными им средствами стремились разложить тыл большевиков.

Меньшевистская газета, продолжавшая регулярно выходить и после установления советской власти, метала по адресу большевиков гром и молнию, всячески стремясь подорвать веру рабочего класса

¹ АОР, ф. 1235, отд. общ., оп. 52, д. 21, ч. 1, л. 58.

в свои собственные силы и в способности большевиков стоять во главе рабочего класса.

Наглость и развязность меньшевиков дошли до того, что первого мая они устроили отдельный митинг, на котором занялись гнусной травлей советской власти и большевиков. Особенное бешенство соглашателей вызвало то, что революционные пролетарии под руководством большевиков вышли первого мая на улицу с оружием в руках. Меньшевики считали оскорбительным для Первомайского праздника то, что рабочий крепко держал в своих руках оружие, готовый для борьбы с контрреволюцией.

«Вот если бы с оружием в руках,— писала по этому поводу большевистская газета,— появились шайки дутовских офицеров и юнкеров, о, тогда бы меньшевики не возмущались, а создали бы вместе с ними «Комитет спасения родины и революции».¹

Контрреволюция делала отчаянные усилия, чтобы вновь овладеть Оренбургом. Вооруженных сил в Оренбурге было совершенно недостаточно, чтобы успешно бороться с многочисленными белогвардейскими отрядами. Были моменты, когда Оренбург оказывался совершенно отрезанным и со стороны Самары и со стороны Актюбинска. Те небольшие отряды, которые посылались для борьбы с контрреволюцией в станицы, часто также оказывались отрезанными.

Так, во внутренней сводке оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам на 17 мая говорилось:

«Оренбург со всех сторон отрезан казаками от Самары и Ташкента...

В Илецкой защите Жлобинский отряд (70 человек) и 1-й Северный партизанский (250 человек) окружены казаками, на станции Желтая 300 красноармейцев также окружены ими; севернее этой стан-

¹ «Известия оренбургского губисполкома» № 68, 10. V. 1918.

ции, в с. Спасском, окружена еще одна группа в 300 человек».¹

Но советские отряды вновь напрягали силы и не только выбивались из окружения, но и часто заставляли белогвардейцев отступать. Для того чтобы нанести контрреволюции решительный удар, в середине мая оренбургский военно-революционный штаб объявил мобилизацию всех рабочих в возрасте от 18 до 45 лет.

Это мероприятие, вызванное исключительными обстоятельствами, встретило бешеное сопротивление меньшевистских лидеров. 15 мая на собрании Оренбургского совета обсуждался вопрос о мобилизации. Лидер меньшевиков Семенов выступил против этой меры и открыто заявил, что «если меньшевики войдут в среду мобилизованных рабочих, то они будут стараться дезорганизовать армию».²

Это исключительное по наглости заявление меньшевистского главаря вызвало бурю возмущения рабочих, которые дали ему жесточайший отпор. В знак протеста против мобилизации и с целью дезорганизации и срыва собрания меньшевики демонстративно покинули собрание.

Подобным же образом действовали меньшевики и на тех рабочих собраниях, где обсуждались практические мероприятия в связи с мобилизацией.

16 мая во время собрания рабочих депо и паровозных бригад меньшевики мобилизовали все свои силы, чтобы сорвать мероприятия по борьбе с дутовщиной. Случайно оказавшийся председателем собрания меньшевик нарушал элементарные правила ведения собрания, чтобы только не дать большевикам возможности разоблачить меньшевистскую политику. Тогда большевики предложили тем рабочим, которые были готовы с оружием в руках за-

¹ АОР, ф. 130, сер. Б—1918, оп. 2, д. 122, л. 11.

² «Известия оренбургского губисполкома» № 73, 16. V. 1918.

щищать советскую власть, перейти в другое помещение и открыть свое собрание. Подавляющее большинство рабочих последовало за большевиками. Это новое собрание приняло резолюцию, в которой заявило, что все рабочие депо, кроме трусов и шкурников, как один встанут под ружье на защиту завоеваний Октябрьской революции.

Такой же отпор получили меньшевики и на других предприятиях. Так например, рабочие булочных, хлебопекарен и кондитерских на своем общем собрании 19 мая единодушно решили «по первому зову оставить работу и идти в ряды Красной армии».¹ Еще более решительно высказывались рабочие оренбургских железнодорожных мастерских Ташкентской дороги.

«В советской власти видим,—заявили они в своей резолюции,—единственную власть рабочего класса. Всякое покушение, с чьей бы стороны оно ни исходило, на эту власть, нами будет беспощадно караться.

В борьбе с контрреволюцией нами не будет сложено оружие до тех пор, пока она не будет совершенно побеждена.

Все рабочие, защищающие советскую власть, под ружье!»²

Пополнение советских отрядов революционными рабочими, а также прибытие на помощь Оренбургу отрядов тт. Блюхера из Челябинска и Н. Каширина из Верхнеуральска не замедлило сказаться на фронте. Эти отряды имели несколько успешных сражений с белогвардейцами, в результате которых Оренбург был освобожден от белогвардейского обложения.

Для белогвардейщины наступили критические дни.

¹ «Известия оренбургского губисполкома» № 80, 25. V. 1918.

² Там же, № 78, 23. V. 1918.

НАТИСК КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Нет никакого сомнения в том, что если бы контрреволюционная верхушка казачества не получила помощи извне, то советским отрядам вскоре удалось бы окончательно ликвидировать белогвардейские скопления в низовых станицах. Но вышло иначе. Вскоре казачья контрреволюция получила помощь. Эта помощь пришла в виде чехословацкого мятежа и самарской учредилки.

Чехословацкий мятеж был организован, как известно, Антантой.

Еще в ноябре 1917 года, т. е. вскоре после Октябрьской революции, союзники решили использовать для борьбы с советской властью находившийся на территории России чехословацкий корпус, организованный при Временном правительстве из военнопленных (перебежчиков) чехов и словаков. В мае 1918 года, когда эшелоны чехословацких войск под видом эвакуации во Францию были разбросаны по железной дороге от Пензы до Владивостока, начался мятеж.

8 июня чехословацкими войсками была занята Самара, и власть была передана контрреволюционному Комитету членов Учредительного собрания (Комуч), состоявшему из эсеров.

Одновременно усилиями тех же чехословацких войск советская власть была свергнута и в Сибири, и там также было создано контрреволюционное правительство.

Вскоре белогвардейскому штабу в низовых станицах из Самары окружным путем было доставлено весьма значительное количество винтовок, пулеметов, снарядов и патронов. После этого отряды Самарского комуча совместно с чехословацкими частями повели наступление против отрядов Красной армии, находящихся в районе Бузулук—Оренбург. Со своей стороны, белогвардейский штаб, получив оружие и патроны, усилил нажим на Оренбург.

Вместе с тем зашевелились офицерско-кулацкие элементы северных районов Оренбургского края (2 и 3-й отделы), где до этого белогвардейское движение было совершенно незначительно.

В этих районах белогвардейцами была объявлена всеобщая мобилизация казачества, и вновь формируемые белогвардейские отряды начали борьбу против Оренбурга.

Дутов, находившийся с отрядом около 600 человек (большинство из них—офицеры) в Тургае, также двинулся оттуда и устремился в промежуток между Орском и Актюбинском, спеша в Оренбург, чтобы возглавить движение.

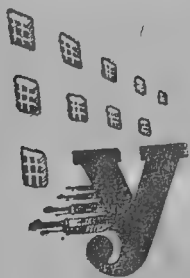
Этот соединенный натиск на Оренбург со всех сторон во много раз сильнее противника не мог быть выдержан советскими отрядами. В последних числах июня решено было эвакуировать Оренбург.

Эвакуация началась 30 июня. В ночь на 2 июля эвакуация была закончена. Отряды советских войск под командой тт. Блюхера и Н. Каширина отошли к северовостоку от Оренбурга, к Красной мечети. Часть оренбургского гарнизона, а также отряды, действовавшие на Бузулукском фронте (под командой т. Зиновьева), отошли от Ташкентской железной дороги в район Актюбинска.

Из группы т. Зиновьева выделился орский отряд в составе 200 человек конницы, около 400 человек пехоты и одного батальона Оренбургского полка. Эти части отступили на Орск.

В БЕЛОМ ОРЕНБУРГЕ

ДНИ ЧЕРНОЙ РЕАКЦИИ

тром 3 июля в Оренбург вступили казачьи части белого штаба, а 4 июля туда с целью «утверждения власти Учредительного собрания» прибыл чрезвычайный уполномоченный Самарского комитета членов Учредительного собрания И. П. Нестеров. Нестеров организовал в Оренбурге особый комитет уполномоченных Комуча, в состав которого вошли: член Самарского комуча И. П. Нестеров, атаман 1-го казачьего округа К. Л. Каргин и П. В. Богданович.¹

7 июля в Оренбург прибыл атаман казачьего войска полковник Дутов и сразу же начал распоряжаться по-своему. Комитету уполномоченных пришлось вступить с ним в дипломатические переговоры. Дутов не имел склонности к уступкам самарской «демократии». В конце концов Комучу пришлось ввести Дутова в оренбургский комитет уполномоченных на правах главноуполномоченного

«Вестник Комуча» № 5, 14. VII. 1918.

Комуча. Таким образом Самарский комитет членов Учредительного собрания сразу передал всю полноту власти в Оренбурге в руки черносотенной военщины.

Захватив в Оренбурге власть, Дутов сразу же ввел там небывалый по своей дикой жестокости режим для трудящихся. Еще до прибытия Дутова, 4 июля появился приказ комитета уполномоченных Комуча, грозивший смертной казнью за укрывательство большевиков и красноармейцев, за возбуждение сословной и классовой вражды и за призыв к забастовке.

Вполне понятно, что подобный приказ означал не что иное, как введение военной диктатуры кучки черносотенного офицерства. В городе началось систематическое истребление всех сколько-нибудь подозреваемых в большевизме лиц, тюрьма быстро заполнилась трудящимися, подвергавшимися там небывалым издевательствам. В самых широких размерах практиковалась порка в чем-либо провинившихся или просто неугодных новой власти лиц.

Чтобы без всякой помехи совершать расправы и вводить «порядок», Дутов ввел строжайшую цензуру органов печати. Этой цензуры не избежала и меньшевистская газета «Рабочее утро», несмотря на то, что меньшевики активно помогали Дутову. Цензура называлась военной, т. е. она введена была под флагом охраны военных тайн. Но военной она была лишь по названию. Как впоследствии сообщила газета «Рабочее утро», ни разу карандаш цензора не коснулся военного сообщения. Зато он очень усердно гулял по политическим статьям и даже телеграммам. Под особым запретом были слова «трудовое», «рядовое казачество», всякое упоминание о наличии реакционных сил и контрреволюционной опасности, слова осуждения по поводу наложенной Дутовым контрибуции на рабочих, о тяжелом положении политических заключенных и т. д. Под особую защиту были взяты кадеты,

и это понятно: у Дутова и у кадетов были одна цель и одни задачи.

Не избежали дутовской цензуры даже телеграммы информационного отдела Самарского комуча.

Дутов на этот раз бросил игру в «демократию». Еще раньше, до взятия Оренбурга, офицерство из главного штаба, организованного при съезде делегатов объединенных станиц, забрало в свои руки всю власть, предоставив съезду лишь заботы о снабжении отрядов, агитацию в станицах и т. п. Вскоре съезд был лишен главенствующего значения и формально.

Если раньше главный штаб находился при съезде и ему был подотчетен, то позже положение коренным образом изменилось: съезд стал числиться при главном штабе, превратившись в подсобный и подчиненный штабу орган.

Вскоре после переезда в Оренбург съезд вынужден был обсуждать на своем заседании вопрос об отношении к нему войскового правительства.

«Казачий круг объединенных станиц,— читаем мы в решении съезда,—счел нужным перейти в город Оренбург для дальнейшей своей работы. Но, к великому сожалению, здесь он не видит внимания со стороны своего же только что прибывшего войскового правительства, а потому круг постановил срочно запросить оренбургское правительство:

1. Нужен ли, по мнению правительства, для пользы войска казачий круг?

2. Если нужен, то круг заявляет, что все распоряжения должны исполняться точно и своевременно.

Все распоряжения правительства, сопряженные с переживаемым моментом, кроме чисто оперативных, должны издаваться с ведома и согласия казачьего круга.

3. Если ответа сегодня не последует или, последует неудовлетворительный, то круг прекращает

свои занятия и разъезжается по станицам для доклада и отдания отчета перед избирателями».¹

Не известно, как реагировало дутовское правительство на это решение. Во всяком случае круг не выполнил свою «угрозу» о разъезде по домам. Однако вскоре круг вновь возвратился к вопросу о взаимоотношениях с правительством. В новом решении по этому вопросу круг заявил, что «некоторые члены войскового правительства на делегатов (круга) обращают холодное внимание, а именно: полковник Половников и другие члены правления обращались с делегатами не как с народными избранниками и уполномоченными круга, а как с нижними чинами во время царского режима».²

Однако эти слезницы не помогли кругу, который, выполнив свою задачу первоначального организатора контрреволюционных сил, стал теперь уже не нужен Дутову. Вскоре после этого круг признал свою миссию законченной и разъехался по домам.

Точно так же поступил Дутов и с прежними своими союзниками — эсерами и меньшевиками. Не мешая им вести антисоветскую агитацию, он не стал создавать на этот раз никаких комитетов спасения, предпочитая осуществить единоличную военную диктатуру.

Всякое проявление недовольства жестоко каралось. Несмотря на все это, рабочие не мирились с положением и всеми доступными им средствами протестовали против произвола и насилий. В частности рабочие неоднократно пытались протестовать против насилий через печать. Однако дутовская цензура оставляла от этих протестов только подписи, а все остальное тщательно вычеркивалось.

Наступили дни самой черной и жестокой реакции, какую когда-либо видел Оренбург.

¹ Протоколы круга, стр. 185.

² Там же стр. 293.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ

Приход Дутова к власти вызвал жесточайшее наступление буржуазии на рабочий класс. Это наступление активно поддерживалось дутовской властью, которая с первых же дней взяла рабочих в железно.

4 июля появился знаменитый приказ № 2 по Оренбургскому войску и Оренбургской губернии за подписью временно исполняющего обязанности войскового атамана Каргина и уполномоченного Самарского комуча по Оренбургской губернии Богдановича. Этот приказ фактически вводил ничем не прикрытую военную диктатуру.

В приказе между прочим говорилось: «За умышленное укрывательство большевиков и лиц, служивших в Красной армии и Красной гвардии... виновные приговариваются к лишению всех прав состояния и к смертной казни.

Виновные в произнесении или чтении публично речи или сочинения... возбуждающих вражду между отдельными классами населения, между сословиями или хозяевами и рабочими, к устройству или продолжению стачки на заводе, фабрике, горном промысле, в железнодорожных и тому подобных мастерских... приговариваются к лишению всех прав состояния и к смертной казни».

Таким образом смертью карались не только большевики и красноармейцы, но и те, кто укрывал их, т. е. не доносил о них в контрразведку. Смертью каралось и «возбуждение вражды» между хозяевами и рабочими, а также и призыв к забастовке. Вполне понятно, что после такого приказа рабочий не мог сказать слова против хозяина или администрации предприятия, ибо за это слово он рисковал жизнью.

Прибыв в Оренбург, Дутов также вспомнил о рабочих и их помощи большевикам. 11 июля появился следующий приказ за подписью самого Дутова:

«Жителям пригородных слобод города Оренбурга: «Нахаловка», «Новые места» и «Кузнечные ряды», а также иногородним Форштадта, как принимавшим активное действие совместно с большевиками... приказываю уплатить контрибуцию в размере 200 тысяч рублей не позже 12 часов дня 19 июля».

Эти пригородные слободы были населены исключительно рабочими, и Дутов не считал нужным скрывать, что контрибуцию он накладывает на тех, кто принимал «активное действие совместно с большевиками».

Заводчики и фабриканты, опираясь на штыки белогвардейщины, не замедлили открыть поход против рабочих и их профессиональных организаций. Предприниматели сразу же перестали считаться с действовавшими до тех пор тарифными ставками и прекратили взносы в кассу безработных и в больничную кассу. С фабрично-заводскими комитетами предприниматели не только перестали считаться, но и начали чинить на них всяческие гонения. Предприниматели стали пачками выбрасывать рабочих с предприятий без какого бы то ни было предупреждения. Зарплата повсеместно была понижена, рабочий день удлинен.

Если даже судить о положении рабочих по тем обрывкам сведений, которые иногда проникали в подцензурную печать, и то можно получить довольно яркое представление о царившей реакции и произволе предпринимателей и властей по отношению к рабочим. Так например, самарская «Вечерняя заря» сообщила 11 июля, что «даже городской голова пытался раскассировать комитеты рабочих и служащих в городских предприятиях». Работницам овчинного завода известного оренбургского богача Аюпова предприниматель понизил зарплату,¹ а администрация завода Орлес удержала из очередной полочки рабочих сумму прибавки, которой рабочие

¹ «Рабочее утро» № 46, 24. VII. 1918.

добились от предпринимателей при советской власти.¹

Еще более разительный случай произошел в железнодорожных мастерских. Администрации нужны были три квалифицированных токаря. Она потребовала их от профсоюза, который направил троих рабочих. Администрация предложила присланным рабочим сдать пробу. Но не успели эти рабочие встать за станки, как им сообщили, что они на работу приняты не будут.

Оказалось, что, пока рабочие шли в мастерские к станкам, администрация ознакомилась со старыми списками уволенных рабочих. Один из присланных рабочих в 1907 году был уволен за участие в забастовке. На этом основании администрация отказалась принять рабочих на работу...²

Можно себе представить общий режим в Оренбурге и положение рабочих, если предприятия извлекали на свет божий черные списки за 1907 год!

В мелких мастерских нажим предпринимателей на рабочих был еще злее. Характерное письмо каким-то образом проскользнуло в печать от группы рабочих столярной мастерской. В этом письме, подписанном «группой прижатых рабочих», они, обращаясь к «товарищам казакам», пишут:

«Мы, рабочие столярной мастерской, обращаемся к вам с вопросом: неужели вы, такие же труженики, как и мы, пробились сюда в Оренбург... для того, чтобы в угоду местных капиталистов отдать нас... свободно брать за горло и насильственно заставлять работать даже в том случае, если нашего заработка не хватало для прокормления самого себя и нашего пострадавшего семейства?... Вот например, наш работодатель предъявил ультимативные требования. Обращаясь к нам письменно, он пишет так: если хотите работать по 14 руб... то работайте, а если

¹ «Рабочее утро» № 48, 26. VII. 1918.

² Там же, № 49, 27. VII. 1918.

нет,—то можете уходить. Таким путем берут нас за горло наши работодатели на другой день вашего прихода... Двоих из нас увольняют вовсе с работы». ¹

Как видно из этих фактов, которые можно было бы продолжить, Дутов ввел такой режим, какому мог позавидовать любой царский вешатель. Однако меньшевики считали, что дутовщина — это и есть та долгожданная «демократическая» власть, о которой они мечтали. По крайней мере, этот момент наибольшего разгула белого террора и жестокого похода буржуазии и власти против рабочих оренбургские меньшевики сочли наиболее удобным, чтобы объяснить Дутову в своих верноподданнических чувствах и заодно предложить ему свои услуги в качестве верных союзников. На страницах своей газеты, в передовой статье, меньшевики 23 июля, повторив грязную клевету на советскую власть, заявили:

«Она («демократия», т. е. меньшевики.— Ф. П.) считает, что может и должна войти как составная часть в общий государственный аппарат».

Касаясь далее принципа организации власти в Оренбургской губернии и сообщая о решении Кому-ча об организации власти отдельно для гражданского (не-казацкого) и войскового (казацкого) населения, газета приходит в восторг. Такой порядок, по мнению газеты, обеспечит «новую связь между носителями власти демократическими общественными силами» и «кладет конец безответственности власти». ²

Таким образом меньшевики официально предложили Дутову свою помощь, надеясь, что он, помня их заслуги перед ним в обмане трудящихся, примет их предложение.

Однако Дутов теперь уже мало нуждался в меньшевистской помощи, и предложение меньшевиков осталось без ответа.

¹ «Рабочее утро» № 36, 11. VII. 1918.

² «Рабочее утро» № 45, 23. VII. 1918.

Но это не значит, конечно, что сотрудничество меньшевиков с дутовщиной было прервано. Несмотря на неоднократные пощечины, которыми Дутов награждал меньшевиков, они преданно выполняли взятые на себя задачи — удерживать революционную массу от активных действий против дутовщины, внедрять в сознание этой массы иллюзии относительно дутовской власти, а заодно клеветать на большевиков и советскую власть, всячески доказывая «вредность» для рабочих диктатуры пролетариата.

17 июля 1918 года меньшевики с разрешения начальства созвали рабочую конференцию. Выборы на эту конференцию происходили в обстановке небывалого террора против большевиков и рабочего класса. Поэтому на нее не могли попасть не только большевики, но и сколько-нибудь революционные элементы.

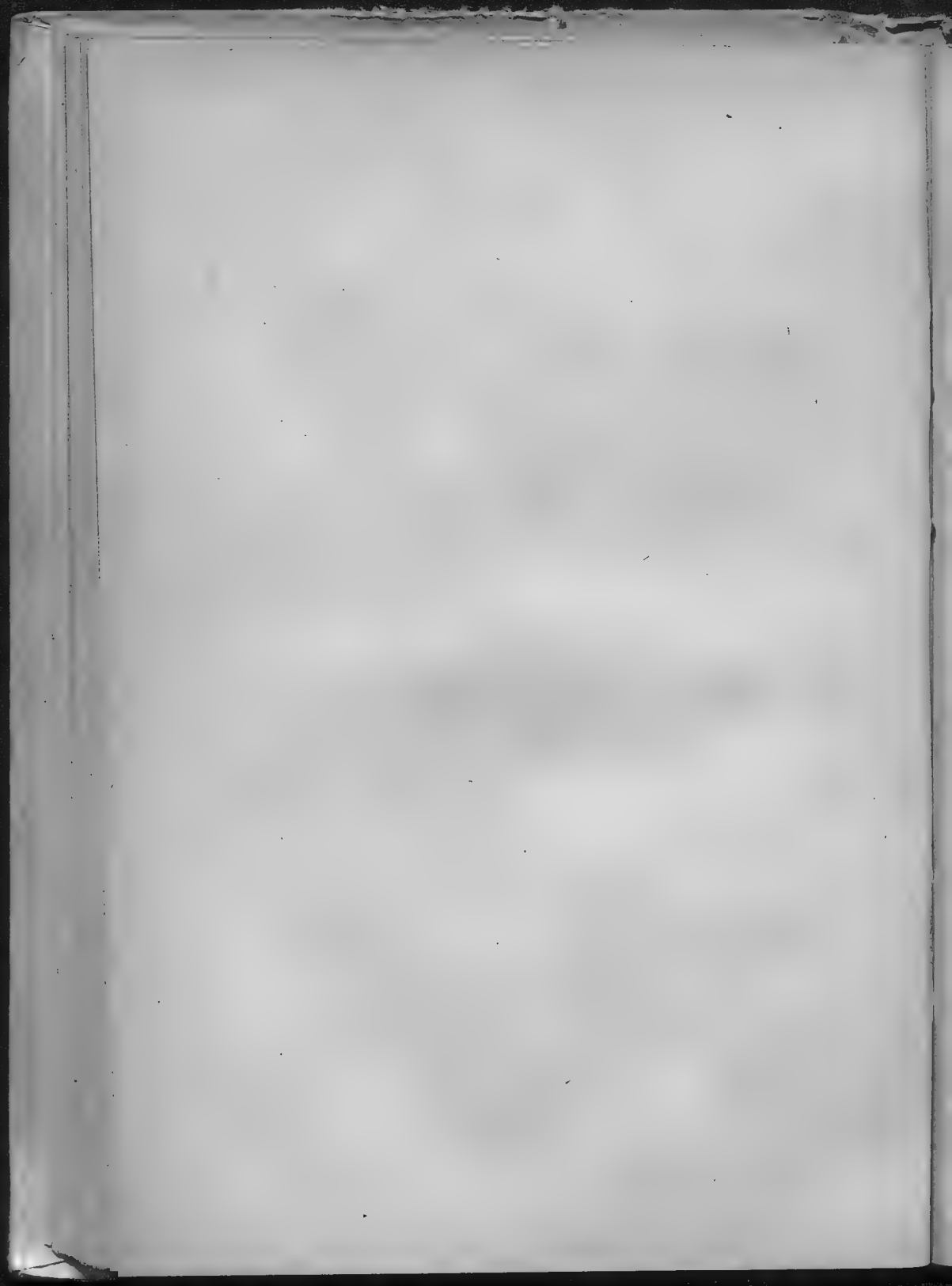
Конференция состояла из тех немногочисленных верхушечных слоев рабочих, из среды которых меньшевикам еще удавалось вербовать своих сторонников.

Вместо того чтобы разоблачить контрреволюционную диктатуру Дутова и призвать рабочих к борьбе с ней, меньшевистские лидеры делали все возможное, чтобы организовать активную помощь дутовщине. Совместно с эсерами меньшевики провели на конференции резолюцию о поддержке призыва в «Народную армию».

Беззастенчивой демагогией отвлекая рабочих от действительной борьбы с дутовщиной, меньшевистские лидеры старались внушить рабочим, что при существующей власти рабочие мирным путем могут добиться улучшения своего положения. Меньшевики особо рьяно ухватились за организацию комиссариата труда. Выступая на рабочей конференции по поводу этого комиссариата труда, меньшевистский лидер Семенов патетически восклицал: «Комиссариат труда будет той скалой, о которую разо-

Красные командиры, руководившие военными операциями против дутовщины в первый период: справа налево: гг. И. Каширин, Н. Зиновьев, Павлов и в центре т. Блюхер.

бьется всякая попытка урезать февральские завоевания революции».¹

Меньшевистские лидеры не могли не понимать, что, когда власть находится в руках буржуазии и реакционной военщины, эта картонная меньшевистская «скала» будет лишь отвлекать внимание рабочих от настоящей борьбы с дутовщиной, усыплять революционную активность пролетариата. Все это меньшевистские лидеры прекрасно учитывали. Именно поэтому они разводили демагогию.

БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ ЗА РАБОТОЙ

Зверский режим, введенный Дутовым, и общая его политика весьма быстро революционизировали даже и ту часть отсталых рабочих, которая до того либо стояла в стороне от политической жизни, либо шла за меньшевиками. Даже эти рабочие, вопреки стараниям меньшевистских лидеров, поняли, что единственный путь к освобождению от дутовщины — это непримиримая борьба с ней под большевистскими знаменами. И поэтому меньшевики в предложенной ими рабочей конференции резолюции вынуждены были отметить, что мероприятия власти не только не содействуют «освобождению рабочих от иллюзий большевизма, но укрепляют эти иллюзии, вызывают недоверие к власти Учредительного собрания и препятствуют сплочению вокруг нее всех живых сил демократии».²

Следовательно, меньшевики вынуждены были открыто признать, что, несмотря на бешеный террор и демагогию меньшевиков, в рядах рабочих не только не исчезли «большевистские иллюзии», но еще более укрепились. Эти большевистские иллюзии заключались в том, что рабочие целиком были за советскую власть и готовы были за нее бороться до последней капли крови.

¹ «Вечерняя заря» № 112, 1. VIII. 1918.

² «Рабочее утро» № 42, 19. VII. 1918.

Почти вся оренбургская организация большевиков, с оружием в руках борющаяся против контрреволюции, отступила вместе с Красной армией к Актюбинску. Туда же отступила и Красная гвардия, состоявшая из наиболее революционных элементов рабочего класса. Если при этом принять во внимание то обстоятельство, что почти все оставшиеся в городе большевики были Дутовым расстреляны или брошены в тюрьму, станет ясно, что большевистская работа в подполье не могла развернуться широко, особенно в первое время. Тем не менее оставшиеся на свободе большевики ни на минуту не прекращали своей революционной деятельности.

Помимо революционной агитации большевики и группировавшиеся вокруг них революционные рабочие делали все, что было в их силах, чтобы нанести тот или иной урон дутовщине. Так например, 19 сентября в главных мастерских Ташкентской железной дороги был произведен взрыв, которым были уничтожены почти все формы заказанных военным ведомством вещей.¹

Этот взрыв — не единичный факт борьбы большевистских элементов против дутовщины. Поскольку железная дорога служила теперь интересам белых, доставляя на фронт против красных воинские силы, снаряжение и военные припасы, революционные рабочие организовали систематическую порчу паровозов и тем самым затрудняли Дутову сообщение с фронтом. В особом приказе по округу путей сообщения от 15 ноября начальник округа сообщает:

«За последнее время участились случаи порчи паровозов по пути следования с поездами, вследствие чего уменьшилось число здоровых паровозов — явление во время военных действий недопустимое».²

¹ «Оренбургский казачий вестник» № 65, 24. IX. 1918.

² Там же, № 85, 28. XI. 1918.

Таким образом, даже судя по этим случайным источникам, видно, что оставшиеся в городе большевики и пролетариат с приходом Дутова не сложили оружия, а всеми доступными им средствами и методами боролись с дутовщиной.

Борьба с дутовщиной шла не только в городе. В деревнях революционная часть крестьянства, руководимая вернувшимися с фронта и большевистски настроенными фронтовиками, также противодействовала мероприятиям Дутова. Трудящееся крестьянство совершенно перестало платить налоги, что значительно углубило существовавший на территории Дутова финансовый и экономический кризис. Затруднения дутовской власти в связи с отказом от уплаты налогов и других сборов были настолько значительны, что во второй половине ноября губернский уполномоченный «Всероссийского временного правительства» Богданович вынужден был обратиться «к гражданам Оренбургской губернии» с особым воззванием. «В такой момент отказ платить налоги, — писал Богданович, — является тяжким преступлением перед лицом родины».¹

Когда был объявлен призыв в армию двух очередных годов, а позже — младшего комсостава (унтер-офицеров), то никто почти не явился. Пришлось послать по деревням карательные отряды. Зверства и издевательства дутовских карателей над трудящимся крестьянством не поддаются никакому описанию. В арсенале средств «воздействия» на крестьян были: порка, расстрелы, закапывание живых в землю, сожжение живых и т. п. И все же мобилизованных Дутов собрал совершенно ничтожное количество.

Во многих селах революционная часть крестьянства не ограничивалась пассивным сопротивлением Дутову. Террор карательных отрядов, наложение контрибуции на бедняцко-середняцкую часть деревни вызывали в некоторых местах вооруженные вос-

¹ «Оренбургский губернский вестник» № 83, 20. XI. 1918.

стания этого крестьянства. В частности такие восстания были в селах: Иль-Кульган, Каратай и Барсково. Эти восстания с небывалой жестокостью были подавлены дутовскими карательными отрядами. В станицах беднейшая часть казачества, особенно молодежь, также была настроена против дутовщины. Но в станицах кулацко-офицерский слой был гораздо сильнее, чем в неказачьих деревнях, в руках кулаков и офицерства было оружие и все другие средства подавления. Поэтому в станицах белогвардейцам легче было справиться с сопротивлением революционной части казачества. Но и в станицах имело место не мало случаев активной борьбы против дутовщины.

ДУТОВ, САМАРСКИЙ КОМУЧ И СИБИРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Формально в своих декларациях Дутов и возглавляемое им войсковое правительство заявляли себя сторонниками Учредительного собрания и ближайшей целью своей провозглашали борьбу за созыв Учредительного собрания.

«Это кажется смешно,— говорил В. И. Ленин в 1918 году,— как Учредительное собрание могло стать их (Дутова, Краснова.— Ф.П.) лозунгом. Но так вышло, потому что Учредительное собрание собиралось, когда еще буржуазия была наверху. Учредительное собрание оказалось органом буржуазии...»¹

Точно так же и круг объединенных станиц (ранее называвшийся съездом объединенных станиц), после того как казачьи части заняли Оренбург, объявил советскую власть низложенной «именем Всероссийского учредительного собрания».

Прибывший затем полковник Дутов, как мы уже указывали, получил назначение на пост главноупол-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 316.

номоченного Самарского комуча, который в свою очередь черпал свои полномочия из лона Учредительного собрания. Но это назначение Дутова было вынужденным со стороны Комуча, который желал во что бы то ни стало, хотя бы и номинально, «владеть» Оренбургским краем и тем самым иметь больше шансов на создание «всероссийской» власти под эгидой Учредительного собрания.

Сделавшись главным наместником самарской «демократии» и получив от нее чин генерал-майора, Дутов однако не особенно охотно выполнял приказы «высшей власти», а вскоре и совсем перестал считаться с Комучем. Этот его шаг был неизбежным следствием той политической программы, которую он себе наметил. Самарский комуч казался Дутову «слишком красным». Будучи вынужденным в первое время силой военных обстоятельств поддерживать отношения с Комучем в качестве его наместника, Дутов однако всецело был на стороне Сибирского правительства, которое ввело более «твердую власть», чем Самарский комуч.

Вскоре после своего приезда в Оренбург Дутов отправился в Сибирь для переговоров с Сибирским правительством. Поскольку Самарский комуч и Сибирское правительство враждовали между собой, Дутов рассчитывал выторговать для себя наиболее выгодные условия. Одновременно с Дутовым в Сибирь был командирован Брушвит, представитель Самарского комуча, также с целью переговоров и установления единства действий. Здесь Самарский комуч получил от Сибирского правительства жестокую пощечину: Брушвиту председателем совета министров Сибирского правительства было отказано в приеме, а Дутов в это время делал доклад на заседании совета министров и вслед затем вел секретные переговоры с военными кругами Сибири.

Словом, Дутов стремился окончательно выйти из-под опеки Комуча, но, с другой стороны, он не хотел целиком подчиняться и Сибирскому прави-

тельству. Дутову не улыбалась роль представителя какого-либо из правительств. По примеру других контрреволюционных образований Дутов хотел отгородиться «автономией» и вести совершенно самостоятельную политику, единолично управляя краем. Но недостаток сил и материальных возможностей заставлял Дутова лавировать между Самарой и Сибирью и использовать вражду между этими двумя группами в своих целях.

Уже в начале августа Дутов и его войсковое правительство в особой декларации изложили свои планы по поводу будущего устройства казачьей территории. В этой декларации Дутов заявил следующее:

«Вся территория Оренбургского казачьего войска принадлежит ему в силу исторических прав на занятые им земли. Права войска на занятую им территорию, помимо фактических оснований, формально неоднократно признавались и подтверждались в разные времена актами существовавшей государственной власти, как например, положением 1842 года, актом 1916 года. Не подлежит никакому сомнению, что вся войсковая территория принадлежит войску на правах завоевания и ни в каком случае на правах пожалования или дара и что исходившие от государственной власти акты только утверждали истинные права войска на занятые им земли, а не служили источником этих прав.

В силу этого права Оренбургского казачьего войска как права завоевателя распространяются на всю территорию без исключения.

В границах исторического владения, принимая во внимание особенности казачьего быта, самоуправления и военной службы, становится совершенно ясным право самобытности войска, окруженного со всех сторон неказачьим населением, различным по духу и историческим условиям.

Оренбургское казачье войско во все тяжелые дни для государства стояло на страже только обще-

государственных интересов. Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска, основываясь на вышеизложенном и согласно постановлению всех войсковых кругов о конструкции государства российского в виде федеративной республики, полагает своевременным и необходимым объявить территорию войска Оренбургского особой областью государства российского и впредь именовать ее «Область войска Оренбургского».

Здесь, как видим, особо подчеркивается то, что Оренбургское казачье войско владеет землей на правах завоевателя, причем эти права должны распространяться «на всю территорию без исключения», т. е. и на ту территорию, которую занимает неказачье население.

Следуя этой своей программе, войсковое правительство постепенно начало проводить в жизнь ее пункты. Оно сначала обложило пошлиной илецкую соль, а вскоре обнародовало постановление о переходе Илецких соляных копей в собственность Оренбургского казачьего войска. Точно так же оно поступило и с другими горными промыслами, находившимися в пределах Оренбургской губернии. Для управления этой «собственностью» войско создало даже специальный аппарат.

Вполне понятно, что все эти меры вызвали переполох в Самарском комуче. В своем постановлении от 5 августа по вопросу о положении в Оренбурге Комуч решил назначить на пост главноуполномоченного в Оренбурге другое лицо, а пока что командировать туда В. В. Подвицкого в качестве особоуполномоченного Комуча для обуздания дутовских appetitov.

Приехав в Оренбург, Подвицкий пытался дипломатическим путем урегулировать вопрос с Дутовым. 13 августа он созвал специальное совещание для разрешения вопроса «о взаимоотношениях народностей и отдельных самоуправляющихся единиц». На этом совещании Подвицкий пытался добиться неко-

торого ограничения власти Дутова и укрепления власти городского самоуправления, на которое Комуч мог бы опереться.

Однако Дутов и слышать не хотел о проектах Комуча. Сохранившаяся протокольная запись следующим образом излагает речь Дутова по этому поводу:

«Развал казачества в начале борьбы с большевизмом, по его мнению, произошел потому, что казачество не имеет тесной территориальной сплоченности, в земли казаков врезаны крестьянские земли, население которых или сочувственно относилось к большевизму, или в лучшем случае не проявляло активного противодействия ему. Население города Оренбурга тоже можно разделить на две категории — интеллигенцию и темную массу. Эта последняя тоже сочувствует большевикам... В силу изложенного он находит невозможным передачу всей власти городскому самоуправлению.

Выборное начало в области управления для Оренбургской губернии атаман Дутов находит неприемлемым».¹

Комуч так и не добился от Дутова уступок. Снятие с Дутова звания главноуполномоченного Комуча ничего не изменило, ибо реальная военная сила была в его руках и он продолжал единолично осуществлять намеченную программу. Даже вопреки официальным решениям войскового круга он отдал приказ о возврате земли помещикам. Восстановлению прав помещиков активно содействует дутовский военный штаб, который выдавал им «мандаты» на право занятия своих бывших имений.²

И когда 18 ноября в Омске был произведен переворот, установивший диктатуру Колчака, Дутов, будучи в то время командующим Югозападной армией

¹ АОР, ф. 667, д. 16, л. 15.

² С. А. Девяткин, Историческая справка об Оренбургской губернии, Оренбург 1927, стр. 35.

(оренбургские казачьи войска, действовавшие на территории Оренбургской губернии), без всякого колебания заявил о своей солидарности с Колчаком. В особом указе по этому поводу Дутов от имени войскового правительства заверил Колчака: «Оренбургское войсковое правительство твердо заявляет, что оно подчиняется всем распоряжениям всероссийского правительства, находящегося в Омске, с верховным главнокомандующим адмиралом Колчаком».¹

Немного позже, получив сообщение о разгроме Колчаком остатков Самарского комуча — совета управляющих ведомствами, — орган Дутова с злорадным удовлетворением отмечал, что теперь «время разговоров, митингов и революций прошло».²

¹ «Оренбургский казачий вестник» № 112, 21. XI. 1918.

² Там же, № 3, 4. I. 1919.

ВОЕННЫЕ УСПЕХИ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ НА ВОЛГЕ И В СИБИРИ

Занятие Дутовым Оренбурга совпало, как известно, с военными успехами контрреволюции на Волге (Самарский комуч) и в Сибири. Эти успехи контрреволюции достигнуты были при помощи штыков чехословацких войск, которые в первое время бесценно находились на фронте. Успехи контрреволюции в этот период объясняются несколькими причинами. Главнейшие из них заключаются в следующем:

Красная армия в то время была чрезвычайно малочисленна. Она еще находилась в стадии формирования, почти не имела пролетарского командного состава и той боевой революционной закалки, которую приобрела впоследствии.

Другая не менее важная причина заключалась в общей обстановке, в том соотношении социальных сил, которые сложились к весне 1918 года в Поволжье и Сибири. Это были губернии главным образом крестьянские. Здесь не было крупных пролетарских центров, а рабочие местной полуку-

старной промышленности часто являлись полукрестьянами и были прочно связаны с деревней. Появление в этих губерниях продовольственных отрядов вызвало бешеный взрыв антисоветской агитации кулачества, весьма сильного в этих местах. Именно в этот период наблюдаются колебания среднего крестьянства.

Таким образом не было случайностью, что именно в этих районах контрреволюция получила широкое распространение и имела некоторую опору. В. И. Ленин в 1918 году подчеркивал, что план империалистов, организовавших контрреволюционные выступления, «состоит в том, чтобы отрезать от России хлебные местности», и как раз «в хлеботородных окраинах они нашли себе социально-классовую опору, нашли себе местности с преобладанием кулаков, богатых крестьян».¹

Наконец, имело большое значение и то обстоятельство, что в первое время гражданской войны были случаи перехода на сторону белых многих белогвардейских агентов, пролезших на командные должности в частях Красной армии. В результате таких переходов и измен Красная армия вынуждена была оставить целый ряд городов, в том числе Уфу, Симбирск, Казань.

Успехи самарской учредилки начались после взятия ею Самары. Чехо-учредилковские войска еще в июне заняли Бугуруслан, затем Абдулино, Сызрань, Бузулук. 6 июля войска учредилки заняли Уфу, 22 июля — Симбирск, а 7 августа пала Казань.

Взятие Уфы имело огромное военно-стратегическое значение для контрреволюции, ибо с этого момента произошло соединение сибирской контрреволюции с самарской, а следовательно и с дутовщиной.

К началу августа территория контрреволюции на востоке значительно расширилась и включала в себя всю Самарскую, Оренбургскую, Уфимскую,

¹ Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 158.

Симбирскую губернии, а также значительные куски Казанской, Саратовской, Пермской и Вятской. В Сибири и на Дальнем Востоке почти все города были захвачены контрреволюцией.

С падением Казани для красного фронта и для всей Советской республики создалось критическое положение. Весь бассейн Волги и притом в самом плодородном месте, — в тогдашней обстановке почти единственный источник снабжения хлебом пролетарских центров, — оказался в руках контрреволюции.

Развитие контрреволюции в Поволжье и Сибири не могло, разумеется, не оказать влияния и на положение в Оренбургском крае. В то время как Дутов имел возможность получать из Самары, с Урала и Сибири необходимое военное снаряжение и припасы, советские отряды, отошедшие из-под Оренбурга в разные направления, были отрезаны от центра и могли рассчитывать лишь на собственные силы и материальные средства. Все же советские отряды ни на минуту не прекращали борьбы с дутовщиной и сумели не только сохранить, но и значительно укрепить свои силы до более благоприятного времени, чтобы потом нанести контрреволюции сокрушительный удар. Эта борьба отрезанных от главных своих сил красных отрядов имела не мало подлинных героических моментов, и она способствовала той революционной большевистской закалке, в результате которой Красная армия стала непобедимой.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОХОД КРАСНЫХ ПАРТИЗАН

После оставления Оренбурга Красной армией отряды Николая Каширина и Блюхера направились на восток, в район Верхнеуральска. В районе Верхнеуральска в это время формировался отряд Ивана Каширина. Туда же прибыл и троцкий гарнизон, отошедший из Троицка под натиском чехословацких войск. Однако недостаток снаряжения и огне-

припасов не дал возможности соединенному Верхнеуральскому отряду удержать Верхнеуральск. 7 июля отряд оставил город и отошел в Белорецкий завод.

Через несколько дней туда же прибыл отряд Николая Каширина, а затем и отряд Блюхера. Кроме того в Белорецк же прибыло еще несколько партизанских отрядов из Стерлитамака, из-под Златоуста и др. Всего в Белорецке собралось свыше 10 тысяч красных партизан при 12 орудиях и 60 пулеметах.¹

На первом совещании командного состава решено было объединить все отряды в один и избрать единое командование. Командующим объединенным Южноуральским отрядом, как его называли, был избран Николай Каширин.

Поскольку отряд находился в белогвардейском окружении, а при остром недостатке в огнеприпасах не мог успешно вести борьбу с белыми, решено было во что бы то ни стало прорваться в расположение Красной армии. Командованию отряда не было известно о занятии Екатеринбурга белыми. Поэтому был намечен такой план: первым долгом начать наступление на Верхнеуральск, а после его занятия двигаться через Миасский завод к Екатеринбургу.

Несколько дней было потрачено на приведение в порядок отрядов, на создание различных тыловых и вспомогательных частей и т. д. Поскольку с некоторыми отрядами отступали и семьи партизан, пришлось выделить специальный обоз беженцев, состоящий из женщин, детей и стариков и насчитывавший до 2 тысяч человек.

Отряд был разбит на четыре более мелких отряда, которые получили следующие названия: Верхнеуральский (командир Иван Каширин), Троицкий (командир Н. Томин), Белорецкий и Уральский (командир Блюхер).

¹ М. Голубых, Уральские партизаны, Екатеринбург, Урал-книга, 1924, стр. 38.

Утром 15 июля Южноуральский отряд начал движение на Верхнеуральск. Уже в 10 верстах от Белорецка партизаны встретили белых и вступили с ними в бой. В течение недели партизанский отряд с боем продвигался вперед, встречая на пути упорное сопротивление белых. К 22 июля партизаны были в 5—6 верстах от Верхнеуральска. Здесь белые заняли чрезвычайно выгодные позиции, построили окопы и приготовились к серьезной защите.

Несколько дней красные партизаны предпринимали атаку за атакой. Белые оказывали упорное сопротивление. У красных подходили к концу запасы патронов. Каждому бойцу на сутки отпускалось не более 15—20 патронов. Все же энергичной штыковой атакой красные выгнали белых из окопов. Белые отошли к самому городу и заняли там заранее подготовленные позиции. Во время атаки был ранен командующий отрядом Николай Каширин. Его место временно занял Иван Каширин, а в командование Верхнеуральским отрядом вступил начальник штаба, бывший офицер Енборисов.

В течение следующих дней красные упорно вели бой, стремясь овладеть Верхнеуральском. 29 июля белые оставили город и расположились на высотах к востоку от него. Держа город под ружейным и артиллерийским обстрелом, белые не давали партизанам возможности войти в него. Отогнать же белых дальше красные не могли, так как их запасы огнестрельных припасов истощились.

После двух дней бесплодных попыток красное командование вынуждено было изменить свой первоначальный план. Решено было вновь отойти к Белорецкому заводу, а оттуда пройти через Уральский хребет до города Стерлитамака, из Стерлитамака по тракту на станцию Шафраново (западнее Уфы) и дальше на север в район города Бирска.¹

Когда красные части начали постепенно отходить

¹ М. Голубых, Уральские партизаны, стр. 47.

от Верхнеуральска, случилось событие, которое вынудило командование впоследствии вновь изменить план отхода отряда. Бывшие офицеры, командир Верхнеуральского отряда Енборисов и командир одного из полков Каюков, 31 июля перебежали к белым. Это был второй случай измены: за несколько дней до этого перебежал к белым командир полка бывший казачий офицер Пичугин. Однако красные партизаны были настолько дисциплинированы и стойки, что эти случаи измены бывших офицеров не повлияли на боеспособность частей. Со стороны партизан слышались лишь проклятия по адресу этих негодяев и изменников.

Утром 1 августа главные силы партизан начали отход на Белорецк. Этот отход был совершен в исключительно тяжелых условиях, при постоянных налетах белых на наши арьергардные части. Но красные партизаны с исключительным мужеством отражали белых. Верх героизма и самоотверженности проявил пулеметчик шестой роты Верхнеуральского стрелкового полка Бачурин. При налете белых на роту, шедшую в арьергарде, Бачурин, установив пулемет на дороге, начал косить нападающих. Белые решили во что бы то ни стало захватить пулеметчика и для его окружения послали два взвода казаков. Вскоре помощник Бачурина, подносивший патроны, был убит. Белые подходят все ближе и ближе, берут пулеметчика в кольцо. Вот белые подошли совсем вплотную, еще минута — и пулемет окажется в их руках. Не желая, чтобы пулемет достался в руки белых, Бачурин ложится на пулемет и гранатой взрывает себя вместе с пулеметом...

К вечеру 3 августа все части Южноуральского отряда прибыли в Белорецкий завод. Ввиду того что Николай Каширин еще не оправился после ранения, командующим отрядом был избран т. Блюхер. Одновременно совещание командиров частей решило изменить маршрут дальнейшего движения отряда,

поскольку белым через изменников стало известно о планах партизан. По новому маршруту отряд должен был пересечь Самаро-Златоустовскую железную дорогу у станции Иглино, что в двух десятках верст восточнее Уфы.

Утром 5 августа части отряда начали выходить из Белорецка. По пути к станции Иглино отряд решил зайти в Богоявленский и Архангельский заводы, где к отряду должны были присоединиться местные партизанские части.

По пути из Белорецка белые много раз делали налеты на красных партизан. Эти налеты, как и прежде, успешно отражались партизанами. Когда один из отрядов белых пытался ворваться в беженский и санитарный обозы, то винтовки взяли женщины и раненые красногвардейцы и прогнали белых.

Восемь дней красные партизаны шли по Уральским горам. Наконец, хребет был пересечен. 12 августа у села Петровское красные встретили сильный отряд белых. Завязался бой. Белые были разбиты. Красные взяли в плен 200 человек и захватили 6 пулеметов.

Через два дня отряд вступил в Богоявленский завод. Здесь к красным присоединился трехтысячный отряд местных партизан под командованием т. Калмыкова. 16 августа красные выступили из Богоявленского завода и через два дня прибыли в Архангельский завод. Отсюда вместе с присоединившимся местным отрядом партизан отряд, имеющий теперь до 15 тысяч человек и несколько тысяч беженцев, вышел 22 августа. 26 августа красные находились уже в 10 верстах от станции Иглино. Весь этот путь они прошли в непрерывных боях с белыми, часто штыками прокладывая себе путь.

У станции Иглино разгорелся ожесточенный бой. На помощь белым из Уфы были присланы сильные отряды чехов. Красные, почти совершенно не имея патронов, вскоре бросились в штыки. Этого натиска чешский отряд не выдержал и отступил в Уфу.

Двое суток после этого красные партизаны отдыхали в районе станции Иглино, прервав железнодорожное сообщение Уфы с Златоустом. Отдохнув, красные партизаны двинулись далее.

Еще почти две недели отряд с боем продвигался вперед. Наконец, 12 сентября отряд подошел к деревне Аскино, где оказались регулярные части Красной армии. Героический поход был успешно закончен.

В течение двух месяцев отряд в непрерывных боях, при отсутствии огнеприпасов, прошел в тылу у белых около 1500 верст. За время этого похода отряд не только не растерял свои силы, но значительно вырос количественно и, получив революционную закалку, повысил свою боеспособность и устойчивость. Переформированный впоследствии в 30-ю стрелковую дивизию, Южноуральский партизанский отряд вписал в историю героической борьбы Красной армии не одну славную страницу.

СОЗДАНИЕ ТУРКАРМИИ

Одновременно с отходом на восток отрядов Н. Каширова и Блюхера главные вооруженные силы Оренбурга в количестве около 15 тысяч человек направились в район Актюбинска. С этой группой красных отрядов отступила значительная часть рабочих депо, железнодорожных мастерских и городских предприятий, которая составила целый полк, больше чем в 2 тысячи человек.¹ В Актюбинск отступили также руководящие товарищи из губисполкома и других советских учреждений.

Отступившие советские отряды расположились частью в самом Актюбинске, частью по линии железной дороги в сторону Ташкента и в сторону Оренбурга до станции Курайли. Произведенный учет имевшихся запасов патронов и снарядов выявил довольно неприглядную картину. Боеприпасов было

¹ «Коммуна» № 43, 1. II. 1919.

совершенно недостаточно и взять их было негде. Командированный в Ташкент представитель привез всего лишь 150 тысяч патронов и те были местного полукустарного изготовления.

Помимо недостатка боеприпасов советские отряды, не сведенные еще в регулярные части, в этот период не отличались большой организованностью и дисциплиной. Такое состояние некоторых отрядов вполне объяснимо, ибо отступление всегда даже на регулярные части армии действует отрицательно. Здесь же было много отрядов полупартизанского типа, в которых политико-воспитательной работы среди бойцов почти совсем не велось.

Подтянув все эти отряды в районе Актюбинска, красное командование решило сделать этот район базой для своей дальнейшей борьбы с контрреволюцией. В первую очередь нужно было свести все мелкие отряды в регулярные части, дать им крепкий командный состав и вообще произвести коренную реорганизацию и укрепление армии.

9 и 10 июля в Актюбинске состоялось совещание командного состава. Это совещание подтвердило необходимость остаться в районе Актюбинска и удерживать железнодорожную линию в ташкентском направлении. Здесь же было принято решение о наименовании армии «Туркестанской». Командующим армией был утвержден Г. В. Зиновьев. Это же совещание решило в целях отвлечения сил Дутова удерживать в своих руках Орск. Для усиления его гарнизона туда был направлен отряд под командой т. Левашева в составе двух пехотных полков (1-й Оренбургский красногвардейский и 28-й Уральский), одного артдивизиона и двух автоброневиков.

Совещание командного состава наметило ряд мероприятий для укрепления рядов Туркармии. При активнейшем участии большевистской организации немедленно было приступлено к осуществлению намеченных планов по укреплению армии.

Войска Дутова в первое время не могли предпринять активных наступательных действий. Белогвардейцы ограничились тем, что расставили на границах своих владений сторожевые пикеты. Наступившее таким образом некоторое затишье в боевых действиях дало возможность красному командованию привести в порядок и укрепить свои части, наладить продовольственное дело и кроме того укрепить район Актюбинска на случай наступления белых.

Затишье продолжалось в течение всего июля и большей половины августа. Неоднократные мелкие налеты белых на наши передовые части значительного урона причинить не могли. К сентябрю части Туркармии в результате мероприятий большевистской организации и красного командования значительно окрепли организационно и морально. К сожалению, армия располагала совершенно недостаточным количеством патронов.

ОСАДА ОРСКА БЕЛЫМИ

В середине июля отряд т. Левашева прибыл из Актюбинска в Орск, увеличив гарнизон Орска до 5 тысяч бойцов. Еще до прибытия отряда т. Левашева под Орском появились белые части, которые пытались захватить город, но были отбиты.

Вскоре белые обложили город со всех сторон. Вначале под Орском действовало около 4 тысяч белых при 7 легких орудиях, но впоследствии к ним были присланы новые пополнения и у них насчитывалось около 4 тысяч конницы, 1 тысяча пехоты, 11 орудий. Красные заняли перед городом выгодные позиции, укрепили их окопами и решили защищаться до последней возможности. Главные затруднения красных заключались в недостатке патронов и продовольствия.

Патроны орский гарнизон получал из Актюбинска. Но, во-первых, в самом Актюбинске патро-

нов было весьма недостаточно, а во-вторых, доставка их была сопряжена с большими трудностями, так как приходилось с боем пробиваться через окружение белых.

Красный Орск, решивший защищаться до последней капли крови, создал внутри белого фронта местный фронт, который поглощал значительные силы и средства белых и чрезвычайно мешал им, нарушив прямую телеграфную связь Оренбурга с Троицким отделом и с Сибирью. Дутов поэтому и бросил под Орск столь значительные силы, которые и блокировали город, ежедневно выпуская по городу несколько десятков артиллерийских снарядов из своих батарей.

Но белые, разумеется, не ограничивались полупассивной блокадой. Они с первого дня окружения много раз пытались взять Орск штурмом, но каждый раз красные с успехом отбивали эти атаки. Особенно энергичную атаку предприняли белые 11 августа на восточную часть города. Белым удалось здесь прорвать цепь красных, однако с помощью подоспевшего резерва красные отбили и эту атаку, и белые с большими потерями вновь отступили. В этом бою красные части потеряли убитыми и ранеными 100 человек.

Насколько упорной и героической была защита Орска, свидетельствует тот факт, что уже 16 августа Дутов вынужден был обратиться за помощью в Кустанай к Анненкову. В телеграмме на имя Анненкова Дутов между прочим пишет:

«Обращаюсь к вам с просьбой — не найдете ли возможным в наших общих интересах прибыть с отрядами к Орску, где вы, работая совершенно самостоятельно... могли бы ускорить очистку Орска от красных».¹

Эта просьба Дутова осталась без последствий, ибо Анненкову самому приходилось вести напряженную

¹ Цит. по рукописи М. Шарапова.

борьбу с красными партизанскими отрядами в районе Троицк—Верхнеуральск—Кустанай.

Между тем фронт, созданный под Орском, требовал все новых сил. 18 августа полковник Карнаухов, руководивший белыми частями под Орском, вновь вынужден был просить у Дутова подкреплений. Представитель Карнаухова в переговорах по поводу со штабом Дутова отметил, что «в последнем бою красные дрались отлично».

Желая взять красных измором, белые не пропускали в Орск никаких продуктов, а чтобы вывести красную кавалерию из строя, они сожгли все заготовленное крестьянами сено вокруг Орска. Красным приходилось делать глубокие вылазки и с боем добывать фураж.

В течение второй половины августа белые вновь предприняли несколько серьезных атак на Орск, но так же, как и раньше были отброшены. Эта героическая защита осажденного со всех сторон Орска продолжалась до последних чисел сентября.

«ШИРОКИЕ» ПЛАНЫ ДУТОВА

Упорная защита Орска и подготовка актюбинской группы красных к дальнейшей борьбе создали реальную угрозу дутовщине. В начале сентября Дутов разработал обширный план ближайшей кампании против красных с целью их уничтожения. В особой директиве начальникам своих частей от 5 сентября Дутов поставил перед ними задачу — оттеснить красных из района Яйсан-Джурун и «уничтожить неприятеля, занимающего город Орск», после чего должны быть начаты операции на актюбинском направлении.

В обеспечение этого плана Дутов приказал начальнику орской группы поддерживать обложение красных в Орске, надежно занять пути из Орска на Актюбинск, чтобы целиком отрезать орскую группу от актюбинской и после соответствующей

подготовки стремительно атаковать и взять Орск. «Выполнением этого», — писал Дутов в своей директиве, — будет обеспечена большая свобода оперативных действий для наших войск на актюбинском направлении, прямая телеграфная связь через Троицк с Челябинском и Сибирью, кратчайший путь подвоза обильных местных средств из второго и третьего округов, а также возможность использования кожевенных и других фабрик города Орска для снабжения войска округа».¹

Вслед за выполнением этой первой задачи войска Дутова немедленно должны были начать наступление на актюбинском направлении. Ближайшей задачей актюбинской группе своих войск Дутов ставил — отрезать советские войска, находившиеся на участке от железнодорожного моста через Илек до станции Мартук, от актюбинской группы и уничтожить, после чего предпринять дальнейшее наступление на Актюбинск. Этим самым Дутов стремился лишить красных плодородного района, питавшего советские войска и отчасти Ташкент, и вытеснить их в пустынную и голодную степь.

Актюбинскую операцию Дутов предполагал провести совместно с войсками существовавшего тогда киргизского правительства. Командующие актюбинской и орской группами белых войск в первую очередь запросили от Дутова новых войсковых пополнений, причем командующий орской группой, вразрез с планом Дутова, предложил свой собственный. В этом плане он предлагал «строго блокировать город, имея в виду недостаток продуктов и фуража в городе. Ежедневная бомбардировка города артиллерией с целью пожара и разрушения города... Если будут доставлены химические и зажигательные снаряды, то это послужит лишь скорейшему успеху общей задачи».¹

Таким образом командиры актюбинской и орской

¹ Цит. по рукописи М. Шарапова.

групп белых фактически признали невыполнимыми возложенные на них задачи и, несмотря на категорические приказы Дутова, очень медленно готовились к операции.

Тем временем красные в Орске не оставались пассивными. 10 сентября отряд красных, вышедший из Орска за несколько дней раньше, зашел в глубокий тыл противника и неожиданно напал на поселок Хабарный, где находился штаб белых. Под натиском красного отряда белые в панике очистили поселок, оставив много оружия и других военных припасов. С этими трофеями красные благополучно возвратились в Орск.

Дутов был чрезвычайно недоволен столь длительной затяжкой со взятием Орска и послал под Орск своего начальника штаба, а когда для наступления было все подготовлено, выехал сам туда. Желая запугать красных и заставить их сдаться «на милость победителя», Дутов 25 сентября предъявил им такой ультиматум:

«В течение 24 часов все вы, граждане и гарнизон, должны решить: 1) или сложить все оружие и сдаться казакам. В таком случае я гарантирую полную неприкосновенность всем участникам вооруженного восстания. Все они будут отправлены в Тоцкий лагерь. Решающее слово о судьбе сдавшихся будет принадлежать верховной всероссийской власти... 2) Или, если оружие не сложится восставшими большевиками, тогда я не ручаюсь за жизнь ни одного пленного, который попадет в руки казаков. К 12 часам 26 сентября с. г. вы должны дать ответ».¹

Но эта угроза поголовного истребления всех попавших в плен, разумеется, не испугала красных бойцов. Красное командование орского гарнизона готовилось не к сдаче города, а к наступлению на Оренбург.

¹ «Оренбургский казачий вестник» № 68, 27. IX. 1918.

План этого наступления был выдвинут командованием актюбинской группы советских войск. По этому плану орская группа должна была вести наступление вниз по течению реки Урала; актюбинская же группа одновременно должна была двигаться по линии Ташкентской железной дороги. Часть гарнизона должна была быть оставлена в Орске для удержания его в своих руках до прибытия подкрепления из Актюбинска.

В осуществление этого плана в ночь на 27 сентября отряд под командованием т. Левашева двумя колоннами выступил из Орска по направлению на Оренбург. Одна колонна в составе 28-го Уральско-го пехотного полка, одного эскадрона и двух легких орудий должна была двигаться вдоль линии железной дороги до станции Кувандык. Вторая колонна в составе Оренбургского рабочего полка, одного эскадрона и одной батареи должна была идти вниз по реке Уралу. 30 сентября обе эти колонны должны были соединиться на линии станции Ильинской — станция Кувандык.¹

Первый день наступления прошел успешно для красных. Правая колонна, двигавшаяся по линии железной дороги, отбросила противника, захватив пленных, два пулемета и часть обоза. На второй день (28 сентября) эта колонна в районе станции Сара подверглась ожесточенной атаке со стороны большого отряда белых, который в несколько раз превосходил красных по своей численности. Однако красные героически отбивали непрерывные атаки и с большим трудом пробивались к станции Ильинской на соединение с левой колонной, которая, как оказалось, без особых усилий продвинулась к назначенному пункту. Однако здесь выяснилось, что со стороны Актюбинска никакого наступления нет. Орская группа об этом не получила своевременного уведомления.

¹ М. Шарапов, Борьба с дугторщиной.

Белым было известно об отмене наступления актюбинской группы. Для того чтобы уничтожить отряд т. Левашева, они объявили по станицам, расположенным по Уралу и Сакмаре, о мобилизации казаков до 40-летнего возраста. Одновременно из-под Актюбинска были сняты некоторые белые части и тоже брошены против отряда т. Левашева.

Последнему ничего не оставалось делать, как повернуть на юг, в сторону Актюбинска, что он и сделал. С большим трудом, в постоянных боях против нападающего противника т. Левашев все же сумел вывести отряд из опасного кольца и соединился с актюбинской группой красных войск в районе станций Мартук — Кара-Тугай.

С уходом отряда т. Левашева гарнизон Орска оказался весьма ослабленным и остро нуждался в патронах. Белые учли эти обстоятельства и решили во что бы то ни стало взять город.

С рассветом 27 сентября белые под прикрытием артиллерийского огня повели энергичное наступление на город с восточной стороны. Со стороны белых принимало участие в наступлении на Орск около 3500 человек при 10 орудиях. Красных же в городе было всего 1500 человек.

В течение целого дня белые настойчиво вели атаку за атакой. За день они выпустили по городу около 2 тысяч снарядов, но ни непрерывные атаки, ни ожесточенный артиллерийский обстрел не могли сломить героической защиты красных. К вечеру белые прекратили атаки. Их цепи находились в 300.—400 шагах от окопов красных.

Целый день непрерывного и напряженного отражения наступающего врага истощил те небольшие запасы огнеприпасов, которые имелись у красных. К вечеру у каждого бойца в подсумках оставалось от 30 до 60 патронов, а артиллерийских снарядов — по 40 штук на орудие.¹

¹ М. Шаратов, Борьба с дутовщиной.

В складе же оставалось всего три ящика патронов к русской винтовке, пять ящиков к «Гра» и «Ветерли»; снарядов было три ящика и до десятка ящиков шомпольных бомб.¹

Дальнейшая борьба за Орск для красных, не имевших огнеприпасов, становилась немыслимой. Белые могли без всякого труда взять город. В этом случае Дутов несомненно выполнил бы свою угрозу о поголовном истреблении красных. Поэтому вечером на военном совете красные решили в эту же ночь оставить Орск и пробиться к Актюбинску.

Глубокой ночью советский отряд в 1500 человек при огромном обозе, взявшем все ценные грузы, выступил из города. К рассвету арьергардные части, прикрывавшие отходивший отряд, переправились через реку Орь. В это время главные силы отряда успели уже отойти от города и в боевом порядке развернулись по дороге на Актюбинск.

Отход красных был полной неожиданностью для белых. Они узнали об этом только с восходом солнца, увидев с занятых ими высот движущиеся колонны красных. Кавалерия белых предприняла преследование отходивших частей красных, которым приходилось отбиваться от конных атак почти на всем протяжении пути до расположения актюбинской группы.

Таким образом после почти трехмесячной осады Дутов занял Орск (28 сентября 1918 года) не с бою, а в результате отхода красных.

Орские торговцы и попы встретили Дутова с иконами и колокольным звоном. На площади, после торжественного молебна, к Дутову подвели нескольких отставших от своих частей красноармейцев. Здесь же, на глазах толпы, по личному распоряжению Дутова красноармейцев изрубили в куски.

Вернувшись в Оренбург, Дутов дал в газеты пространное интервью по поводу взятия Орска.

¹ В. Березовский, Воспоминания, рукопись.

Дутову, разумеется, неприятно было сообщать, что по сути дела он «взял» голые стены после ухода оттуда красноармейских частей. Поэтому он в своем интервью развязно заявил, что бой с находившимися в Орске красными «продолжался всю ночь», а на рассвете его войска «ворвались в город».¹

После перехода Орска в руки белых Дутов издает приказ за приказом о скорейшем разгроме советских отрядов. 4 октября он подписал директиву, в которой приказывал «разбить и уничтожить красных с целью отбросить их на югозапад от железной дороги в степи».²

К этому времени на Поволжском фронте начались успехи Красной армии. Поэтому Дутов так и спешил с «уничтожением красных у себя в тылу. В своей директиве он потребовал от своих командиров «энергичных и быстрых действий для окончательного истребления красных на ташкентском и орском фронтах, дабы освободить части для помощи на поволжском фронте».

Однако этот и другие приказы Дутова остались на бумаге. Ему не удалось разбить красных не только в районе Актюбинска, но и орский отряд, который около 2 недель находился в белогвардейском окружении и только к 15 октября с боем прорвался к главным советским силам в районе станций Мартук—Кара-Тугай.

В общем те успехи, которых достиг Дутов к началу октября, являлись максимальными. Дальнейших успехов ему добиться не удалось. Наоборот, вскоре Красная армия перешла в наступление, и Дутову пришлось вновь бежать из Оренбурга.

¹ «Оренбургский казачий вестник» № 72, 3: X. 1918.

² Цит. по рукописи М. Шарапова.

БЕЛЫЙ ТЕРРОР

ДУТОВСКИЙ «ПРАВОПОРЯДОК»

Мы уже указывали, что одним из первых приказов после возвращения белогвардейцев в Оренбург в июле 1918 года была введена смертная казнь за такие «проступки», как укрывательство комиссаров и красноармейцев, возбуждение вражды «между отдельными классами населения, между сословиями или между хозяевами и рабочими», устройство стачки и т. п.

Этим приказом была фактически объявлена в Оренбурге военная диктатура и узаконено поголовное истребление не только тех, кто активно боролся против дутовщины в рядах большевистской партии, Красной гвардии, но и всех вообще революционно настроенных рабочих.

С первого дня возвращения в Оренбург белогвардейцев началась дикая и разнузданная вакханалия арестов и убийств. Тюрьма была быстро наполнена арестованными рабочими. К началу августа 1918 года, т. е. по прошествии месяца после

прихода Дутова, в оренбургской тюрьме было около 1000 заключенных. Количество заключенных все росло, несмотря на то, что белогвардейцы ввели в систему массовые убийства заключенных без всякого суда и следствия.

Город был отдан в полное распоряжение офицерской банды, которая частотворила кровавую расправу прямо на улице. Не проходило дня, чтобы на улицах города белогвардейцы не зарубили шашками кого-либо, на кого пало подозрение в сочувствии большевикам.

Арестам не было счета. По дороге в тюрьму арестованных жестоко пороли нагайками. В тюрьме их бросали в битком набитые камеры, и там в кошмарных условиях, без пищи и питья, заключенные ждали своей участи. Ежедневно в тюрьму врывались пьяные, озверелые офицеры, брали первых попавшихся заключенных, уводили за город и после долгих пыток убивали.

Но помимо этих убийств без суда не меньшее количество убито и по «суду». Когда военный суд выносил смертный приговор (а других приговоров он не выносил революционным рабочим), приговоренному связывали руки сзади, на шею накидывали петлю, и два конных белогвардейца, взяв по одному концу веревки, волокли его к месту казни. А в это время сзади ехали другие белогвардейцы и беспощадно пороли несчастного нагайками. К месту казни приволакивали кусок окровавленного мяса и после нескольких ударов шашкой часто еще живую жертву закапывали в землю.

Так дутовская банда расправлялась с революционными рабочими. Даже меньшевики, которые являлись верными помощниками Дутова, не могли целиком замалчивать дутовский режим. Иногда на страницах своей газеты самарские меньшевики робко приподнимали завесу над оренбургским режимом, и на минуту публике показывалась дутовская «демократия» в ее подлинном виде. Так, в одной

из заметок самарская «Вечерняя заря» (№ 131, 26. VIII. 1918) писала:

«Полоса ликвидации «большевизма» в Оренбурге еще не кончилась. Ежедневно производятся массовые аресты по самому незначительному поводу...

Аресты производятся контрразведкой, начальниками городской и областной милиции и комендантом города. Доносительство процветает...

Обвинения предъявляются самые нелепые: «как будто похож» на матроса, красноармейца или комиссара.

В июле комендантом города был арестован член младобухарской партии. Когда выяснилось, что эта партия ничего общего с большевиками не имеет, то ему в комендатуре заявили: «Все равно, вы против своего эмира бунтуете».

Это письмо не нуждается в комментариях. Заметим лишь, что меньшевики были в союзе с Дутовым против большевиков, поэтому они не все говорили об оренбургском режиме.

Сейчас трудно установить хотя бы приблизительное количество всех замученных дутовской шайкой. Одно несомненно, что только в одном Оренбурге в течение шести месяцев господства дутовщины убито и замучено не менее 500 человек. Еще большее количество убитых дутовскими палачами было в деревнях.

Для того чтобы восстановить картину зверских расправ белогвардейских палачей с революционными рабочими и крестьянами, мы ниже приведем выдержки из заявлений и воспоминаний очевидцев. Эти документы лучше и ярче всего обрисуют дела оренбургской контрреволюции.

КРОВАВАЯ МЕСТЬ

Предоставим слово В. Е. Голощапову, б. председателю троцкого уездного земельного комитета. Эпизод, рассказанный им, относится к декабрю

1917 года—январю 1918 года, т. е. еще к тому времени, когда Дутов выдавал себя за сторонника «демократии». Судя по всему, Голощапов не был даже большевиком, а просто отрицательно относился к дутовской аванюре и посмел публично высказать свое мнение по поводу установленного Дутовым режима. Тем не менее Голощапов жестоко поплатился за это. Вот что рассказывает Голощапов:

«В декабре 1917 года я был делегирован на оренбургский губернский съезд земельных комитетов. 15 декабря я выступал на казачьем кругу по земельным вопросам, где между прочим резко критиковал тактику командного состава, вследствие чего встретил по отношению к себе враждебные отношения казачьих офицеров.

Так как 25 декабря проехать по железной дороге не было возможности, я поехал на лошадях по маршруту: Берды—Сергиевка—Павловка. В последней деревне пришлось остановиться до 28 декабря. 28 декабря я поехал на станцию Сырт с целью продолжать путь. Не доезжая до станции Сырт, возчик везти отказался, а потому я пошел пешком по направлению к неизвестному мне селу. На пути к этому селу меня встретили 6 человек вооруженных: один из них с ружьем, а остальные с палками; двое из них схватили меня за руки и под угрозой смерти я принужден был идти, как они говорили, в станицу. Когда меня ввели во двор, я увидел массу человеческих трупов и следующие потрясающие душу зрелища: били какого-то солдата чем попало, били до смерти и бросили в кучу трупов; затем принялись истязать мальчика; ломали ему руки и ноги, наконец, сбили черепи бросили в ту же кучу трупов.

Во дворе, в толпе казаков, находился сотник казачьего войска Орлов, который раньше видел и слышал меня во время моего выступления как представителя троицкого уездного земельного комитета в Оренбургском казачьем кругу, на котором я между

прочим требовал от имени троицкого уездного съезда освобождения из-под ареста товарищей Коростелева и Цвиллинга. Орлов узнал меня и выкриками по моему адресу: «Он большевик, ему земли надо и воли, так дайте ему, ребята»,—натравил на меня толпу казаков. Избиение солдата и мальчика так подействовало на меня, что я лишился сознания и уже не помню с этого момента, что было. Меня начали бить, но кто и чем—не помню. Придя в сознание, я увидел, что нахожусь в виденной мною ранее куче трупов без верхней одежды, в одном нательном белье, босой. Затем я снова лишился чувств. В сознание я пришел 29 декабря в избе казака Донецкого поселка, той же станицы, Петра Яковлевича Егорова, усилиями которого и пришел в себя. Помимо избиения белогвардейцы еще вырезали куски кожи с мясом на моих пятках. У казака Егорова я пролежал 5 суток, после чего тронулся в путь и кое-как добрался до расположения красных».

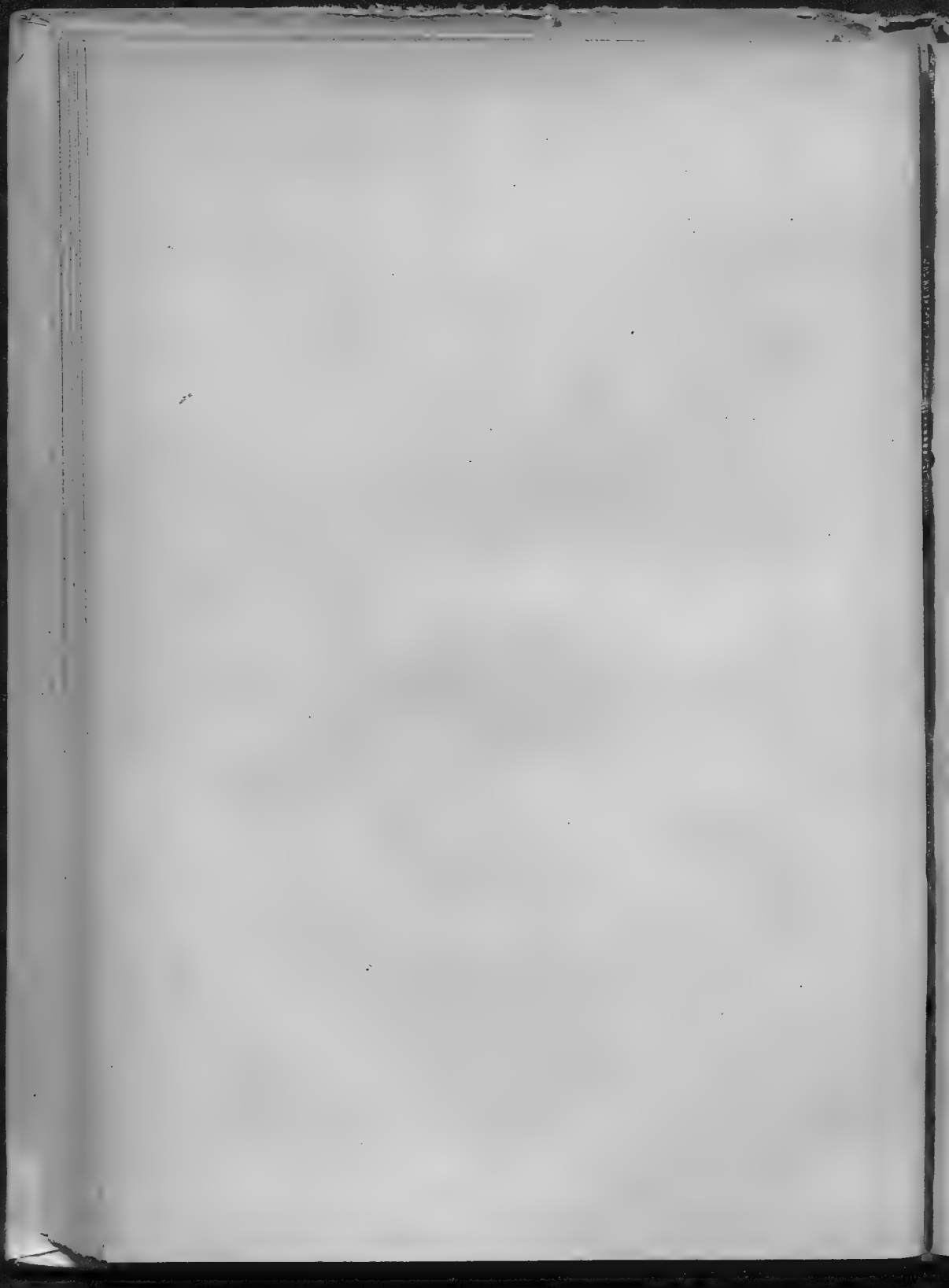
Так расправлялись белогвардейцы с теми, кто в той или иной форме боролся против их авантюры. Зверства белогвардейцев начались, как видим, с первого дня захвата ими власти и позднее значительно усиливались.

Когда 1 февраля 1918 года белые были выбиты из Оренбурга отрядами т. Кобозева, офицерско-кулацкие элементы рассыпались по станицам и приступили к формированию белогвардейских отрядов для борьбы против большевиков. Но революционная часть казачества не желала воевать против советской власти и не допускала формирования белогвардейских отрядов. Тогда белогвардейцы начали формировать эти отряды с помощью террора, учиняя кровавые расправы с теми, кто противодействовал им.

Мы уже говорили о сопротивлении революционной части казачества поселка Красноярского белогвардейцам. В течение зимы 1918 года жители этого поселка упорно боролись с попытками белогвардей-

Белогвардейский набег 4 апреля на красногвардейское общежитие. С картины художника А. Панина (Оренбургский музей).

цев втянуть их в войну против большевиков. Но весной большой карательный отряд белых под командой сотника Васильченко ворвался в поселок и с помощью местных кулаков приступил к расправе над революционно-бедняцкой частью казачества.

В помещение поселкового правления загнали более сотни обезоруженных казаков. Они были разбиты по категориям. Наиболее «вредных» решено было расстрелять, остальных выпороть плетями. В первую очередь начали выводить тех, которых решено было расстрелять.

«Несколько человек с обнаженными шашками и нагайками в руках, — рассказывает П. С. Федоринов, — стали у дверей с наружной стороны, с нетерпением ожидая своих жертв. Вот по списку вызывается первый. Не успел этот товарищ переступить порог, как на него посыпался град ударов нагайками.

Когда палачи вдоволь натешились, руководитель расправы атаман Евдоким Шаталов дает знак: кладет палец одной руки на палец другой — пора кончать. Команда палачей приступает к казни казака, при этом казнят по всем правилам средневекового искусства пыток. Сначала отрубают у несчастного части тела — уши, нос, затем руки и, когда истязаемый уже без сознания от нечеловеческих страданий, ему отрубают голову.

Таким образом в Красноярском поселке замучили более 20 человек, а другую группу зверски выпороли нагайками».

Такой же расправе белогвардейцы подвергли и революционную часть краснохолмских казаков. Расправой руководил все тот же сотник Васильченко.

Во многих других станицах происходило то же самое. Дутовские карательные отряды творили беспощадную расправу.

В станице Сакмарской карательный отряд арестовал станичный совет и немедленно на улице станицы расстрелял всех членов совета. В Никольской

станции дутовские отряды заporоли насмерть 25 человек.

В Покровке, Романовской волости, белые облили керосином председателя волисполкома Слоновского и другого члена совета и сожгли их живыми. Таких фактов бесконечное количество.

РАСПРАВЫ С ПЛЕННЫМИ

Было бы ошибочным думать, что белые чинили кровавые расправы только над отдельными попавшими в их руки большевиками, революционными рабочими и крестьянами. Нет, белогвардейцы последовательно проводили линию на поголовное истребление всех захваченных в плен красноармейцев.

Звериную ненависть питали белогвардейцы к красноармейцам. Тем, кого белогвардейцам удавалось захватить живыми, не было никакой пощады, их уничтожали поголовно. Но белогвардейцы не просто уничтожали пленников, а предварительно подвергали их жесточайшим пыткам, какие только способны изобрести изощренные белогвардейские садисты. Приведем несколько показаний очевидцев.

Тов. Перфилов в письме в газету «Революционная армия» (№ 41, 11. XII. 1918) сообщил:

«Три дня наступали мы... Казаки оказывали нам бешеное сопротивление, часто переходя в контратаку.

Во время одной из контратак пятеро из наших товарищей пропали без вести. Нашей части временно пришлось отступить.

Прошло две недели. Мы снова на старых позициях. Снова наши разъезды снуют везде. К вечеру приезжает наша разведка. Вид мрачный и сосредоточенный.

— В чем дело? — спрашиваем.

— Своих нашли, тех, что пропали без вести. Вон их везут.

Смотрим и глазам своим не верим. Что это: неужели люди способны на подобное зверство? На трупы страшно было смотреть.

Белогвардейцы подвергли пленников нечеловеческим пыткам, истязаниям и надругательствам. У всех были отрезаны носы, проколоты щеки, руки и ноги перебиты, на теле вырезаны куски мяса.

Нет слов, чтобы описать то возмущение, которое охватило нас при виде этих зверств белогвардейщины».

Еще более жуткую картину неслыханной массовой расправы передает в своем письме на имя пугачевского укома ВКП(б) красноармеец одного из полков, сражавшихся с казаками, Г а в р и и л М и х а й л о в.

«При занятии нами поселка Сахарного,— читаем в этом письме,— мне пришлось видеть душепотрашающую картину. Только что подошли мы к поселку, перебежчик сообщил: вот здесь недалеко горят тела красноармейцев. Мы бросились туда и увидели следующее: около 700 товарищей красноармейцев (пленных), больных тифом, были зарублены и брошены в сарай, и здание зажжено, некоторых не успели перерубить и сожгли живыми.

На дворе было несколько навозных куч, где были зарыты изрубленные товарищи. На другой день мы стали раскапывать навозные кучи и вынимать товарищей, раскопали пепел и нашли около 200 обгорелых трупов, перенесли их на кладбище и похоронили с честью».

Наконец, еще одно сообщение о расправах с пленными и с мирным населением при отступлении белогвардейцев. Оренбургская газета «Коммунар» 20 февраля 1919 года сообщала:

«12 февраля в Стерлитамаке состоялись торжественные похороны красноармейцев и мирных граждан, павших жертвами зверской расправы белых. Трупы представляли собой бесформенную массу, пальцы рук у многих были поломаны, у многих отрублены. Мягкая часть тела вырезана, головы обстроганы шашками, языки вырезаны, руки изрезаны.

По рассказам жителей, захваченные в плен под Красной мечетью подвергались самым диким и звер-

ским пыткам: им скручивали руки назад, к ногам привязывали тяжести, водили по селу, били, кто чем мог, отрезали части тела и через некоторый промежуток времени строгали шашками.

Белые настолько озверели, что в небольшой деревушке Меглиус было изуродовано до 60 граждан.

По всей полосе Оренбург — Стерлитамак — Уфа неисчислимые жертвы белогвардейского террора».

В СТОЛИЦЕ КРОВАВОГО АТАМАНА

Так расправлялись белогвардейцы со своими пленниками, захваченными на фронте. Но подобные расправы были не только на фронте. Трудно сказать, где было больше расправ — на фронте или в столице кровавого атамана — в Оренбурге. Пожалуй, мы не ошибемся, если скажем, что массовый белый террор свирепствовал в равной степени во всех пунктах, захваченных дутовщиной.

Для иллюстрации положения в Оренбурге мы приведем несколько рассказов очевидцев, случайно спасшихся от смерти. Эти рассказы — яркие свидетельства о разгуле белого террора, при помощи которого Дутов пытался задушить революционную активность трудящихся и укрепить свою диктатуру.

Тов. Н. Мещанов в своих воспоминаниях («Коммунар» № 8, 1. II. 1919) рисует общее положение в Оренбурге после прихода туда Дутова в июле 1918 года:

«На другой день после эвакуации советских войск в Оренбург пришли отряды белогвардейцев.

С утра белые появляются на всех улицах и начинают узнавать, где квартиры красноармейцев, большевиков и вообще «красных».

Каждого попавшегося на улице сейчас же начинают расспрашивать и допытываться, где красные. Встречая на улице мадьяра, они тут же зарубали его шашками только за то, что он мадьяр. Затем пошли массовые аресты, потянулись целые группы

арестованных, за всем этим последовали массовые расстрелы...

Присужденного к смерти перед расстрелом хлестали плетью в камере тюрьмы, затем выводили на собачьи ямы и расстреливали. Трупы оставляли не зарытыми по нескольку дней.

Добиваясь найти как можно более жертв для своих зверств, казаки пускались на всякие хитрости. Они раздавали детям игрушки и через них надеялись получить сведения об оставшихся в городе советских работниках, но это ни к чему не привело. Тогда они придумали другую хитрость: они распространили слух о том, что задержали рабочих, ушедших с советскими отрядами в Актюбинск, и содержат их на Меновом дворе.

Жены, желающие выручить своих мужей, должны явиться на Меновой с домовыми книгами.

Многие поддались на эту удочку и пошли, но там их задержали и, записав адреса, потом по этим адресам производили обыски и забирали все имущество. Оставляли семьи рабочих раздетыми, разутыми и без куска хлеба».

О том, как дутовские палачи вели «следствие», рассказывает другой очевидец — М. А б р а м о в («Коммунар» № 49, 25. III. 1919):

«Я был арестован по подозрению в большевизме на второй день по приходе в Оренбург дутовских отрядов. Пьяный белогвардеец привел меня в штаб отряда, где комендант в новых подполковничьих погонах снял с меня допрос и приказал отвести в подвал. Под конвоем пьяного, едва державшегося на ногах казака я шел через двор в подвал, а кругом такие же пьяные, озверелые белогвардейцы кричали:

— Куда ты его ведешь? Пришиби его здесь!

Но вот и подвал, охраняемый кучкою казаков.

— Что, станичник, еще большевика привел?

— Да, — отвечает мой конвойный заплетающимся языком.

— Ну так запороть его нагайками! Заходи в подвал!

Я повинуюсь, и в подвале мне прежде всего бросается в глаза жуткая картина: на полу лужи крови, две женщины, полунагие и с растрепанными волосами, лежат в углу, обе исполосованы нагайками, нето до смерти, нето до бесчувствия, да так и брошены; кругом на нарах лежат и сидят несколько мужчин разного возраста и разных профессий, все избиты, у некоторых на теле страшные, рваные, кровоточащие раны — следы нагаек.

Минут через пять дверь открывается и в подвал вталкивают молодого казака в синих погонах, с лампасами и лихо зачесанным чубом. На лице следы побоев.

Дверь снова запирается, и молодой казак опускается в угол на изломанный ящик.

Я подхожу к нему:

— За что это тебя, станичник?

По лицу казака пробежала судорога.

— Я из Каширинского отряда.

И каширинец передает мне, что он вместе с несколькими другими товарищами по приказанию командира отряда остался в Оренбурге работать в тылу у Дутова и служить связью между Оренбургом и красными войсками. И вот, когда он под видом дутовского партизана разъезжал по городу, высматривая расположение и количество дутовских частей, его опознал один из казаков и выдал начальству.

Молодой казак удивляет меня своим спокойствием и выдержкой, хотя он несомненно знает о предстоящей ему участи: дутовцы не щадят каширинцев.

Наш разговор был прерван внезапно вошедшими тремя вооруженными казаками.

— Где тут новоприбывший? — спрашивает старший из них.

— Я, — отвечает каширинец.

— Нет, нам не тебя нужно. Ты еще подождешь.
«Ну, думаю, дошла очередь и до меня». Отзываюсь:

— Я новоприбывший.

— Ага, становись сюда.

Повинуясь и становлюсь на указанное место у стенки. Казаки снимают с плеч винтовки.

— Поворотись лицом к стенке.

Я категорически отказываюсь. Если уж умереть, так лицом к лицу с врагом.

Но казаки насильно поворачивают меня лицом к стене.

Щелкают затворы. Слышу, как один из казаков обнажает шашку. Я невольно закрыл глаза и жду: рассекут ли мне голову или разможат пулей. Хорошо еще, что смерть приходит так скоро, без мучений и издевательств.

— Погодите,—говорит, наконец, один из казаков,—его еще рано убивать. Пусть подождет.

Меня отталкивают от стены и грубо начинают обыскивать. Денег и оружия у меня не было.

Увидели на руке маленькие часики и, несмотря на мои протесты, отняли.

Минут через пять ушли.

Товарищи по заключению передали мне, что казаки нарочно приходили помучить меня. Они с каждым заключенным проделывают такие же вещи и по нескольку раз: придут, прикажут стать у стены, замахнутся шашкой или возьмут на прицел. Человек уже совсем приготовился к смерти, а они, продержав его в таком состоянии несколько секунд, уйдут. Заключенный таким образом, получив приказание стать у стенки, никогда не знает, хотят ли его приколоть на самом деле или это только «шутка» палачей.

Только что успела закрыться дверь за теми тремя казаками, как с шумом дваливаются семеро новых. Все пьяны и у всех в руках нагайки. Подходят прямо к каширинцу.

— Ты кто?

— Казак, — смело отвечает каширинец.

— Каширинец?

— Да.

— Ну, держись.

И на каширинца посыпался град нагаечных ударов. Уже после пятого удара несчастный лежал на полу, а через минуту вся одежда на нем была разорвана и из страшных рубцов на спине ручьями лилась кровь. Однако палачи, не смущаясь, спокойно повернули свою жертву на спину, и снова посыпались удары. Избиваемый давно уже был без сознания.

Я не мог смотреть дальше на дикую расправу. Мне сделалось дурно.

Очнулся я от звука выстрелов.

Казачи тащили мертвого каширинца за ноги из подвала по каменной лестнице и один из них стрелял из револьвера в труп.

Во дворе открыли люк выгребной ямы и бросили туда труп. При этом старший из палачей, потирая руки, с видимым удовольствием сказал:

— Сегодня это я уже седьмого отправляю в штаб Цвиллинга.

И так до самого вечера в подвал приходили группами пьяные казаки, стегали нагайками заключенных, всячески издевались над ними. Одна группа палачей, натешившись вдоволь, уходила и тотчас же появлялась другая.

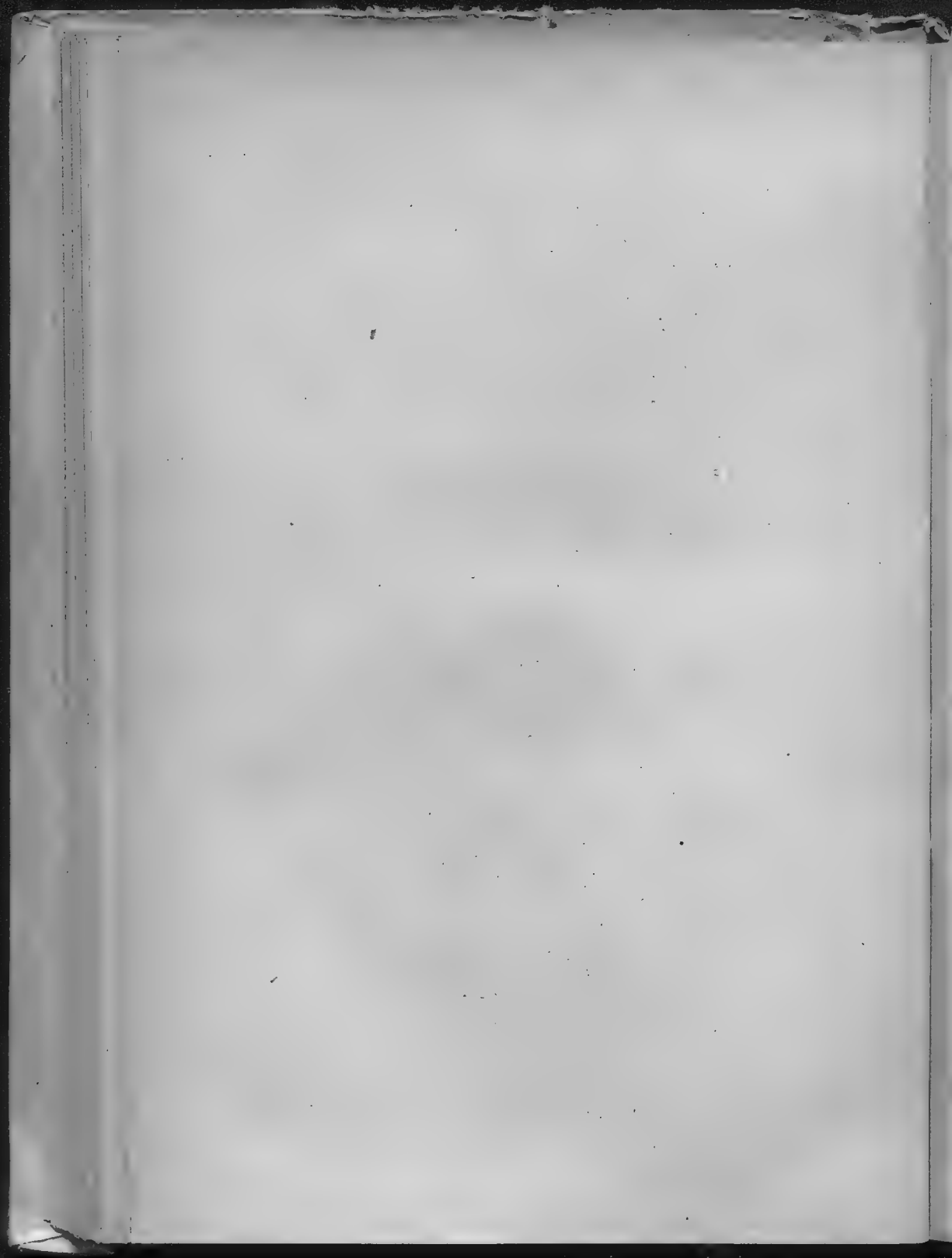
Число заключенных с каждым часом увеличивалось. К шести часам вечера нас в подвале скопилось уже за 40 человек.

В заключение приведем заметку из «Коммунара» (№ 22, 18. II. 1919), напечатанную после бегства Дутова из Оренбурга зимой 1919 года. Заметка дорисовывает картину белого террора, свирепствовавшего в Оренбурге при Дутове.

«Два дня спустя после того, как советские войска заняли Оренбург, на окраинах города появились какие-то странные тени.

Караван Алибея Джангильдина в пути. С картины художника Е. Техменева
(Оренбургский музей).

За винным складом, у так называемых собачьих ям, за Уралом, за дамбой, за пороховыми погребам-ми блуждали скорбные фигуры седобородых стариков, женщин и подростков. Полные горя и ожидания глаза чего-то ищут.

В руках у всех лопаты.

Это отцы, жены и дети разыскивают тела своих родных, казненных дутовскими опричниками.

Мягкий пушистый снег покрыл белой пеленой поля и дороги и все сравнивал.

Скорбные фигуры поминутно останавливаются, что-то припоминают, нагибаются к земле, замерзшими руками ощупывают снег, ищут, ищут...

И находят...

Откапывать приходится недолго. На поларшина от поверхности земли заступ ударяется о что-то твердое...

И через некоторое время из ямы извлекается окаменевшее, обезображенное тело.

Оно не одно. Под ним и рядом с ним в яме находят четыре, пять таких же изуродованных тел. А в одной яме их нашли шестнадцать.

Почти все тела нагие, и только на некоторых — окровавленное, иссеченное шашками нижнее белье. И только на одном старике остался рваненький, ветхий зипунишко. До того рваный, что даже дутовские прохвосты на него, видимо, не польстились.

Почти у всех казненных разрублены и отсечены черепа, у некоторых выколоты глаза, отсечены нижние челюсти, изрублены руки, у женщин отрезаны груди.

Их, несомненно, зарывали еще живыми.

И вот в таком виде они коченели с инстинктивно поднятыми для защиты лица руками. У многих отрублены кисти рук. У некоторых руки связаны и такие тела без головы. Голова валяется тут же рядом.

Никакими словами, никакими красками нельзя

описать ужасающего вида этих тел. Это надо увидеть самому, чтобы запомнить на всю жизнь.

Трудно, почти невозможно по этим изуродованным лицам опознать близкого, родного человека.

Но многих родные опознают по остаткам волос, по половине лица, по уцелевшим рукам, по белью.

Никаким душу раздирающим сценам тут нет места. Слезы уже выплаканы при Дутове. В глазах — один немой ужас, одно тупое безысходное горе. Молча узнают своих близких, молча увозят на кладбище хоронить то, что еще недавно составляло радость и опору жизни.

Спрашиваю одного из родственников:

— Вы знали о месте казни своих родных?

— Знали. Приблизительно, не точно, но знали.

— И вы не могли просить, чтобы вам выдали тело родного?

Он смотрит на меня недоумевающе, с едва заметной горькой усмешкой:

— При Дутове-то? Нет, не могли и не смели. Дутов официально скрывал эти убийства, но о них все знали, не знали только, как это делается. А если и знали, то должны были молчать.

Дутовские генералы и есаулы творили «правый и скорый» военно-полевой суд.

Красноармейцев и активных советских работников Дутов не устаивал даже и этого суда — просто убивали, истязав предварительно.

Стоило только протянуть палец: «Вот этот — отец красноармейца, вот этот — брат советского служащего, вот этот — просто одобрительно отзывался о большевиках», — и несчастных бросали в тюрьму, а потом над ними разыгрывали комедию получасового военно-полевого суда.

Приговор — неизменно один: приговаривается к смертной казни через...

Вот неизвестно через что? А может быть так и произносили — «через зарубание шашками».

Тюрьма была переполнена смертниками.

В ожидании своей участи обреченные томились в своих камерах, чутко прислушиваясь по ночам ко всякому шороху за дверьми.

Глубокой ночью в коридоре раздавались тяжелые шаги и замедлялись у самой двери камеры. Приговоренный вскакивал в смертельном ужасе. Дверь отворяли намеренно медленно. В камеру входили озверевшие дутовские опричники. Несколько томительных минут постоят и... потом, смеясь, уходили. Так повторялось несколько ночей кряду.

Наконец приходили, накидывали на шею аркан и, соединив в партии несколько человек, уводили за винный склад, к собачьим ямам.

КАРАТЕЛЬНЫЕ ОТРЯДЫ В ДЕРЕВНЕ

В деревнях крестьянское (неказачье) население, его батрацко-бедняцкая часть, с самого начала встретило дутовщину враждебно. Поэтому Дутов наводнил деревни карательными отрядами, которые и проводили там «ликвидацию» большевизма.

Террор в деревне особенно усилился после того как объявленная Дутовым мобилизация унтер-офицеров, а затем и призыв двух очередных годов сорвались. Бедняцко-середняцкое крестьянство не желало воевать против советской власти и не давало людей в армию Дутова. А если карательным отрядам иногда удавалось собрать призывников, то они разбегались при первой возможности.

Белогвардейцы чинили кровавую расправу не только с пойманными призывниками, не желавшими воевать на стороне Дутова, но и с ближайшими родственниками их. В этих расправах над мирным населением белогвардейцам деятельно помогало духовенство. Весьма яркое описание творившихся в деревнях насилий дает Г. Кузнецов в своей книжке «Унгвицкий». В этой книжке речь идет о селе Дмитриевке, б. Оренбургской губернии. Но положение,

существовавшее в Дмитриевке, характерно для всех крестьянских селений. Мы поэтому и позволим себе привести несколько моментов, взятых из этой книжки.

«18 июля,— рассказывает т. Кузнецов,— из города привезли весть: в городе белые. Хмурятся лица бедноты, сходятся они к руководителю красногвардейского отряда Чашкину.

Неужели вправду белые?

Через два дня в селе красовался манифест оренбургского «победителя» Дутова. В этом манифесте Дутов призывал к борьбе с большевиками, обещая «дать» народу Учредительное собрание и правопорядок.

Вскоре этот «правопорядок» начался...

Неожиданно, врасплох налетел дутовский карательный отряд. Красногвардейцы скрылись; кто в город, кто в соседние села, кто в леса и степи. Чашкин тоже успел скрыться.

Белогвардейцы взялись за «работу», а кулаки, местное офицерство, поп — их верные и активнейшие помощники — ночей не спят, охотятся, отыскивая красногвардейцев и активистов из бедноты...

Заиграла по ребрам нагайка казацкая. Забубнил шомпол по поясницам бедняков. Застонала деревня под офицерским сапогом.

Секли, избивали прикладами не только красногвардейцев, не только бедняков-активистов, не забывали матерей, детей. С утра до поздней ночи в одиночку и группами гнали белобандиты крестьян в дом попа, где был штаб. Там привязывали их к скамейкам или просто клали на пол... Пытали, зверски издеваясь, приговаривая: «вот вам земля, вот свобода, сукины сыны». Из дома полуживыми, истекающими кровью, выбрасывали на двор.

За две недели перепороли, сделали калекami 100 человек. Это не полный подсчет тех, которых знает село. А сколько засеченных в волости, в степях, сколько невозвратившихся домой!

Не просили пощады и милости бедняки, крас-

ногвардейцы. С молчаливой злобой ползли по своим хатам, а оттуда — в степь. Вот как рассказывает о перенесенных издевательствах беднячка М. Маркова, мать двух красноармейцев-добровольцев.

«Дело было осенью. У меня скрывались два сына. Скрывались, голод переносили, но к белым не шли.

Поздней ночью в избу ворвались пятеро белогвардейцев и потребовали сыновей. «Не знаем, господи станичники, где они находятся», — ответил муж. С руганью накинулись на него: «Не знаете, темными стали... мы вас просветим».

Прикладами сшибли старика. Не стерпела, хотела заступиться, но тоже получила нагайку.

Остервенели, рыщут в избе, по двору, разыскивая сыновей, бьют окна. Не нашли, возвратились в избу, набросились на детей, взяли за сноху... Сколько стегали нас, не помню, только помню, что сын Василий, не зная о приходе белых, вошел в избу. Как с цепи сорвались казаки, сбили сына с ног прикладами... Секли все пятеро.

Залитых кровью отца с сыном поволокли в штаб.

Привели в штаб. Встретил их начальник карательного отряда, бывший наш пристав Попов. «Кого таких привели?» — «Отца, скрывающего двух сыновей, и самого дезертира». Попов ударил отца, из уха брызнула кровь. Старик упал. «Поднять мерзавца!» Второй удар; опять упал на пол. — «Ну теперь говори, где второй сын». — «Не знаю». — «Не знаешь? Память отшибло, большевистское отродье? Положить его на скамейку и крепче связать». Положили, связали и начали бить нагайками без счета. Перестали, когда устали. Выкинули на воздух. Опомнился старик — втащили опять в помещение. И снова нагайки впились в тело.

Старик истекает кровью, старик без сознания. Взялись за сына. Полуживым столкнули с крыльца на двор, и к вечеру едва приползли оба домой...

А вот еще печальная повесть о бедняке Афанасии Быкове.

Бедно жил Быков, впроголодь... Наконец, и в Дмитриевке советы. Быков с землей, Быков уверенно глядит в будущее.

Но враг не добит. Снова в Оренбурге у власти Дутов. Дутов наступает, и Быков, старик, отец большой семьи, идет в красногвардейский отряд на защиту Советов.

Дутов празднует временную победу. Дутов — хозяин ковыльных степей. Быков скрывается от белогвардейской расправы. Но зорки местные кулаки и поп. Быкова отыскиали. Прикладами гонят в штаб. Быков стар и слаб. У него подкашиваются ноги. Поднимают ударами нагаек.

В штабе встречает в кулаки знакомый пристав Попов. Добивают нагайками. Отсчитали полсотню, после бьют без счета. Полумертвым унесли его родные домой. После этого Быков не вставал. Проболе́л несколько недель и умер.

* * *

Ночь. Молчит избитая Дмитриевка. На улицах только слышен глухой стук сапог, — это кулаки сползаются к попу.

Поп Унгвицкий и кулаки требуют от главаря белобандитов разыскать Чашкина. «Никуда он не делся, в селе спасается, подлец. Страху наводит».

Кулаки клянутся разыскать Чашкина, обещают помочь отряду.

Долго искали, но, наконец, удача: захватили его. Чашкин пытался вырваться. Оглушили прикладами. Штык влез в плечо, брызнула кровь. Чашкин покачнулся. Связали руки и прикладами погнали в волостное правление, там исполосовали нагайками, клинками избороздили лицо.

Приползла очередная ночь. Чашкина привели в штаб. Его не узнать, весь опух, изрезан, в черных кудрях кусками запеклась кровь. Но бодр, так же твердо стоит на ногах, как и прежде.

— Ну, Чашкин, молодец ты, иди с нами,— хороший из тебя офицер выйдет,—предлагает поручик.

— Нет!

Штык вонзился в спину. Чашкин упал.

— Убивайте! Вам не впервые... Нас много... Я знаю, за что умираю, только скорее бейте...

Повели к приготовленной яме на гумне...

Не расстреляли, а замучили медленной казнью, штыками, саблями, прикладами. Полуживым зарыли в яму. Ночью белобанды покинули село.

* * *

Таковы «итоги» пребывания белогвардейцев в Дмитриевке. Село Дмитриевка — не исключение, наоборот, во многих селах белогвардейцы зверствовали еще больше. Не редки были случаи, когда белые вырезали все семьи ушедших с красными.

После бегства Дутова Красную армию встречали в деревнях с огромным подъемом. Бедняки и молодежь вступали добровольцами в Красную армию.

РАЗГРОМ ДУТОВЩИНЫ

ПЕРЕЛОМ НА ПОВОЛЖСКОМ ФРОНТЕ

Как мы видели раньше, Дутов смог овладеть Оренбургом, а затем и удерживать в своих руках территорию Оренбургского края только благодаря успехам контрреволюции (самарской учредилки и чехо-словаков) на поволжском фронте. Успехи чехо-учредилщины, распространившейся к августу по Волге от Вольска до Казани, создали серьезнейшую угрозу Советской республике.

Для отражения контрреволюции на Восточном фронте партия приняла ряд мер. На Восточный фронт были брошены лучшие, закаленные силы большевистской партии. По призыву партии Красная армия стала пополняться рабочими. Этот приток свежих сил и организационные мероприятия, проведенные партией и правительством, значительно укрепили ряды Красной армии.

После оставления Красной армией Казани отступление было приостановлено. Непрерывно прибывавшие на фронт рабочие пополнения внесли

в ряды бойцов бодрость и уверенность в победе. Посланные партией на фронт большевистские силы закрепили эту уверенность систематической воспитательной работой и личным примером храбрости и самоотверженности.

К началу сентября Красная армия настолько окрепла, что перешла в наступление и после серьезнейших сражений 10 сентября вновь овладела Казанью, а 12 сентября белые покинули Симбирск (теперь Ульяновск), а на юге Вольск.

С падением Казани, Симбирска, Вольска, а вскоре и Хвалынска (16 сентября) самарская учредилка оказалась в кольце. Эти успехи, достигнутые Красной армией, еще более подняли революционный энтузиазм красных бойцов и усилили их наступательный порыв. И наоборот, в связи с победами Красной армии, в рядах белых начался развал, росло дезертирство, вспыхивали вооруженные восстания в воинских частях и в городах.

Все это еще более ускоряло отступление белых. 2 октября они оставили Сызрань, а 7 октября полки Красной армии вступили в Самару.

Из Самары части 1-й Красной армии вскоре двинулись на Бузулук. Несмотря на упорное сопротивление белых и разрушение ими при отступлении железнодорожного пути, Красная армия в непрерывных боях продвигалась вперед и в конце октября овладела Бузулуком.

КАРАВАН ДЖАНГИЛЬДИНА

Падение Самары означало по сути дела полный разгром учредилковщины, которая после этого не могла уже оправиться. Но взятие Самары Красной армией внесло коренное изменение в соотношение сил и в Оренбургском крае, поскольку теперь Дутов очутился зажатым с двух сторон.

В связи с этим Дутов стремился во что бы то ни стало отбросить актюбинскую группу красных

в степи, в сторону от железной дороги и овладеть Ташкентской дорогой.

Еще 4 октября Дутов предложил командующим ташкентским и орским фронтами отбросить красных на югозапад от железной дороги, в степи. С этой целью части дутовской армии должны были начать активные действия в трех главных направлениях: в направлении станций Мартук — Актюбинск, затем севернее станции Яйсан, в районе поселков Андреевского, Красноярского и Карачатского и, наконец, из города Орска в направлении на Кос-Истек и Ащелисайский поселок. Для успешного завершения этих операций Дутов приказал бросить конные части для глубокого обхода Актюбинска с северовостока и одновременно атаковать Актюбинск с северозапада.¹

Дутов особо подчеркивал задачу — отбросить красных в степи и занять Ташкентскую дорогу. Это его стремление станет понятным, если принять во внимание возникшую угрозу со стороны Самары. Дутовым была установлена связь с контрреволюционными военными организациями Ташкента и Бухары, куда он направил своих офицеров для поднятия белогвардейского восстания. Кроме того своим постоянным резидентам в Туркестане Дутов приказал войти в связь с английскими войсками, действовавшими на ашхабадском фронте и на границе Афганистана.²

Таким образом Дутов предполагал, разбив красных в районе Актюбинска и при поддержке английских войск подняв восстание в Туркестане, связать Оренбург с Ташкентом и тем самым облегчить дальнейшую борьбу на поволжском фронте.

Однако мечты Дутова не были осуществлены. Актюбинская группа к этому времени, хотя и нуждалась в патронах, организационно и морально

¹ Приказ Дутова № 466 от 4 октября.

² Донесение Дутова в штаб поволжского фронта, см. рукопись М. Шарапова,

достаточно окрепла. По признанию самого Дутова, в это время «среди коренных (?) красноармейцев замечается некоторая самоуверенность и даже стремление к активным действиям».¹ С другой стороны, одновременное наступление Дутова в трех направлениях распыляло его силы и не давало возможности ни в одном районе воспользоваться количественным превосходством его сил.

10 октября Дутов вновь отдает приказ «безотлагательно, всеми войсками фронта перейти в энергичное наступление», все с тою же целью отбросить красных за железную дорогу к югу. Но и эта попытка не увенчалась успехом.

Несомненно, что при наличии достаточных запасов патронов и снарядов Туркестанская армия уже в этот период смогла бы вести успешное наступление против Дутова. Однако отсутствие огнеприпасов вынуждало ее оставаться на месте и вести лишь оборонительные действия.

Но и оборонительные действия при постоянных налетах белых требовали значительного количества огнеприпасов. При эвакуации из Оренбурга было вывезено всего лишь около 6 миллионов ружейных патронов и 20 тысяч артиллерийских снарядов. Вместе с имевшимися запасами огнеприпасов в частях в среднем на винтовку приходилось около 500 патронов, не более 5 тысяч на пулемет и 600—700 снарядов на орудие.² В течение более трех месяцев запасы патронов почти не пополнялись. Лишь около 2 миллионов ружейных патронов было получено из Ташкента (половина этих патронов была кустарного производства и содержала до 50 процентов брака) да полтора миллиона было доставлено с Каспийского побережья чрезвычайным комиссаром степного края т. Алибеем Джангильдиным.

Доставка патронов Джангильдиным достойна

¹ Донесение в штаб поволжского фронта.

² М. Шарапов, Борьба с дутовщиной.

Прибыв в Москву после падения красного Оренбурга, Джангильдин при содействии т. Сталина приступил к формированию отряда. Формирование отряда Джангильдин закончил в Тамбовской губернии, где в его отряд вступило 20 сербских коммунистов, а весь отряд состоял из 300 человек. Из Тамбова отряд направился в Астрахань, где он получил груз патронов.

**УСЛОВНЫЕ
ОБОЗНАЧЕНИЯ:**

- Отряды Джангильдина
- Жел. дороги
- Тракты и прос. дор.

The map shows the Caspian Sea (КАСПИЙСКОЕ МОРЕ) and the Ural Mountains (УРАЛЬСКОЕ МОРЕ). Key locations include Orenburg (Оренбург), Samara (Самара), and Astrakhan (Астрахань). Arrows indicate the movement of Dzhangildin's detachments from the north and east towards the sea. The legend defines the symbols for detachments, railways, and roads.

0 25 50 150 250 B&P

148

Александровск (ныне форт Урицкий). Но оказалось, что там нельзя было достать транспортных средств для перевозки патронов через степь, поэтому отряд высадился на полуострове Пузачи. Здесь в течение двух недель у кочующих неподалеку киргизов были закуплены верблюды, лошади и прочие принадлежности для экспедиции. 20 августа транспорт в составе 300 верблюдов и 300 лошадей тронулся в путь по направлению на Усть-Юрт и далее через пустыню к Актюбинску. Путь был чрезвычайно тяжелый и опасный: голая безводная степь, солончаки. Изредка, на расстоянии 60—100 километров друг от друга попадались колодцы, глубиной до 130 метров.

Порой казалось, что отряду не удастся выбраться из этой страшной песчаной степи. Но отряд решил во что бы то ни стало доставить патроны, ибо каждый красноармеец знал, что этих патронов дожидаются в Актюбинске бойцы, сдерживающие наседающих на них белогвардейцев. В течение двух с половиной месяцев шел отряд Джангильдина по безводной пустыни и, наконец, в начале ноября вышел к Ташкентской железной дороге в районе станции Челкар.

С получением патронов значительно улучшилось положение Туркестанской армии, среди красноармейцев поднялось боевое настроение.

НАСТУПЛЕНИЕ НА ОРЕНБУРГ

К началу декабря части 1-й армии, наступавшие против Дутова со стороны Самары, достигли границ Оренбургской губернии. Белые прилагали отчаянные усилия, чтобы сдержать натиск Красной армии. Наступившие жестокие холода несколько отразились на ходе военных действий, так как красноармейцы не имели теплой обуви и одежды. Все же, несмотря на эти серьезные препятствия, в начале января 1919 года 24-я Железная дивизия, находившаяся в районе станции Новосергиевка, перешла в реше-

тельное наступление по фронту общим протяжением до 150 километров.

Одновременно с наступлением частей 1-й армии от Бузулука, со стороны Актюбинска начала наступление на Оренбург Туркармия.

У белых на актюбинском фронте было в то время до 6 тысяч человек конницы, тысяча человек пехоты и до 30 орудий. В наступавших частях Туркармии было до 10 тысяч человек пехоты, 800 человек конницы и 31 орудие.¹

Несмотря на жестокие холода, отсутствие теплого обмундирования у красноармейцев и отчаянное сопротивление белых, наступление проходило успешно для красных. 6 января части Туркармии с боем заняли станцию Ак-Булак. В течение нескольких дней белые пытались отбить станцию, но были отброшены и отошли к Соль-Илецку.

Чтобы не дать белым возможности сосредоточить свои силы и укрепиться на подступах к городу, командование Туркармии немедленно двинуло свои части на Илецк. Красные двигались двумя группами: главные силы шли вдоль железной дороги, а одна дивизия была послана в обход города с юга. К рассвету 10 января главные силы красных были в 5—6 километрах от города. Здесь начался бой. В это же время части красных, посланные в обход, приблизились к городу с юга.

Среди белых началась паника, и они в беспорядке стали отступать. Красная конница ворвалась в город и еще более усилила панику. Только вследствие некоторого запоздания красной пехоты, которую задержал бронепоезд белых, красная кавалерия была вытеснена из города и штаб белого корпуса сумел выбраться из Илецка.

Хотя главные силы белых успели выбраться из Илецка, тем не менее взятие этого города Красной армией имело огромное значение. Илецк являлся

¹ М. Шарпов, Борьба с дуговщиной.

последним опорным пунктом на пути к Оренбургу, и с его падением дорога на Оренбург была открыта.

В это время части 1-й армии подступали к Оренбургу со стороны Бузулука. Очутившись в мешке, Дутов решил энергичным штурмом разбить Туркармию и освободившимися частями усилить свой северный фронт. 13 января отборные части Дутова перешли в наступление на Илецк. Одновременно и Туркармия, после трехдневной передышки, возобновила свое движение на Оренбург. В нескольких километрах от Илецка начался бой, который продолжался весь день. Под вечер белые отступили к Оренбургу.

Во время этого боя Туркармия понесла значительные потери убитыми и ранеными, так как напор белых был чрезвычайно энергичен. Кроме того в частях Туркармии было до 500 обмороженных, которые также выбыли из строя. Запасы патронов вновь стали подходить к концу.

В силу всех этих обстоятельств дальнейшее движение армии было на несколько дней приостановлено.

Последние дни пребывания Дутова в Оренбурге характерны небывалым пьяным разгулом буржуазии и офицерства. Чувствуя неминуемую гибель, буржуазия проводила эти дни в диком пьянстве, следуя девизу: «хоть час, да наш». Эта пьяная волна разлилась настолько широко, что 15 января Дутов издал специальный приказ:

«В эти страдные дни, — писал он, — когда вокруг Оренбурга происходят упорные бои, некоторые граждане города забыли бога, честь и родину. Пьянство приняло размеры небывалые. Катанье на тройках, бешеные пьяные крики, песни всю ночь тревожат мирных обывателей и внушают суеверный ужас. Все мои обращения и приказы не оказали действия.

Властью, мне данной верховным правителем, решительно объявляю: всякий пьяный, встреченный

на улице, будет выпорот без различия званий и состояний. Офицер — представлен к разжалованию в рядовые...»¹

Дутовщина явно разлагалась и никакие приказы не могли задержать этого процесса. Вскоре движение Туркармии к Оренбургу возобновилось. Находясь совсем недалеко от Оренбурга, командование Туркармии узнало, что с севера к городу подходят части 1-й армии, а войска Дутова начали отходить на Орск.

19 января части Дутова оставили Оренбург, а 20 января туда почти одновременно вошли части 1-й и Туркестанской армий.

Белые поспешно отступили из Оренбурга, оставив там большое количество всякого рода имущества и не успев вывезти политзаключенных из тюрьмы. Это поспешное бегство Дутова было вызвано действиями подпольной большевистской организации. Узнав о предполагаемой эвакуации политзаключенных и не имея возможности силой помешать этому (организация располагала всего восемнадцатью берданками, несколькими бомбами и револьверами), организация послала на станцию Кувандык своего телеграфиста с подложными документами. Оттуда этим телеграфистом Дутову была послана фиктивная телеграмма. В ней сообщалось, что на станцию Кувандык совершен налет красных, которые прервали телеграфное сообщение, убили коменданта, причем силы красных не установлены.

Кроме того с помощью телеграфистов парторганизация сняла на телеграфе аппараты, и сообщение было почти полностью прервано.²

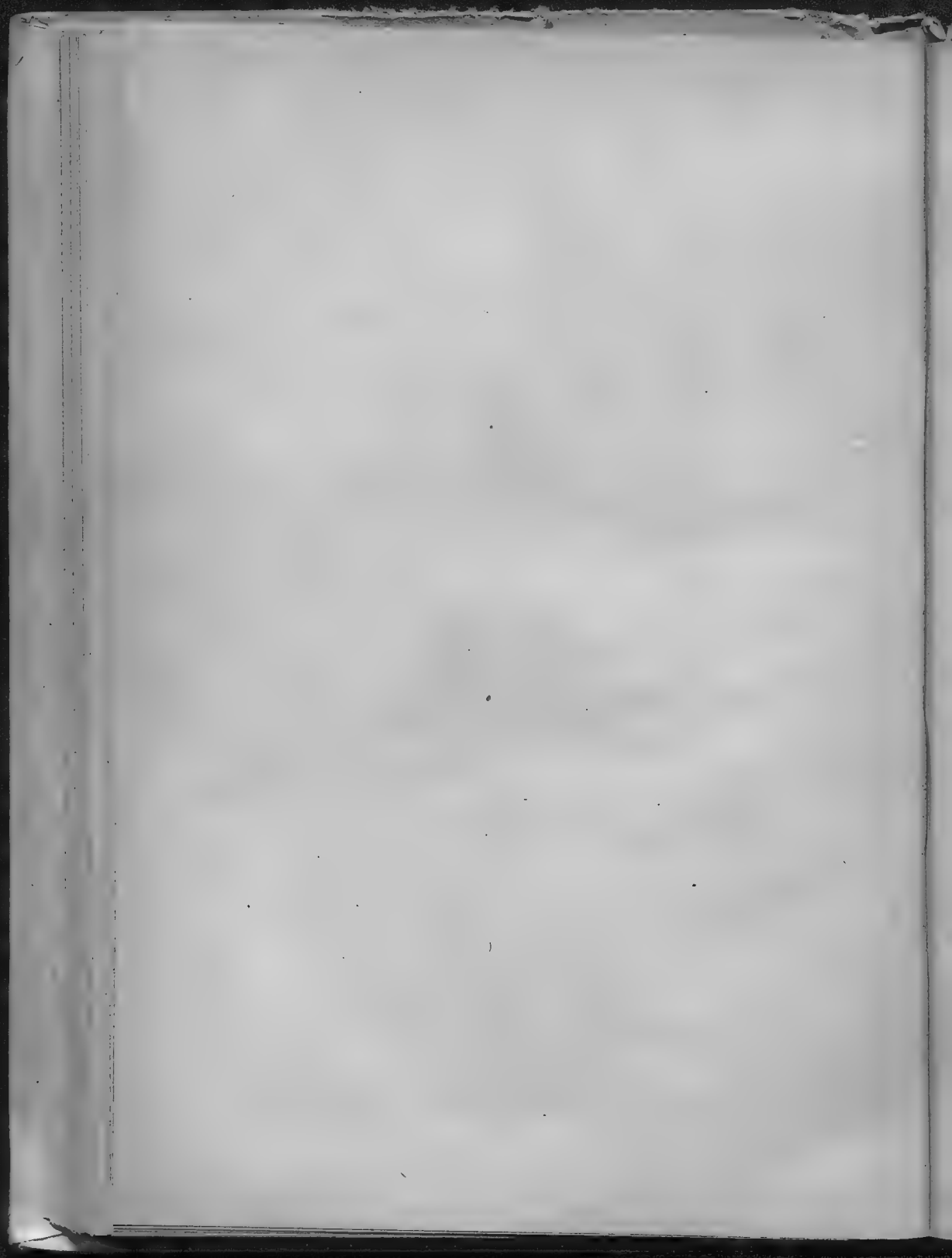
Все это вызвало большое замешательство в штабе Дутова, в силу чего эвакуация политзаключенных не состоялась. С уходом дутовских войск они были освобождены.

¹ «Оренбургский казачий вестник» № 10, 17. I. 1919.

² См. ст. Каргополова, «Коммунар» № 5, 29. I. 1919.

За самоотверженную и героическую борьбу с дугловщиной оренбургские рабочие были награждены почетным знаменем ВЦИК. На снимке: г. Ем. Ярославский вручает знамя ВЦИК оренбургским рабочим 12 июня 1921 года.

РАЗЛОЖЕНИЕ В БЕЛОЙ АРМИИ

Отступив из района Оренбурга, главные силы белых направились к Орску. Белые отходили в беспорядке и до самого Орска не смогли оказать сколько-нибудь значительного сопротивления Красной армии. Объясняется это тем, что в белой армии началось сильнейшее разложение.

Процесс разложения белой армии начался гораздо раньше. Еще 30 октября 1918 года командующий бузулукской группой белых войск, полковник Бакич, доносил Дутову, что входящая в состав его группы 2-я стрелковая дивизия «совершенно расстроилась как морально, так и численно», так как «мобилизованные почти поголовно ушли из рядов частей». В полках этой дивизии, по признанию Бакича, осталось боеспособного элемента от 60 до 200 человек, но и оставшиеся солдаты часто не выполняют приказов офицеров и без сопротивления отступают.

Не лучше было и во всех других частях Дутова. Так, под Новосергиевкой 25-й казачий полк бросил позиции. Казаки этого же полка оставили в станице Переволоцкой письмо для командования Красной армии. В этом письме казаки заявляют, что они не желают воевать против Советов.¹

Возросло число перебежчиков на сторону Красной армии и дезертиров из белых частей. На фронте были полки, где в ротах осталось по 15—20 человек. В 5-й стрелковой дивизии Дутова, которая была введена в бой под Оренбургом, осталось всего 300 человек, остальные разбежались.²

Чтобы прекратить дезертирство из частей, Дутов распорядился отправлять на фронт для рытья окопов ближайших родственников дезертиров, если эти родственники не выдадут дезертира. Но и эта мера не помогала. Дезертирство все росло. Сле-

¹ «Коммунар» № 36, 22. I. 1919.

² Там же, № 24, 20. II. 1919.

дует отметить, что разложение охватило не только солдатские полки (неказачьи), но и казаков, несмотря на то, что в казачьих полках было много кулацких элементов, которые всячески боролись с дезертирством. Дело дошло до того, что с приближением к своим станицам некоторые полки целиком разбегались по домам. Так например, разошлись по домам казаки Восьмого и Линейного полков.

Единственное, что удерживало казаков от перехода на сторону красных,— это боязнь репрессий со стороны советской власти. Конечно, никаких репрессий к добровольно сдавшимся не чинилось, но казаки были напуганы своими офицерами, которые пропагандой о мнимых расправах красных над казаками стремились удержать последних на фронте. Но казаки все же находили способ узнать истину. Они пишут в красноармейские части письма и просят дать какое-либо доказательство, что к перешедшим никаких репрессий не применяется. Вот образцы таких писем казаков:

«Братья и товарищи! Давайте бросим эту проклятую бойню. Мы не знаем, за что сражаемся против вас. Пошлите к нам оставшихся в наших селах отцов и дедов, пусть удостоверят они, что у вас... нет расстрелов,— мы протянем вам братскую руку.

Нас обманули, нам вскружили головы разный ученый народ, но мы хотим жить с вами по-братски».¹

А вот другое письмо:

«Товарищи, если у вас нет расстрела, то мы, 24-й полк, весь присоединимся к вам, перейдем с оружием в руках. Мы боимся, что у вас расстрелы, но если нет, то пришлите прокламацию в какую-нибудь деревню, занятую нами, с мужиком. Будем ожидать. Затем до свидания, товарищи, пишите нам прокламацию».²

Таким образом офицерство начало терять власть и над казачьими частями. Но революционный ветер

¹ В. Троцкий, 1919 год в СВК, Самара, 1932, стр. 58.

² «Коммунар» № 22. 18. II. 1919.

коснулся не только казачьих частей, но и наиболее отсталых в политическом отношении башкирских национальных частей. Под влиянием своих руководителей эти части вначале поддерживали Дутова и Самарский комуч. Однако в связи с ростом революционного настроения в башкирских массах командование этих частей вынуждено было пойти на переговоры с советским правительством, и 18 февраля башкирские войска перешли на сторону Красной армии.

С приходом Красной армии в деревнях Оренбургской губернии поднялось широкое движение за советскую власть. Бедняцко-середняцкие слои крестьянства, испытав прелести дутовского режима, широкой волной вливались в Красную армию, горя желанием быстрее покончить с дутовщиной и укрепить советскую власть.

Все это значительно содействовало победам Красной армии, которая уже к концу февраля заняла Орск и очистила южную часть Оренбургской губернии. К началу марта Красная армия на Восточном фронте занимала уже следующие пункты: станция Сломихинская — Лбищенск (южнее Уральска) — Илецк — Актюбинск — Орск — Богоявленский завод — Уфа — Бирск, и далее фронт шел восточнее Глазова. От Каспийского моря до Илецкого городка фронт против уральских казаков занимала 4-я армия, от Илецкого городка через Актюбинск и до Орска включительно — Туркестанская армия, от Орска до Богоявленского завода — 1-я армия, а далее фронт занимали наша 5-я, 2-я и 3-я армии.

ПРОРЫВ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА КОЛЧАКОМ И НОВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ДУТОВА

Учтя начавшиеся успехи Красной армии, Колчак и стоявшие за его спиной иностранные империалисты бросают все свои силы на фронт против наступавших красных полков. Уже в марте 1919 года

Колчаку удалось достигнуть перевеса в вооруженных силах. Не считая чехословацких войск, у Колчака в марте было 112 тысяч штыков и сабель против 96 тысяч штыков и сабель, действовавших против него красных армий. Эти силы Колчака состояли из трех отдельных армий: Сибирской (командир генерал Гайда), Западной (генерал Ханжин) и Юго-западной (генерал Дутов). Помимо количественного перевеса армии Колчака получили огромные материальные пополнения от иностранных империалистов и располагали большим количеством технических сил, чего не могло быть в тот момент в Красной армии.

Используя все эти преимущества, Колчак в марте обрушился на левый фланг нашей 5-й армии, занимавшей линию фронта Уфа — Бирск. Здесь противник имел до 40 тысяч штыков и сабель, в то время как в 5-й армии было всего 11 тысяч бойцов, измученных предыдущими боями. Такое соотношение вооруженных сил сразу же сказалось. 5-я армия, занимая фронт протяжением в 200 километров, не могла сдержать напора свежих и прекрасно вооруженных полчищ Колчака и вынуждена была отступить. Вполне естественно, что отход 5-й армии вызвал отход и смежных с нею 1-й, 2-й и Туркестанской армий, а затем и 3-й. Колчак все более и более усиливал свой нажим на главном уфимско-самарском направлении, стремясь прорваться к Волге и захватить кинельский железнодорожный узел. Колчаку удалось значительно оттеснить Красную армию в уфимско-самарском направлении и глубоко вклиниться в наше расположение.

В связи с прорывом Колчака на главном направлении Восточного фронта создалась угроза изоляции правого фланга фронта, т. е. 1-й и Туркестанской армий. Поэтому в апреле начался отход правого фланга. С отходом 1-й и Туркестанской армий линия фронта несколько выровнялась, и только в оренбургском направлении Красная армия все еще

значительно вклинивалась в расположение противника. К середине апреля линия фронта вновь проходила недалеко от Оренбурга по реке Салмыш, затем шла немного восточнее Бузулука, через станцию Подбельская (западнее Бугуруслана) и далее на Чистополь и по Каме.

Вторжение колчаковских полчищ в пределы Поволжья создавало новую серьезнейшую угрозу для самого существования Советской республики. Партия и правительство вновь принимают решительные меры для укрепления красного Восточного фронта и разгрома наемника Антанты — Колчака.

10 апреля В. И. Ленин обращается к петроградским рабочим с особым письмом о помощи Восточному фронту.

«Положение на Восточном фронте, — пишет В. И. Ленин, — крайне ухудшилось. Сегодня взят Колчаком Воткинский завод, гибнет Бугульма; видимо, Колчак еще продвинется вперед.

Опасность грозная... Мы просим питерских рабочих поставить на ноги все, мобилизовать все силы на помощь Восточному фронту».¹

На другой день ЦК партии принимает известные тезисы в связи с положением на Восточном фронте, написанные В. И. Лениным.

«Центральный комитет, — говорится в тезисах, — обращается ко всем организациям партии и ко всем профессиональным союзам с просьбой взяться за работу по-революционному...

Мы можем победить Колчака. Мы можем победить быстро и окончательно, ибо наши победы на юге и ежедневно улучшающееся, изменяющееся в нашу пользу международное положение гарантируют нам окончательное торжество. Надо напрячь все силы, развернуть революционную энергию, и Колчак

¹ Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 223.

будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны».¹

Эти тезисы, как и другие мероприятия партии, сыграли исключительную роль в мобилизации активности пролетарских масс для борьбы с Колчаком, в организации победы над контрреволюцией вообще.

Призыв партии «взяться за работу по-революционному» нашел живой и энергичный отклик в рядах пролетариата и послужил толчком также к организации коммунистических субботников, значение которых, как известно, было колоссальным.

На фронт посылаются испытанные в боях, закаленные в революционной борьбе большевики. По призыву партии вся советская страна сплотилась в едином стремлении — победить. Отовсюду на Восточный фронт шли пополнения, и к концу апреля наши силы уже имели некоторый численный перевес над силами Колчака.

С целью разгрома противника и оттеснения его в глубь Сибири решено было создать специальную южную группу советских войск, которая должна была нанести противнику сокрушительный удар. В эту группу вошли 4-я, Туркестанская, 1-я и 5-я армии. Командование ею было поручено испытанному большевику, командарму 4, М. В. Фрунзе.

Вступив в командование, т. Фрунзе разработал план разгрома противника, который вскоре был блестяще осуществлен. По этому плану перед отдельными армиями, входившими в южную группу, ставились такие задачи: 4-й армии (на правом фланге группы) — сдерживать натиск уральских казаков, 1-й армии, — удерживая Оренбург, перейти в решительное наступление на Стерлитамак и Белебей, Туркестанской армии — наступать на фронте Бугуруслан — Заглядино (15 километров восточнее Бугуруслана) и с помощью 5-й армии, наступающей

¹ Ленин, Собр. соч, т. XXIV, стр. 226.

из Сергиевска, разбить в этом районе группу противника.

РАЗГРОМ 4-ГО КОРПУСА БЕЛЫХ

Когда красные проводили перегруппировку сил, готовясь к осуществлению намеченного плана, белые решили овладеть Оренбургом, для чего противник выдвинул 4-й корпус Бакича на реку Салмыш. Удержание в руках Красной армии Оренбурга в тот момент имело огромное стратегическое значение для общего успеха намеченной т. Фрунзе операции, известной под именем бугурусланской. В случае оставления нами Оренбурга два кавалерийских корпуса белых, сосредоточенных под Оренбургом, очутились бы на правом фланге и в тылу ударной группы, что могло бы повлечь за собой новый отход нашего правого фланга, а значит поставило бы под сомнение и успех бугурусланской операции. С другой стороны, падение Оренбурга вызвало бы падение Уральска, и таким образом войска Дутова соединились бы с уральскими казачьими частями и образовали общую линию фронта от Каспийского моря и на восток. В этом случае Ташкентская железная дорога очутилась бы в руках белых и могла быть широко использована ими в борьбе с Красной армией.

Белые, понятно, учитывали все это и направили под Оренбург весьма сильную группу войск. 4-му армейскому корпусу Бакича ставилась задача переправиться через реку Салмыш (севернее Оренбурга) и выйти на железнодорожную линию севернее Оренбурга, т. е. отрезать последний от Бузулука. Одновременно части 2-го казачьего корпуса должны были наступать на Оренбург с востока между Самарой и Уралом, а 1-й казачий корпус — с юга.

К 26 апреля 4-й армейский корпус Бакича закончил переправу через Салмыш. Не дожидаясь начала общего наступления белых, красные сами

перешли в наступление против Бакича. Для противника это наступление явилось полной неожиданностью. Несмотря на упорное сопротивление, корпус Бакича не смог выдержать исключительно дружного и стремительного наступления красных и в беспорядке стал отступать к переправе через разлившийся Салмыш у деревни Архипово.

Не имея достаточных средств переправы, белые пытались здесь оказать сопротивление, но были опрокинуты, прижаты к реке и целиком разгромлены.

В этом исключительно удачном для красных сражении шесть полков противника были почти целиком уничтожены. Успели переправиться всего около 300 человек. Красные захватили около 2 тысяч в плен, взяли 34 пулемета, 2 орудия, до 500 тысяч ружейных патронов и много другого имущества. 4-армейский корпус белых перестал существовать.

Эта блестящая победа красных на Салмыше оказала серьезнейшее влияние на еще больший рост боеспособности красноармейцев и способствовала дальнейшим успехам Красной армии. Салмышская победа являлась по сути дела началом той блестящей бугурусланской операции, которая в свою очередь знаменовала собой наступавший перелом на Восточном фронте и начало конца Колчака.

Через день после салмышского боя, 28 апреля, части южной группы т. Фрунзе, закончив перегруппировку, повели энергичное наступление. В этот же день Туркестанская и 5-я армии разбили две дивизии белых (6-ю и 11-ю), отбросив противника на север. Вскоре Красная армия нанесла Колчаку решительный удар в районе Бугуруслан—Сергиевск, и противник начал быстро отступать.

Уже в первых числах мая наметился определенный перелом на фронте, что дало красному командованию полную уверенность в близкой победе. 4 мая командующий южной группой Восточного фронта т. М. В. Фрунзе сделал следующее официальное сообщение в печати:

До сих пор еще в центре России чувствуется сильная тревога и опасение за участь Поволжья. Я заявляю определенно, что К о л ч а к у В о л г и н е в и д а т ь. Перелом и в настроении частей и в ходе операций определился: наши армии переходят в решительное наступление. Их задача — уничтожить живые силы зарвавшегося далеко вперед врага.

Задача осуществляется вполне успешно. За последние 7 дней взято свыше 5 тысяч пленных, среди которых много офицеров, семь орудий и более 50 пулеметов. Совершенно уничтожены пятая и одиннадцатая дивизии противника, причем командный состав их частью взят в плен, а частью перебит своими же солдатами. Разбиты и отброшены вторая и двенадцатая дивизии противника.

Наши потери ничтожны. Настроение частей и подъем их выше всякой похвалы. У противника развал: массовое дезертирство и переход на нашу сторону целыми частями. В районе к югу от станции Сарай-Гир первого мая нашей кавалерии сдался только прибывший на фронт украинский полк в составе 2000 человек, предварительно перебив большинство командного состава. В успехе наших армий сомнений нет.¹

К 5 мая Красная армия вытеснила белых из района Бугуруслана и заняла Абдулино. Отступление белых носило панический характер, многие полки, состоявшие из мобилизованных крестьян, целиком перешли на сторону Красной армии и обратили свое оружие против белых. Вскоре весь план, намеченный т. Фрунзе, был выполнен. 13 мая части 26-й и 25-й (Чапаевской) дивизий взяли Бугульму, 17 мая в руки красных перешел Белебей, и красные полки неудержимо двинулись вперед.

БОРЬБА ЗА ОРЕНБУРГ ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1919 ГОДА

Несмотря на полный разгром корпуса Бакича на Салмыше и успехи красных на самаро-уфимском направлении, белые не оставили своего намерения овладеть Оренбургом и сделать его базой дальнейшей борьбы с Красной армией.

Начиная с 27/апреля, белые упорно развивают наступление на Оренбург с востока (в районе ста-

¹ Газ. «Революционная армия» № 97. 4. V. 1919.

ницы Каменноозерной) и с юга (от станции Донгузской). Одновременно в районе Илецкого городка (западнее Оренбурга, вниз по Уралу) вспыхнуло кулацко-офицерское восстание.

В связи с ослаблением действовавших в районе Оренбурга регулярных красноармейских частей противник приближается к самому Оренбургу и 29 апреля обстреливает вокзал и город.

Белые почти со всех сторон обложили город и предпринимали атаку за атакой с целью овладения им. Оренбург оказался в весьма критическом положении и каждый час мог быть отрезан. В связи с этим, как сообщает С. Каменев, «у некоторой части комсостава явилась мысль о временной сдаче Оренбурга противнику. Эта мысль встретила жесточайший протест местных работников, а главным образом железнодорожных рабочих, которые смело решили организовать оборону Оренбурга за счет местных сил и средств, не отвлекая для этой цели красноармейских частей. Принятая на себя оренбургскими рабочими и местными работниками задача была выполнена блестяще, а срок такого состояния Оренбурга был не коротким, — он продолжался более месяца».¹

Оренбургский пролетариат, под большевистским руководством, вновь становится под ружье и напрягает все силы, чтобы отбросить белых от города. На фронт идут рабочие, почти целиком ушла вокопы партийная организация, даже городская милиция была послана на фронт.

Однако белые, пользуясь значительным перевесом своих сил, упорно стремятся овладеть городом. Многочисленные попытки наступления красных кончаются неуспехом, так как белые бросали все новые и новые подкрепления, а у красных не было никакого резерва. 15 мая белые вновь подошли с южной сто-

¹ Цит. по кн. Анишева, Очерки истории гражданской войны 1917—1922 гг., ГИЗ, Л. 1925, стр. 232.

роны к самому Оренбургу и открыли усиленный артиллерийский и ружейный огонь по городу.

Перевес сил противника, а отсюда — постоянная угроза Оренбургу продолжались до двадцатых чисел мая. Только в двадцатых числах на помощь Оренбургу прибыли небольшие пополнения, и белые вскоре были отброшены от Оренбурга.

Однако и после этого белые не прекратили борьбы. Оставив небольшие части под Оренбургом с восточной и южной сторон, противник перебрасывает свои главные силы вниз по Уралу в район Илецкого городка и оттуда открывает активные действия против красных.

Противник не случайно перебросил свои силы именно в район Илецкого городка. Здесь по Уралу наиболее густо и компактно расположены богатые казачьи станицы с преобладанием в них зажиточного элемента. Как уже указывалось, здесь еще в конце апреля кулацко-офицерские элементы подняли контрреволюционное восстание. Отсюда же, как известно, началось контрреволюционное движение против советской власти и в начальный период борьбы — зимой и весной 1918 года. Словом, этот район можно с полным правом назвать колыбелью контрреволюции. Естественно, что именно его белые решили сделать базой для дальнейшей своей борьбы.

Помимо этих соображений данный район был удобен для дутовцев и тем, что здесь они могли действовать в тыл нашим армиям Восточного фронта и отрезать Оренбург от Самары, захватив железнодорожную линию в районе станций Переволоцкая — Новосергиевка. В то же время белые находились в непосредственной близости к контрреволюционной армии уральских казаков, обеспечивая им их правый фланг.

Сосредоточив в районе Илецкий городок — Мухраново — Нижнеозерная — Татищевская значительные силы, белые уже 28 мая произвели налет на железнодорожную линию между Платовской и Пе-

революцкой, разрушили станционные сооружения разъезда № 12 и испортили железнодорожный путь и телеграфную линию.

Имевшихся в Оренбурге вооруженных сил было недостаточно, чтобы оттеснить белых. Поэтому красные вынуждены были сосредоточить главное свое внимание на обороне города и железнодорожной линии. Белые же, располагая конницей, имевшей возможность совершать быстрые переходы, вели активные наступательные действия в разных пунктах, делая налеты на железную дорогу и пр. Несколько раз красные предпринимали наступление, но ввиду большого перевеса сил белых и большой их подвижности (конница) эти попытки успехов не имели.

В течение всего июня и июля положение под Оренбургом остается напряженным. Ввиду превосходства сил белых (у белых была 21 тысяча штыков и сабель, а у красных только 13 тысяч) красным частям с большим трудом приходилось отражать многочисленные налеты дутовцев. Особенно часто эти налеты были на железнодорожную линию в районе Новосергиевка — Переволоцкая, где белым неоднократно удавалось производить значительные разрушения.

В июне, когда Колчак потерял уфимский район и Красная армия продолжала теснить его войска, командование южной группой Красной армии решило разделаться и с южной белой армией в оренбургско-уральском районе. Для усиления частей Красной армии под Оренбургом сюда была направлена 25-я Чапаевская дивизия, которая в июле освободила Уральск от белогвардейского обложения.

В половине июля, в связи с прибывшими пополнениями, инициатива начинает переходить в руки красных. Как только белые почувствовали, что они начинают терять численное превосходство, они объявили в занятых ими Верхнеуральском, Орском и Актюбинском уездах мобилизацию солдат сроков

службы 1909—1913 годов. Однако эта мобилизация провалилась. Несмотря на жестокие репрессии белых, мобилизованные не являлись на сборные пункты. Не помогла и угроза белого командования — за каждого неявившегося брать двух из числа более старших возрастов, а также наложение больших штрафов за каждого дезертира на сельские общества.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗГРОМ ДУТОВЩИНЫ

С целью окончательного разгрома белогвардейщины в Оренбургском крае из 1 и 4-й армий создается туркестанский фронт, и красное командование тщательно готовится к предстоящему наступлению. Поскольку операции Красной армии в районе Челябинска закончились успешно, а 4 августа был взят и Троицк, создалась благоприятная обстановка для наступления и на туркестанском фронте. Это наступление, предпринятое в конце августа, развивалось успешно, и белые, вначале оказывая серьезное сопротивление, начали отступление на юго-восток.

Начавшиеся неудачи белых вызвали в их войсках полнейшее разложение. Казаки целыми частями сдавались в плен со всем войсковым имуществом и вооружением.

К 3 сентября Красная армия оттеснила белых далеко от Оренбурга и заняла Орск и Актюбинск. Под Актюбинском сдалась целиком вместе с комсоставом 2-я отдельная казачья бригада Богданова. В районе Орска Красной армии сдались с полным вооружением части 5-й дивизии белых. Вскоре сдались почти в полном составе со всем имуществом 1 и 2-й конные казачьи корпуса, части 4-го армейского корпуса и др.

К половине сентября 1919 года количество перешедших на сторону Красной армии и взятых в плен составляло до 40 тысяч человек. Южная армия белых больше не существовала. Жалкие

остатки белой армии, не пожелавшие сдаться красным, через Тургайские степи ушли в Туркестан, к городу Сергиополю, а оттуда затем были вытеснены Красной армией в Китай.

С очищением актюбинского участка от белых части туркестанского фронта, действовавшие от Оренбурга, соединились с ташкентскими частями. Путь в Туркестан освободился на всем протяжении. Восстановилось прямое сообщение советского Туркестана с центральной частью Советской республики.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Социальные корни дутовщины

Географическое размежевание между революцией и контрреволюцией	5
Казачество — опора русского самодержавия	7
Казачи и «иногородние»	10
Беднота в кабале у помещиков и кулаков	15
Обстановка к началу Октябрьской революции	18

Глава вторая. Первый этап дутовщины

Чрезвычайный войсковой круг	21
Комитет спасения... от революции	24
Создание ревкома и его разгром	30
Рабочий ответ дутовщине	34
Побег из тюрьмы арестованных большевиков	39
Дутов играет в «демократию»	44
Стягивание красногвардейских сил в Бузулук	48
Начало военных действий	50
Взятие Оренбурга советскими войсками	54

Глава третья. Контрреволюционное движение в станицах весной и летом 1918 года

После изгнания Дутова из Оренбурга	57
Борьба в районе Троицка — Верхнеуральска	59
Белогвардейские налеты в районе Оренбург — Илецк — Илецкий городок	61
Объединение белогвардейских сил	64
Белый террор и репрессии за отказ от участия в войне	68
Борьба революционной части казачества против белогвардейцев	71
Борьба в Краснохолмском районе	73
Во вражеском кольце	82
Натиск контрреволюции	86

Глава четвертая. В белом Оренбурге

Дни черной реакции	88
Положение рабочих	92
Большевистское подполье за работой	97
Дутов, Самарский комуч и Сибирское правительство	100

Глава пятая. Военные успехи контрреволюции

Контрреволюция на Волге и в Сибири	106
Героический поход красных партизан	108
Создание Туркармии	113
Осада Орска белыми	115
«Широкие» планы Дутова	117

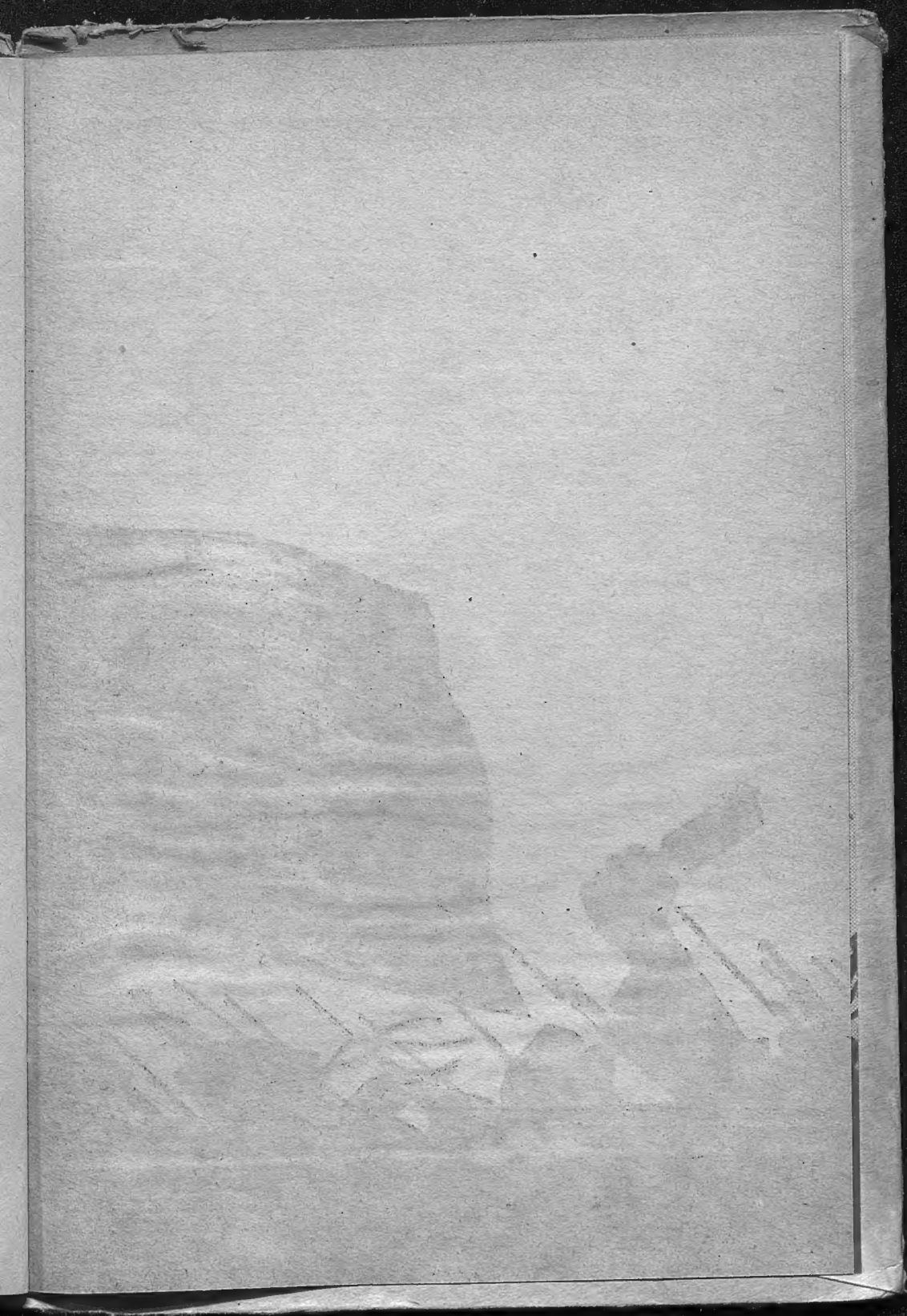
Глава шестая. Белый террор

Дутовский «правопорядок»	124
Кровавая месть	126
Расправы с пленными.	130
В столице кровавого атамана	132
Карательные отряды в деревне	139

Глава седьмая. Разгром дутовщины

Перелом на поволжском фронте	144
Караван Джангильдина	145
Наступление на Оренбург	149
Разложение в белой армии	153
Прорыв Восточного фронта Колчаком и новое наступление Дутова	155
Разгром 4-го корпуса белых	159
Борьба за Оренбург весной и летом 1919 года	161
Окончательный разгром дутовщины	165

4-11790

2 руб. 50 коп.

57